

- [Артур Хейли](#)
 - [1. 22.05 – 00.45](#)
 - [2. 00.45 – 01.45](#)
 - [3. 01.45 – 02.20](#)
 - [4. 02.20 – 02.45](#)
 - [5. 02.45 – 03.00](#)
 - [6. 03.00 – 03.25](#)
 - [7. 03.25 – 04.20](#)
 - [8. 04.20 – 04.35](#)
 - [9. 04.35 – 05.05](#)
 - [10. 05.05 – 05.25](#)
 - [11. 05.25 – 05.35](#)
-

Артур Хейли

**ВЗЛЕТНО-ПОСАДОЧНАЯ ПОЛОСА
НОЛЬ-ВОСЕМЬ**

1. 22.05 – 00.45

Косые струи нудного дождя сверкнули в ярком свете фар такси, свернувшего ко входу виннипегского аэропорта. Скрипнув тормозами, машина описала дугу на мокром асфальте и остановилась под неоновой вывеской здания аэропорта. Пассажир, выскочив из машины и кинув пару банкнот водителю, схватил чемоданчик и кинулся в вертящиеся двери.

В теплом и ярко освещенном большом зале он на мгновение остановился. Опустив воротник намокшего пальто и посмотрев на висящие над ним часы, он поспешил к стойке отправления авиакомпании «Кросс-Кэнада Эйрлайнз», находящуюся в углу зала и напоминающую стойку бара. Около нее никого не было, лишь агент по обслуживанию пассажиров проверял бортовую ведомость. Увидев подошедшего, он поднял со стойки маленький микрофон, движением бровей сделал ему знак подождать и начал размеренно говорить:

– Рейс 98, рейс 98. Отправление от выхода номер четыре. Пассажиры рейса 98 приглашаются к выходу номер четыре. Пожалуйста, не курите, пока самолет не наберет высоту.

Группа людей потянулась через зал к указанному выходу. Человек в пальто открыл было рот, чтобы спросить, но его оттолкнула пожилая дама, заикающаяся от волнения.

– Молодой человек, – спросила она решительно, рейс 63 из Монреаля уже прилетел? – Нет, мадам, – спокойно ответил тот. Он опаздывает, – агент сверился с журналом, примерно на тридцать семь минут. – Замечательно! Я встречаю племянницу...

– Посмотрите, – перебил ее нетерпеливо мужчина в пальто, – есть у вас места на рейс 98 до Ванкувера?

Агент покачал головой.

– Извините, сэр, ни одного. А почему вы не забронировали его заранее?

– Не успел. Приехал прямо в аэропорт в надежде на случай.

Мужчина в расстройстве облокотился на стойку.

– Я знаю, у вас иногда бывает одно-два.

– Все правильно, сэр! Но завтра в Ванкувере интересный матч. Все наши рейсы забиты до отказа. Я сомневаюсь, чтобы вы смогли улететь раньше завтрашнего полудня.

Мужчина тихо чертыхнулся, бросил чемоданчик на пол и сдвинул на

затылок мокрую фетровую шляпу.

– Проклятье! Я должен быть в Ванкувере не позднее завтрашнего полудня!

– Вы разве не видите, что я разговариваю! – вспылила пожилая дама. – Молодой человек, послушайте, прошу вас! Моя племянница везет...

– Прошу прощения, мадам, – перебил ее агент. Он перегнулся через стойку и придержал мужчину за рукав пальто. – Послушайте, я не должен вам этого говорить...

– Да? Что?

– Ну что это такое в самом деле! – взорвалась дама.

– Есть чартерный рейс из Торонто. Они летят на этот матч. Я надеюсь, у них есть несколько свободных мест. Вы могли бы попытаться.

– Прекрасно! – воскликнул мужчина. – Вы думаете, есть шанс?

– Попытка не пытка.

– Куда мне обратиться?

Агент по обслуживанию пассажиров усмехнулся и махнул рукой через зал:

– Прямо напротив. «Мэйпл Лиф Эйр Чартер». Но я вам ничего не говорил.

– Неслыханно! – не унималась пожилая дама. – Вы должны знать, что моя племянница...

– Большое спасибо! – поблагодарил мужчину в пальто и быстро направился к маленькой стойке указанной авиакомпании. За стойкой служащий в темной пиджачной паре, в отличие от щегольски нарядной униформы «Кросс-Кэнада Эйрлайнз», что-то торопливо писал. Увидев подходящего, он бросил писать и посмотрел на него. Взгляд служащего выражал «фирменное» внимание к клиенту.

– Сэр?

– Не могли бы вы мне помочь? Нет ли у вас одного места на рейс до Ванкувера?

– Ванкувер? Сейчас посмотрю. – Карандаш быстро заскользил вдоль списка пассажиров. – Ага, как раз одно есть. Рейс сейчас отправляется, он задержался.

– Отлично! Я беру его.

Служащий подвинул к себе корешок билета.

– Имя, сэр?

– Джордж Спенсер.

Все было сделано быстро, но с соблюдением всех формальностей.

– С вас шестьдесят пять долларов, сэр. Благодарю вас, рад был быть

вам полезен. Багаж, сэр?

– Только чемоданчик. Я возьму его с собой.

Чемоданчик был взвешен и служащий прикрепил к нему бирку.

– Теперь послушайте меня, сэр. Билет и есть ваш посадочный талон. Идите к выходу номер три и спросите рейс 714. Пожалуйста поторопитесь, сэр – самолет готов к отправлению.

Спенсер кивнул и, повернувшись, показал работнику «Кросс-Кэнада Эйрлайнз», что все в порядке. Тот кивнул ему в ответ поверх плеча пожилой дамы и Спенсер заторопился к выходу на посадку.

Ночной холодный воздух вибрировал от воя авиационных двигателей; как в любом аэропорту здесь, после наступления темноты все, казалось, находилось в страшном беспорядке, но, в то же время, было частью хорошо отрегулированной системы. Дежурный повел его через блестящую от дождя площадь к стоящему самолету; фюзеляж его напоминал серебряную стрелу, блестящую в свете дуговых ламп. Трап уже собирались убирать. Перепрыгивая через лужи, Спенсер добежал до трапа, помахал отрывным талоном билета и взбежал по ступенькам, придерживая шляпу от порывов ветра. Он нырнул внутрь самолета и остановился, тяжело дыша. Стюардесса, закутанная в непромокаемый плащ, улыбнулась ему и закрыла дверь. И он сразу ощутил, как заработали двигатели.

– Прошу прощения за задержку, – сказал он извиняющимся тоном.

– Добрый вечер, сэр. Рады видеть вас на борту.

– Мне тоже очень приятно.

– Впереди есть свободное место.

Спенсер скинул пальто и шляпу и прошел к свободному креслу. Он с трудом запихнул свое пальто в свободную ячейку багажного отделения, пробормотал: – Они и не подумают сделать эти штуки чуть побольше, – обращаясь к своему соседу, внимательно разглядывающему его, задвинул чемоданчик под сиденье и, наконец, опустился в кресло.

– Добрый вечер! – раздался веселый голос стюардессы. – «Мэйпл Лиф Эйр Чартер Компани» приветствует новых пассажиров на борту самолета, выполняющего рейс 714. Мы надеемся, что вы останетесь довольны полетом. Пожалуйста, пристегните привязные ремни, мы взлетаем.

Пока Спенсер возился со своим ремнем, пассажир, сидевший рядом, проворчал:

– Ну и надпись. Век бы ее не видеть. – И кивнул на маленькую табличку на спинке впереди стоящего кресла – «Ваш спасательный жилет находится под сиденьем».

Спенсер рассмеялся:

– Я бы несомненно утонул, если бы не попал на этот рейс.
– О, вы такой страстный болельщик, да?
– Болельщик? – Спенсер вспомнил, что это был чартерный рейс на матч. – А-а-а, нет. Дело не в игре. Просто я спешу в Ванкувер на деловую встречу. Безусловно, я бы хотел посмотреть этот матч, но боюсь, у меня ничего не получится.

Его сосед перешел на конспиративный шепот, насколько позволял шум двигателей:

– Будь я на вашем месте, я бы не говорил об этом так громко. Этот самолет набит твердолобыми, которые летят в Ванкувер только с одной целью – подбодрить своих парней и орать проклятья противникам. И вам может не поздоровиться, если вы будете говорить об этом в таком пренебрежительном тоне.

Спенсер рассмеялся и выглянул из-за сиденья, чтобы осмотреть салон. В нем было полно типичных болельщиков – шумных, буйных, но добродушных, путешествующих лишь с одной целью – прославлять свою команду и проклиная соперника.

Справа от Спенсера сидела пожилая пара, погрузившись с головой в спортивные журналы. Перед ними сидело четверо ярых болельщиков, разливая водку в бумажные стаканчики. Они собирались провести ночь, обсуждая качества различных игроков; отрывки их беседы долетали до него.

– Хэггерти?! Хэггерти?! Не подсовывайте мне эту дрянь. Он же в другой лиге. А вот, если хотите, и для вас...

А перед ними сидели болельщики, одетые в цвета своей команды: могучий краснолицый мужчина настраивал их на предстоящую игру.

Спенсер повернулся к своему соседу. По давней привычке подмечать детали, он отметил скромный костюм, когда-то хорошо сшитый, но сейчас изрядно помятый; не подходящий к нему галстук; морщинистое лицо и седые волосы; и едва уловимое выражение уверенности и значительности. «Характерное лицо» – решил он. В иллюминаторе замелькали синие огни рулежной дорожки – самолет двинулся вперед.

– Может быть я скажу ересь, – ответил Спенсер, – но я лечу на побережье совершить сделку, и это для меня самое главное.

Его сосед заинтересовался.

– Чем торгуете?

– Грузовики. Оптовая торговля грузовиками.

– Грузовики? Я считал, что ими торгуют диллеры.

– Так и есть. Меня подключают, когда сделка заключается на партию

от тридцати до ста грузовиков. Местные торговцы меня не жалуют, они не любят людей из центральной конторы. Торговля имеет свои маленькие проблемы. Вот так то!

Спенсер достал сигареты, но остановился.

– Наверное, курить нельзя? Мы еще не взлетели?

– Если и летим, то очень низко и очень медленно.

– Ну и ладно! – Спенсер вытянулся в кресле. – Как я устал! Это был один из тех дней, когда лезешь на стену. Понимаете, о чем я говорю?

– Мне кажется, да.

– Сначала этот парень решил, что грузовики моего конкурента лучше. Потом, когда он все-таки согласился на мои машины и я решил, что смогу оформить заказ к ужину и к завтрашнему вечеру вернуться домой, я получаю телеграмму о том, что я должен быть в Ванкувере к завтрашнему ланчу. Там срывается большой контракт. Поэтому должен появиться волшебник и спасти положение. – Спенсер вздохнул, потом выпрямился в кресле и спросил с притворной серьезностью:

– Эй, послушайте. Если вам нужно сегодня сорок или пятьдесят грузовиков, я могу вам сделать приличную скидку. Чувствуете, как шумит ваш автопарк?

Сосед рассмеялся.

– Спасибо, не надо. Боюсь, мне негде их применить. Это не моя область.

– А чем вы занимаетесь? – поинтересовался Спенсер.

– Медицина.

– А-а-а, вы доктор?

– Да, доктор. И боюсь, что не смогу быть вам полезен в продаже грузовиков. Я не могу купить даже один, не говоря уже о сорока. Футбол – единственная страсть, которую я могу себе позволить и поэтому я путешествую везде, если только могу выкроить время. И вот я лечу ночью.

Откинувшись на спинку кресла, Спенсер сказал:

– Рад, что вы рядом, доктор. Если не смогу уснуть, вы пропишите мне снотворное.

Пока он говорил, моторы взревели на полную мощность, и весь самолет завибрировал, удерживаемый на месте тормозами.

Доктор наклонился к Спенсеру и прокричал ему в самое ухо:

– Снотворное в таком шуме не поможет! Я никогда не мог понять, почему они так режут перед тем, как тронуться.

Спенсер кивнул; потом, когда через несколько секунд шум утих настолько, что он мог слышать себя без больших усилий, он ответил:

– Это всегда делается перед разбегом и взлетом. Каждый двигатель имеет два магнето на случай, если одно выйдет из строя в полете, а на старте каждый двигатель, в свою очередь, испытывается на полную мощность и каждое магнето проверяется отдельно. И если пилот удовлетворен их работой, только после этого он взлетает, но не раньше. Авиакомпания, слава богу, строго соблюдают этот порядок.

– Вы говорите, как специалист в этом деле.

– Вовсе нет. Я был военным летчиком во время войны, но порядком все подзабыл. Боюсь, что совсем все.

– Ну, мы поехали, – сказал доктор, когда рев двигателей стал глуше. Их слегка вдавило в кресла, самолет все быстрее и быстрее бежал по взлетно-посадочной полосе. Внезапно легкий крен подсказал им, что они уже в воздухе, рев моторов перешел в ровный гул. Набирая высоту, самолет сделал крутой вираж, и Спенсер увидел, как огни аэропорта промелькнули под крылом.

– Вы можете расстегнуть ремни, – раздался голос стюардессы, – и можете курить.

– Наконец-то, – пробормотал доктор, расстегивая замок и беря предложенную сигарету. – Благодарю. Между прочим, меня зовут Бэйрд, Бруно Бэйрд.

– Очень приятно, док. А я Спенсер, просто Джордж Спенсер из «Фулбрайт Мотор Компани».

Некоторое время мужчины молча курили, рассеянно наблюдая, как сигаретный дым поднимался к потолку и втягивался в вентиляционное отверстие. Невеселые мысли одолевали Спенсера. Очевидно, должен состояться серьезный разговор по возвращении его в центральный офис. Хотя он и объяснил ситуацию местному диллеру в Виннипеге перед тем, как вызвать такси в аэропорт, этот заказ необходимо было сейчас поддержать. А для этого желательно бы организовать в Ванкувере солидную контору. Да, это отличная идея! Это может служить поводом просить прибавки жалованья по возвращении. А еще лучше, повышение по службе. На место начальника отдела региональных диллеров, о чем старик часто упоминал, но никогда не делал. Это было бы очень кстати! Он и Мэри, Бобси и маленькая Китти могли бы переехать в район Паркуэй Гейтс. Или оплатить счета – новый бак для воды, счета за учебу, за медицинское обслуживание во время последней беременности Мэри. «К сожалению, на это не хватит даже зарплаты начальника отдела», – с горечью подумал Спенсер.

Доктор Бэйрд никак не мог решить, устроиться ли ему спать или

почитать захваченный с собой медицинский журнал, но не стал делать ни того ни другого, а погрузился в размышления о хирургической клинике в маленьком городке, которую он покинул пару дней назад. Интересно, как там справляется Эванс? Обещающий парень, но до смешного молод. Будем надеяться, что миссис Лоури не даст юному Эвансу сбиться с верного пути. Доктор слегка задремал и проснулся от того, что сигарета обожгла ему пальцы.

Пара, сидящая через проход от них, была по-прежнему погружена в спортивные журналы. Описать Джо Грир значило бы описать Хэйзел Грир: это была пара, какую трудно себе представить. У обоих была розовая кожа и пронизательный взгляд небесно-голубых глаз; оба низко склонились над страницами, усеянными мелким шрифтом так, как будто там были напечатаны секреты всего мира.

– Ячменный сахар? – спросил Джо, когда стюардесса обходила салон с подносом.

– Ага-а-а, – ответила Хэйзел, усердно жуя, и две копны каштановых волос опять склонились над журналами.

Четверка пассажиров, сидящих сзади, по третьему кругу пустила бумажные стаканчики с водкой. Трое были совершенно обычного вида: мускулистые, энергичные любители поспорить, позабывшие свою обычную сдержанность на два предстоящих дня. А четвертый был невысокого роста, худощавый, мрачного вида и неопределенного возраста; говорил он с явным ланкаширским акцентом.

– За завтрашний успех «Лайонз», – провозгласил он следующий тост, поднимая стаканчик. Его друзья торжественно поблагодарили его за это. Один из них – на лацкане его пальто был нацеплен значок, на котором грязная, облезлая, бродячая кошка, стоящая на задних лапах, очевидно, изображала царя зверей – достал свой портсигар и заметил, уже не в первый раз:

– Никак не думал, что мы когда-нибудь улетим. Когда мы сидели в Торонто из-за этого проклятого тумана, я сказал себе: «Энди, очень возможно, черт возьми, что мы можем не попасть на этот матч!». Тем не менее, мы опаздываем только на несколько часов и можем с успехом выпастись в самолете.

– Я надеюсь, нас сначала покормят, – заметил один из его друзей. – Я проголодался. Когда же принесут обед?

– Я полагаю, чуть позже. Обычно они разносят его около восьми, но сейчас все сдвинулось из-за этой задержки.

– Неважно! Давайте выпьем в ожидании обеда, – предложил

ланкаширец по прозвищу «Тушенка», поднимая бутылку.

– Полегче, дружище! У нас ее осталось не очень много.

– Да, нет. Водки у нас больше, чем вам кажется. Ну, поехали! Это поможет нам уснуть.

Остальные пассажиры, среди которых три или четыре женщины, разговаривали или читали или предвкушали предстоящую игру, радуясь тому, что их трансконтинентальное путешествие подходит к концу. В иллюминаторе еще можно было видеть мерцающие синие и желтые огоньки последних окраин Виннипега, пока их совсем не скрыли облака. Самолет набирал высоту.

В крошечной, но хорошо оборудованной кухоньке стюардесса Джанет Бенсон готовилась разносить обед, который она должна была подать еще два часа тому назад. В зеркале над стеклянным шкафчиком отражалось то радостное настроение, которое ее охватывало в начале полета и переизбыток которого ей не от кого было скрывать в своем служебном помещении. Доставая из встроенных ящиков салфетки и приборы, она что-то весело напевала. Роль официантки была наименее приятной из всех обязанностей стюардессы и Джанет знала, что ей предстоит выматывающий час: накормить полсотни голодных людей – но, тем не менее, она была счастлива и уверена в себе. Многие из ее коллег, когда видят ее развевающиеся из-под форменной шапочки светлые волосы и движения ее стройного тела во время работы на кухне, оценивающе присвистывают и тоже заряжаются ее уверенностью. В свои двадцать один Джанет только начинала вкушать жизнь, и находила ее прекрасной.

Впереди, в пилотской кабине, единственным звуком был гул работающих двигателей. Оба пилота сидели абсолютно неподвижно, если не считать редкого движения руки или ноги; их лица едва освещались множеством шкал на приборных панелях. В наушниках, наполовину прикрывающих уши, был слышен постоянный треск и переговоры самолетов между собой и с наземным диспетчером.

Командир корабля Даннинг вытянулся в кресле, разминая затекшие мышцы, и шумно выдохнул сквозь свои пышные усы – эта манера командира была хорошо известна его экипажу. Выглядел он старше своих лет – а ему было тридцать один.

– Как температура головки блока цилиндров третьего двигателя, Пит? – спросил он, бросив взгляд на второго пилота. Пит повернулся и посмотрел на приборную панель.

– О`кэй, командир! Я проверял его в Виннипеге, но они не смогли ничего найти. Кажется, само исправилось, и теперь не греется.

– Хорошо, – Дан внимательно всматривался в ночное небо. Блеклая луна уныло освещала сугробы облаков. Пушистые, как хлопковые, нити лениво тянулись к самолету и, достигнув его, моментально проносились мимо; или внезапно самолет погружался в нагромождение серо-белых облаков, выскакивая оттуда через секунду-две, как спаниель, который отряхивается от воды после купания.

– Немного везения – и у нас будет приятный полет, – заметил он. – Метеосводка могла бы быть и получше. Не так уж часто выпадает в плановый полет увеселительная прогулка!

– Ты прав, пожалуй, – согласился с ним второй пилот. – Через месяц такого может и не повториться.

Машину затрясло, и на несколько минут командир сосредоточился, чтобы ее выровнять. А потом поинтересовался:

– А ты собираешься сходить на игру, если успеешь?

Второй пилот задумался.

– Я еще не знаю. Посмотрим, как все пойдет.

Командир внимательно посмотрел на него.

– Что ты имеешь ввиду? Какие у тебя дела? Если ты положил глаз на Джанет, то можешь не рассчитывать. Она еще очень молода, чтобы попасть под развращающее влияние такого Казановы, как ты.

Никому так не подходило это прозвище, как молодому, с задумчивым взглядом, второму пилоту в его двадцать лет.

– Полегче, командир, – возразил он, краснея. – Я в своей жизни еще никого не развратил.

– Прекрасно! Ну и не пытайся приударить за Джанет, – командир усмехнулся. – Половина мужиков с авиалиний Канады считали своим долгом попытаться заполучить ее. Так что не осложняй себе жизнь, болван.

А в двенадцати футах от них, за скользящей дверью, предмет их беседы собирала пожелания пассажиров относительно обеда.

– Вы будете сейчас обедать, сэр? – тихо спросила она, наклонившись с улыбкой к доктору.

– А? Что такое? О, да, пожалуйста, – проснувшись ответил тот и толкнул локтем спящего Спенсера. – Обедать будете?

Спенсер зевнул и проснулся.

– Обедать? Конечно! Немного поздновато, мисс, не так ли? Я думал, что давно пропустил его.

– Не задержись мы в Торонто, сэр, все было бы во время. Что вы

желаете: телячью отбивную или жареный лосось?

– Э-э, да, пожалуйста!

Джанет слегка улыбнулась.

– Что да, сэр? – переспросила она терпеливо.

Спенсер, наконец, совсем проснулся.

– О, да, простите мисс! Мне отбивную, пожалуйста.

– Мне тоже, – добавил Бэйрд.

Вернувшись в кухню, следующие полчаса Джанет полностью была занята приготовлением и сервировкой обеда. В конце концов, Джанет, обслужила всех, кто хотел есть, освободилась и подняла в кухне трубку внутреннего телефона и нажала кнопку.

– Кабина, – услышала она голос Пита.

– Я, наконец, заканчиваю с обедом. Лучше поздно, чем никогда. Что вы будете есть – телячью отбивную или жареный лосось?

– Подожди, – Джанет слышала, как они переговариваются. – Джанет, командир хочет отбивную – нет, секунду, он передумал. Рыба свежая?

– Мне кажется, ничего. Никто не жаловался.

– Командир будет лосось, я тоже. Можно положить побольше, мы еще растем.

– Хорошо, двойные порции, как обычно. Сейчас несу! Она быстро уложила все на два подноса и понесла, балансируя с привычной легкостью в такт почти незаметным колебаниям самолета. Пит повернулся, открыл ей дверь и принял у нее поднос. Командир уже включил автопилот и заканчивал обычный радиодialog с диспетчером Виннипега.

– Высота 16 тысяч, – продолжал он в микрофон, висящий около рта. – Курс 285. Скорость 210 узлов. Расчетное время прибытия в Ванкувер – 05.05 по местному времени. Конец связи.

Он переключился на прием, услышал в наушниках треск и знакомые позывные:

– Рейс 714. Говорит Виннипег, наземный диспетчер. Понял вас, конец связи.

Дан дотянулся до бортового журнала, сделал в нем запись и отодвинул кресло назад, чтобы видеть все приборы и, в случае необходимости, быстро дотянуться до них. Пит уже принялся за еду, положив поднос на колени.

– Я быстро, командир.

– Можешь не торопиться. – Дан потянулся, вытягивая руки над головой, насколько позволяла маленькая кабина. – Я могу подождать. Наслаждайся. Кстати, как рыба?

– Неплохо, – пробормотал второй пилот с набитым ртом. – Если бы ее

было в три – четыре раза больше, было бы лучше.

Командир усмехнулся.

– Ты бы лучше последил за фигурой, Пит! – Он повернулся к стюардессе, которая стояла сзади. – В салоне все в порядке, Джанет? Как там эти футбольные «фаны»?

Джанет пожала плечами.

– Пока все тихо. Эта задержка в Торонто всех утомила. Четверо постоянно пьют водку, но предупреждать их пока нет необходимости. Это помогает им успокоиться. Так что, я думаю, ночь будет спокойной.

Пит лукаво взглянул на нее.

– Так-так, девушка! В такие ночи, как правило, и начинаются всякие неприятности. Держу пари, кого-нибудь сейчас уже тошнит.

– Пока нет, – отшутилась Джанет. – Но ты предупреди, когда возьмешь управление в свои руки, и я приготовлю гигиенические пакеты.

– Молодец, – похвалил ее командир. – Я рад, что ты начинаешь в нем разбираться.

– Как там погода? – поинтересовалась Джанет.

– Сейчас посмотрим! Сплошной туман восточнее гор тянется почти до Манитобы. Но пока ничего страшного для нас. Это, должна быть, увеселительная прогулка на побережье.

– Хорошо. Командир, вы ведь не подпустите его к управлению, пока я готовлю кофе, да?

Она выскользнула из кабины, не дожидаясь реакции Пита, прошла через салон, предлагая кофе, и тут же вернулась обратно, неся поднос с кофе пилотам. Дан за это время успел пообедать, и с удовольствием принялся за кофе. Пит переключился на управление, полностью погрузившись в приборы, а командир встал с кресла.

– Держи крепче, Пит. А я пойду, пожелаю спокойной ночи пассажирам.

– Есть, командир, – кивнул Пит, не поворачивая головы.

Командир проследовал за Джанет в ярко освещенный пассажирский салон, зажмурился и остановился около кресел Спенсера и Бэйрда, протянувших свои подносы стюардессе.

– Добрый вечер, – сказал он. – Все в порядке?

Бэйрд поднял глаза.

– Ну конечно, спасибо. Очень вкусный обед. Мы как раз проголодались.

– Да, да. Я прошу прощения за задержку.

Доктор отмахнулся от него.

– Глупости! Вы же не виноваты в том, что в Торонто был туман. Ну ладно, – сказал он, устраиваясь поудобнее в кресле, – я, пожалуй, еще подремлю.

– Я тоже, – зевая, сказал Спенсер.

– Желаю вам спокойной ночи, – сказал Дан, выключая над ними лампочки индивидуального освещения. – Стюардесса принесет вам кофе. И он пошел дальше по проходу, находя для каждого пассажира несколько слов, объясняя одним, как откинуть кресло в лежачее положение, рассказывая другим о прогрессе в авиации и о погоде.

– Ну ладно, я погружаюсь в страну грез, – пробормотал Бэйрд сонно, с закрытыми глазами. – Во всяком случае, добрых семь часов сна. Не будем терять время. Спокойной ночи!

– Спокойной ночи, док! – пробормотал Спенсер, поудобнее устроивая голову. – Хорошо бы поспать.

Вынырнув из густых облаков, монотонно гудевшая машина продолжала свой полет в холодном поднебесье. В шестнадцати тысячах футов под ней простирались прерии Саскачевана, сонные и безмолвные.

Дан дошел до четверки распивающих водку болельщиков.

– Вы знаете, – произнес он с укоризной, – употребление спиртных напитков на борту запрещено. Поэтому, чтобы бутылок я больше не видел, в противном случае вам придется выйти и прогуляться.

– А карты разрешены? – поинтересовался один из них, поднимая фляжку и рассматривая ее на просвет. Он огорчился от того, что в ней осталось очень мало любимого напитка.

– Пожалуйста, при условии, что вы не будете мешать окружающим.

– Сочувствуем, командир, – сказал ланкаширец. – Кому же это понравится – такая тяжелая работа на всю ночь.

– Рутина, – ответил Дан, – скучная рутина.

– Следовательно, я полагаю, каждый полет – рутина?

– Ну да. Именно так.

– Пока что-нибудь не случится, а?

Последовал взрыв смеха, к которому присоединился и Даннинг. Только ланкаширец, одурманенный предыдущей выпивкой, казалось, на мгновение задумался над своими собственными словами.

2. 00.45 – 01.45

Командир почти закончил свой обход и наслаждался несколькими минутами отдыха, разговаривая с одним из пассажиров, который, казалось, летал с ним раньше.

– Я знаю, что это выглядит немного странновато, – говорил Дан извиняющимся тоном, теребя свои густые усы, – но я так долго их ношу, что теперь уже не могу без них. Это как старый друг. Вы меня понимаете?

– Держу пари, они приводят в восторг всех девушек, – ответил маленький человечек. – Как они вас прозвали – Бобер?

– Нет, что вы, – ответил Дан, скрывая усмешку за густыми усами. – На этой авиалинии все кичатся своей начитанностью. Поэтому это либо «Еще год, Дан, а дальше?» либо, что чаще, «как Дансинэйн».

– Как что? – Пассажир не понял.

– Дансинэйн, – ответил Дан медленно. – Уверен, вы знаете. Вы ведь читали «Макбет»?

Маленький человечек изумленно уставился на него.

– Макбет? – переспросил он. – Эй, это вы о чем?

Но командир уже двинулся дальше. Во время разговора он заметил стюардессу, стоящую дальше в проходе и склонившуюся над женщиной, положив ладонь ей на лоб. Когда он подошел, женщина, которая скорее лежала в кресле, откинувшись на спинку, внезапно скорчилась от боли. Глаза ее были прикрыты.

Командир слегка тронул стюардессу за руку.

– Что-нибудь не так, мисс Бенсон?

Джанет выпрямилась.

– Леди почувствовала себя нехорошо, вероятно, из-за погоды. Я сейчас дам ей аспирин.

Дан поменялся с ней местами и склонился над женщиной, рядом с которой сидел мужчина, очевидно, ее муж.

– Мне очень жаль, – посочувствовал он, – что с вами произошла эта неприятность.

Женщина удивленно посмотрела на него.

– Я-я не знаю, – проговорила она очень тихо. – Это произошло так внезапно! Я почувствовала тошноту, и у меня закружилась голова. И-и эта ужасная боль... вот здесь, внизу. – Она показала. – Прошу прощения, что причиняю вам неудобства – я...

– Сейчас, сейчас, голубушка, – пробормотал сидевший рядом мужчина. – Лежи спокойно. Сейчас тебе станет легче! – Он посмотрел на командира. – Ведь ее просто укачало, не так ли?

– Я надеюсь, что так, сэр, – ответил Дан.

Он внимательно посмотрел на женщину, отмечая испарину на ее бледном лбу, рассыпанные в беспорядке волосы, побелевшие костяшки пальцев руки, крепко сжимавшей подлокотник; другой рукой она держалась за мужа.

– Мне очень неприятно, поверьте, – сказал он мягко, – но я уверен, что стюардесса сможет вам помочь. Постарайтесь расслабиться, насколько сможете.

Он подвинулся и уступил место Джанет.

– А вот и я, – сказала стюардесса, протягивая таблетки. – Попробуйте это принять.

Она помогла женщине приподнять голову и сделать несколько глотков воды из стакана.

– Прекрасно! А сейчас устроим вас поудобнее.

Она укутала женщину пледом.

– Ну как, вам удобнее? – женщина благодарно кивнула в ответ. – Я вернусь через несколько минут узнать, как вы себя чувствуете. Не беспокойтесь и, если понадобится, пользуйтесь гигиеническим пакетом. А если я вам понадоблюсь, нажмите, пожалуйста, вот эту кнопку, у иллюминатора.

– Благодарю вас, мисс, – несколько тревожно сказал ее муж, – я уверен, что скоро все пройдет. – Он посмотрел на жену с улыбкой, словно успокаивая себя. – Постарайся отдохнуть, дорогая! Скоро все пройдет.

– Я надеюсь, что так, – сказал Дан, – я знаю, как это неприятно, но надеюсь, что вам скоро станет легче, и вы спокойно проведете ночь.

Он вернулся в кухню и подошел к Джанет.

– Кто они? – спросил Дан.

– Мистер и миссис Чилдер – Джон Чилдер. Еще пятнадцать минут назад все было в порядке.

– Хм! Ну, хорошо, ты мне сообщишь, если ей станет хуже и я свяжусь с диспетчером.

Джанет быстро взглянула на него.

– Но почему? Что вы имеете ввиду?

– Я не знаю. Мне не нравится ее вид. Возможно, ее укачало, а, может быть, печеночная колика – но мне кажется, ей очень плохо.

Командир выглядел слегка встревоженным, рассеянно барабанил

пальцами по металлическому ящику.

– Есть у нас на борту доктор?

– Никого, кто записан как доктор, – ответила Джанет, – но я могу узнать.

Дан отрицательно покачал головой.

– Не надо никого беспокоить. Большинство уже спят. Через полчаса сообщу-ка мне об ее самочувствии. Беда в том, – добавил он, выходя, – что нам лететь еще больше четырех часов.

Возвращаясь в кабину, он на мгновение остановился и улыбнулся несчастной женщине. Она попыталась улыбнуться в ответ, но внезапно острая боль перекосила ее лицо и заставила скорчиться. Несколько секунд Дан внимательно всматривался в нее, затем он вернулся в кабину и закрыл за собой дверь. Опустившись в кресло, он сорвал с головы фуражку и надел большие наушники с микрофоном. Пит был погружен в управление самолетом.

Рассеянные шапки облаков, казалось, мчались прямо в лицо, но, обтекая фюзеляж, тут же исчезали.

– Образуются грозовые облака, – доложил второй пилот.

– Входим в бурную полосу, да? – спросил его в ответ Дан.

– Похоже на то.

– Понятно! Пожалуй, лучше забраться повыше. Запроси-ка горизонт двадцать тысяч, хорошо?

– Есть! – Пит переключился на передачу. – 714 вызывает диспетчера! – Начал он.

– Слушаю, 714, – протрещал в ответ голос в наушниках.

– Попали в область плохой погоды. Просим горизонт двадцать тысяч.

– 714, не отключайтесь! Я запрошу службу движения.

– Спасибо! – ответил Пит.

Командир внимательно вглядывался в облачную муть за бортом.

– Пожалуй, можно включить табло «Пристегнуть ремни», Пит, – предложил он, автоматически удерживая машину в горизонтальном полете.

– О`кэй, командир! – Пит щелкнул выключателем на верхней панели.

Ощущалась легкая дрожь, когда самолет, пробившись сквозь одну стену облаков, тут же попадал в другую.

– Рейс 714, – донесся голос из наушников, – служба движения дает разрешение на двадцать тысяч.

– Я 714, – ответил Пит. – Спасибо и конец связи.

– Начали, – сказал командир. Гул двигателей усилился, кабина накренилась и стрелка альтиметра стала отсчитывать набор высоты со

скоростью пятьсот футов в минуту. Стеклоочиститель ритмично рассекал воздух, покачиваясь из стороны в сторону, и расширял обзор.

– Поскорее бы вырваться из этой мерзости, – заметил второй пилот.

Дан не ответил, он не отрывал глаз от приборов. Никто из пилотов не расслышал, как вошла стюардесса. Она тронула командира за плечо.

– Командир, – сказала она взволнованно, стараясь держать себя в руках. – Эта женщина – ей еще хуже. И еще один пассажир – мужчина – почувствовал себя плохо.

Дан не ответил. Он поднял руку и включил посадочные огни. Острые лучи пронзали налетающий дождь со снегом. Выключив огни, Дан защелкал тумблерами управления двигателями и антиобледенителями.

– Я не могу сейчас подойти, Джанет, – ответил, наконец, он. – Ты лучше поищи доктора. И проследи, чтобы все пристегнули ремни. Сейчас начнет трясти. Я подойду, как только освобожусь.

– Хорошо, командир.

Выйдя из кабины, Джанет сказала достаточно громко, чтобы ее было слышно во всех рядах:

– Пожалуйста, пристегните ремни! Сейчас может немного потрясти.

Она склонилась к первым двум пассажирам справа от нее, не понимающим спросонья, что случилось.

– Прошу прощения, – тихо спросила она, – нет ли среди вас, случайно, доктора?

Ближайший к ней мужчина отрицательно покачал головой.

– Нет, к сожалению, – пробормотал он, – а что случилось?

– Нет, ничего серьезного.

Ее внимание привлек чей-то вскрик. Она поспешила по проходу к креслу, в котором лежала на руках своего мужа миссис Чилдер. Она была в полубессознательном состоянии и стонала от боли. Джанет быстро опустилась на колени и вытерла ей лоб, блестевший от пота. Чилдер изумленно смотрел на нее; на лице его застыло страдальческое выражение.

– Что мы можем сделать, мисс? Как вы думаете?

– Согрейте ее, – ответила Джанет, – а я пойду поищу доктора среди пассажиров.

– Доктора? Будем надеяться, что он есть. А если нет, тогда что?

– Не беспокойтесь, сэр, я скоро вернусь.

Она поднялась с колен, быстро взглянула на страдающую женщину и подошла к следующим креслам, задавая все тот-же вопрос.

– Кто-нибудь болен? – спросили ее в ответ.

– Нет, легкое недомогание. Это иногда случается. Прошу прощения,

что потревожила вас.

Ее схватили за руку. Это был один из той четверки, что накачивались водкой; лицо его было желтым и блестело от пота.

– Прошу прощения, мисс, что я вас беспокою, но я чертовски скверно себя чувствую. Вы не дадите мне стакан воды?

– Конечно. Я вам сейчас принесу.

– Я никогда не чувствовал себя так скверно. – Мужчина откинулся на спинку кресла и тяжело задышал, раздувая щеки. Один из его товарищей зашевелился, открыл глаза и сел.

– Ну, что это с тобой? – проворчал он.

– Что-то внутри не в порядке, – ответил тот. – Такое впечатление, как будто что-то разрывается на части. – Он схватился руками за живот при очередном приступе боли.

Джанет вежливо потрясла Спенсера за плечо. Он открыл сначала один глаз, потом другой.

– Я прошу прощения, что разбудила вас, сэр, но, может быть, вы знаете здесь доктора?

Спенсер задумался.

– Доктор? Нет, пожалуй нет.

Джанет кивнула и пошла дальше.

– Хотя, подождите, – остановил он ее. – Я, кажется, вспомнил – да, конечно. Вот этот джентльмен рядом со мной – доктор.

– О, слава Богу! – вздохнула она с облегчением. – Вы не могли бы его разбудить?

– Разумеется. – Спенсер взглянул на нее. – Кто-нибудь болен, да?

– Легкое недомогание.

– Эй, док, поднимайтесь, – сказал Спенсер добродушно. Доктор потряс головой, что-то проворчал и быстро поднялся.

– Кажется, у вас ночной вызов!

– Вы доктор, сэр? – с волнением спросила Джанет.

– Да, да, я – доктор Бэйрд. Что случилось?

– У нас двое пассажиров плохо себя чувствуют. Их сильно тошнит. Вы не могли бы их посмотреть?

– Тошнит? Да, конечно.

Спенсер поднялся, чтобы выпустить доктора.

– Где они? – спросил Бэйрд, протирая глаза.

– Я думаю, вам нужно сначала посмотреть женщину, доктор, – сказала Джанет, показывая ему дорогу и одновременно обращаясь к пассажирам: – Пожалуйста, пристегните ремни!

Миссис Чилдер откинулась, насколько ей позволяло кресло. Приступы боли сотрясали все ее тело. Она тяжело дышала, волосы были мокры от пота. Бэйрд остановился, изучая ее, затем опустился на колени и взял ее за руку.

– Этот джентльмен – доктор, – сказала Джанет.

– Рад вас видеть, доктор, – горячо воскликнул Чилдер.

Женщина открыла глаза.

– Доктор... – она пыталась говорить, губы ее дрожали.

– Расслабьтесь, пожалуйста, – сказал ей Бэйрд, следя за секундной стрелкой. Он отпустил ее руку, порылся в карманах пиджака и достал карманный фонарик.

– Пожалуйста, откройте пошире глаза, – попросил он и направил ей в лицо узкий луч света.

– Так. Болит? – Женщина кивнула. – Где? Здесь? Или здесь? – Когда он пальпировал ей живот, она внезапно напряглась, с трудом подавив крик. Он опять укрыв ее пледом, потрогал ей лоб и поднялся.

– Это ваша жена? – спросил он Чилдера.

– Да, доктор.

– Она жаловалась на что-нибудь еще, кроме боли?

– Ее сильно тошнило, постоянная рвота.

– Когда это началось?

– Не так давно, я полагаю. – Он беспомощно посмотрел на Джанет. – Это все началось так неожиданно!

Бэйрд кивнул. Он повернулся к Джанет и тихо, так, что-бы не слышали сидящие рядом пассажиры, стал задавать ей вопросы.

– Вы давали ей что-нибудь?

– Только аспирин и воду, – ответила девушка. – Ой, хорошо что вы напомнили. Я обещала стакан воды мужчине, ему тоже плохо...

– Подождите, – приказал Бэйрд. Сон окончательно покинул его. Он был сосредоточен и строг.

– Откуда у вас медицинские познания? – спросил он строго.

– На курсах стюардесс, но...

– Нет, ничего! Но не всегда можно давать аспирин тем, у кого сильная рвота – можно только навредить. Только воду.

– Я-я прошу прощения, доктор! – Джанет заикалась от волнения.

– Я думаю, вам лучше пойти к командиру, – сказал Бэйрд. – Передайте ему, пожалуйста, что нам нужно сесть как можно быстрее. Эту женщину необходимо срочно доставить в больницу. Передайте ему, чтобы он запросил «Скорую помощь» к самолету.

– Вы уже знаете, что это такое?

– Сейчас я не могу достаточно определенно поставить диагноз. Но это настолько серьезно, что мы должны сесть в ближайшем же городе, где есть хорошая больница. Вот это все можете передать командиру.

– Да, я все сделаю, как вы сказали, доктор. А пока я хожу, не посмотрите ли вы другого больного? Он тоже жалуется на тошноту и боли.

Бэйрд быстро взглянул на стюардессу.

– Вы говорите, такие же боли? Где он?

Джанет провела его к креслу, где лежал, скорчившись, больной пассажир. Его, измученного рвотными позывами, поддерживал его приятель, сидевший рядом. Бэйрд наклонился и заглянул ему в лицо.

– Я – доктор. Вы не могли бы откинуть назад голову?

Бегло обследовав больного, он поинтересовался:

– Вы не припомните, что вы ели последние сутки?

– Все, как обычно, – пробормотал мужчина. – На завтрак яичницу с беконом... салат во время ланча... сэндвич в аэропорту... и вот обед здесь.

Он едва говорил; слюна стекала у него по подбородку.

– О, какая боль, доктор! И глаза...

– Что с глазами? – быстро спросил Бэйрд.

– Все двоится.

Эта фраза развеселила его товарища.

– Это все водка, она, наконец, подействовала, точно, сэр, – рассмеялся он.

– Помолчите, – прикрикнул на него доктор. Он поднялся и увидел подошедших командира и стюардессу.

– Его необходимо согреть – укутайте его пледами, – сказал он Джанет.

Командир проводил его до кухни. Как только они остались одни, Бэйрд спросил его:

– Как быстро мы сможем сесть?

– Беда в том, – коротко бросил Дан, – что мы не можем сесть.

– Почему? – уставился на него доктор.

– Погода. Я только что уточнил по радио. Низкая облачность и туман над всей прерией до самых гор. Калгари закрылся совсем. Мы вынуждены лететь в Ванкувер.

Задумавшись на минуту, Бэйрд посмотрел на командира.

– А если повернуть обратно?

Дан отрицательно покачал головой; на лице его, казалось, застыла маска.

– Исключено. Виннипег тоже закрылся из-за тумана вскоре после

нашего вылета. В любом случае, нам проще продолжать полет.

По лицу доктора пробежала тень огорчения, он побарабанил ногтем по фонарику.

– Когда вы рассчитываете прибыть?

– Около пяти часов утра по местному времени. – Дан перехватил взгляд доктора, который тот бросил на наручные часы, и добавил:

– Мы должны приземлиться через три с половиной часа. Этот самолет не самый быстрый в мире.

Бэйрд что-то про себя рассчитывал.

– Тогда я должен сделать все, что в моих силах, для этих людей пока мы не сядем в Ванкувере. Мне нужен мой саквояж. Мы сможем его достать? Я сдавал его в Торонто.

С этими словами Бэйрд достал из кармана бумажник, а из него – две багажные квитанции, и протянул их Дану.

– Там два саквояжа, командир. Мне нужен тот, что поменьше. Там не так много лекарств – буквально чуть-чуть – которые я всегда вожу с собой, но они должны помочь.

Он едва закончил говорить, как самолет резко накренился. Обоих мужчин швырнуло к стене. Громко и настойчиво зажужжал зуммер. Командир первым вскочил на ноги и бросился к переговорному устройству:

– Командир слушает, – прорычал он в трубку. – Что случилось, Пит?

Второй пилот говорил с трудом, голос его прерывался от боли.

– Я... мне очень плохо... быстрее... возвращайтесь.

– Вы пойдете со мной, – бросил Дан доктору, и они выскочили из кухни.

– Прошу прощения за толчок, – говорил он пассажирам, смотревшим с удивлением на них с доктором, пока они шли по проходу. – Воздушная яма.

Ворвавшись в кабину, они поняли, что второму пилоту очень плохо; лицо его было покрыто потом, он сполз с кресла, из последних сил сжимая штурвал.

– Давайте освободим его, – сказал Дан. Бэйрд и Джанет, вбежавшая за ними в кабину, вытащили пилота из кресла, а Дан сел на свое место и взял управление на себя.

– Там свободное место радиста, посадите его туда, – распорядился он.

Пока они помогали Питу перебраться на свободное кресло, его вырвало. Общими усилиями пилота усадили, привалив к стенке. Бэйрд ослабил ему галстук, расстегнул воротник и постарался устроить поудобнее, насколько позволяли условия. Приступы изнуряющей рвоты следовали один за другим.

– Доктор, – позвал командир дрожащим голосом. – Что это? Что происходит?

– Я не совсем уверен, – мрачно ответил Бэйрд. – Но у этих случаев одна причина. Должно быть, так. И, скорее всего, это пища. Что у нас было на обед?

– У нас были мясо и рыба, – ответила Джанет. – Может, вы помните, доктор, вы ели...

– Мясо! – перебил ее доктор. – Это было – так-так – около двух-трех часов назад. А что он ел? – Кивнул он на второго пилота.

На лице Джанет появилось тревожное выражение.

– Рыбу, – ответила она почти шепотом.

– А вы не помните, что ели те пассажиры, которым плохо?

– Нет... нет, не припоминаю...

– Быстренько идите и уточните, пожалуйста, хорошо?

Стюардесса бегом бросилась в салон, бледность покрывала ее лицо. Бэйрд опустился на колени рядом с Питом, который сидел с закрытыми глазами – его раскачивало в такт покачиванию самолета.

– Постарайтесь расслабиться, – спокойно сказал доктор. – Сейчас я дам вам лекарство, оно снимет боль. Ага. – Он потянулся и снял с полки плед. – Вам будет лучше, если вы укроетесь и согреетесь.

Пит приоткрыл глаза и облизал пересохшие губы.

– Вы – доктор? – спросил он. Бэйрд в ответ кивнул. Пит попытался улыбнуться.

– Прошу прощения за причиненные неприятности. Мне казалось, что я уже умираю.

– Не разговаривайте, – перебил его Бэйрд. – Постарайтесь отдохнуть.

– Передайте командиру, что я...

– Я сказал, прекратите разговаривать! Отдохните и вам станет лучше!

Вернулась запыхавшаяся Джанет.

– Доктор, – быстро заговорила она, едва успевая подбирать слова. – Я спросила обоих – они ели рыбу. Еще у троих пассажиров начались боли. Вы можете подойти?

– Конечно. Но сначала мне нужен мой саквояж.

Дан бросил через плечо:

– Доктор, вы видите, мне не отойти. Джанет, возьмите эти квитанции и кого-нибудь из пассажиров себе в помощь. Отыщите в багажном отделении меньший из двух саквояжей доктора, хорошо?

Джанет взяла квитанции и повернулась к доктору, чтобы договорить, но Дан продолжил:

– Я собираюсь связаться с диспетчером и передать, что случилось. Вы что-нибудь хотите еще добавить?

– Да. Передайте, что на борту три серьезных случая, предположительно, пищевого отравления и, скорее всего, будут еще. Вы можете передать, что мы не вполне уверены, но подозреваем отравление рыбой. Лучше всего будет, если они наложат запрет на все продукты, полученные из того же источника, что и у нас, – по крайней мере, до тех пор, пока мы не выясним точно причину отравления.

– Я вспомнил, точно! – воскликнул Дан. – Эти продукты получены не от постоянных поставщиков, снабжающих авиалинии. Наши люди были вынуждены закупить у них продукты, потому что мы опоздали в Виннипег.

– Это тоже передайте, – согласился Бэйрд. – Они должны это знать.

– Доктор, пожалуйста, – умоляюще сказала Джанет. – Я хочу, чтобы вы пошли со мной и посмотрели миссис Чилдер. Кажется, она опять потеряла сознание!

Бэйрд двинулся к двери. Морщины на его лице углубились, но глаза, в которых Джанет черпала поддержку, выражали уверенность.

– Смотрите, чтобы пассажиры ничего не заподозрили, – проинструктировал он ее. – Мы полностью зависим от вас. Ну так, если вы в состоянии отыскать мой саквояж, то я пойду, посмотрю миссис Чилдер.

Он открыл ей дверь, но вдруг остановился, пораженный неожиданной догадкой.

– Кстати, а что вы ели на обед?

– Я ела мясо, – успокоила его девушка.

– Ну, тогда слава Богу!

Джанет улыбнулась и собралась идти, но доктор вдруг резко схватил ее за руку.

– Я надеюсь, что командир тоже ел мясо?

Она смотрела на него, как-будто пыталась вспомнить и ухватить смысл того, о чем он ее спрашивал.

Потом, внезапно, она все осознала. Она почти упала на доктора, ее глаза расширились от безотчетного непреодолимого страха.

3. 01.45 – 02.20

Бэйрд внимательно смотрел на стюардессу. Прежде, чем восстановить уверенность в своих серо-голубых глазах, его мозг быстро оценил ситуацию, взвешивая, по выработанной годами привычке, одну ситуацию за другой.

Он отпустил руку Джанет.

– Ну-ну, не будем торопиться с выводами, – сказал он больше для себя. Затем оживился: – Ищите мой саквояж, и как можно быстрее. Прежде, чем посмотреть миссис Чилдер, я должен сказать еще пару слов командиру.

Он вернулся в кабину. Самолет набрал нужную высоту, и тряска прекратилась. Поверх плеча командира холодным светом блестела луна, превращая сугробы облаков в безграничный снежный ландшафт, то там то здесь пронзенный ледяными шпильями. Эффект был фантастический. Все походило на сказочную страну.

– Командир, – окликнул его Бэйрд, наклоняясь над пустым креслом второго пилота. Дан оглянулся, его лицо было бесцветным и казалось нарисованным в лунном свете. – Командир, надо торопиться. Людям в салоне очень плохо, им нужна моя помощь.

Дан быстро кивнул:

– Да, доктор. Что еще у вас?

– Я полагаю, вы ели после второго пилота?

– Точно так.

– Не можете сказать, насколько позже?

Дан прищурился:

– Я думаю, с полчаса. Может быть чуть больше, но ненамного.

Смысл вопроса, наконец, дошел до него. Он судорожно выпрямился в кресле и схватился рукой за штурвал.

– Черт, а ведь верно! Я тоже ел рыбу!

– Как вы себя чувствуете?

– Да-да, все о'кэй.

– Ладно! – в голосе Бэйрда почувствовалось облегчение. – Как только мне принесут мой саквояж, я дам вам рвотное.

– А это поможет?

– Я полагаю, да. Вы не успели еще это переварить. В конце концов, совсем не обязательно, чтобы все, кто ел рыбу, обязательно бы отравились – логика в подобных случаях не действует. Вы можете быть единственным,

избежавшим беды.

– Хотелось бы, – пробормотал Дан, вглядываясь в холодный лунный блеск впереди.

– Теперь послушайте меня, – сказал Бэйрд. – Есть ли какой-нибудь способ управлять этими приборами и самолетом без пилота?

– Конечно есть! – ответил Дан. – У нас есть автопилот. Но он не сможет посадить машину...

– Я прошу вас сейчас же включить его или как там это у вас называется. Если вы почувствуете себя плохо, немедленно зовите меня. Я не уверен, что смогу много сделать для вас, но, если вы отравились, то симптомы проявятся очень быстро.

Костяшки пальцев Дана побелели – так сильно он вцепился в штурвал.

– О'кэй! – перевел дыхание Дан. – А как мисс Бенсон, стюардесса?

– С ней все в порядке – она ела мясо.

– Это уже кое-что. Ради всего святого, ищите побыстрее свое рвотное средство. Я не могу полагаться на случай, управляя самолетом.

– Мисс Бенсон уже ищет. Если я не ошибаюсь, там, сзади, по крайней мере, уже два человека, находятся в глубоком обмороке. Да, еще! – Бэйрд в упор посмотрел на командира. – Вы абсолютно уверены, что у нас нет другого выхода, кроме как продолжать полет?

– Конечно, – быстро ответил Дан, – Я все проверил и перепроверил. Плотная облачность и низкий туман вплоть до самых гор. Калгари, Эдмонтон, Лисбридж – все аэропорты закрыты. Это – обычное дело при нулевой видимости на земле. В другой ситуации это нас бы не волновало.

– Да, но сейчас это касается и нас.

Доктор уже повернулся, чтобы выйти, но Дан его придержал:

– Минуту, доктор! В моих руках судьба пассажиров и машины и я должен знать правду. Выкладывайте все! Сколько шансов за то, что со мной все будет в порядке?

Бэйрд сердито покачал головой, его хладнокровие моментально его покинуло.

– Я не знаю, – ответил он жестко. – В таких случаях никакие правила не действуют. – И собрался выйти.

Но командир еще раз остановил его:

– Доктор...

– Да?

– Какое счастье, что вы оказались на борту!

Бэйрд молча вышел. Дан глубоко вздохнул, думая о том, что услышал и перебирая в уме возможные варианты действий. Не в первый раз в его

лётной практике его охватывало сильное чувство опасности, но сейчас к ощущению ответственности за безопасность огромной сложной машины и почти шестидесяти человеческих жизней примешивалось острое ледяное ощущение беды. Что это было за чувство? Старшие пилоты, те, кто принимал участие в воздушных боях во время войны, утверждали, что если упорно гоняться за дичью, то она, в конце концов, тебе достанется. Как случилось, что в течение получаса нормальный, обычный ежедневный рейс, заполненный толпой счастливых футбольных «фанов», мог превратиться в кошмар на высоте около четырех миль над землей? И эта история может появиться на первых страницах сотен газет!

С чувством внутреннего негодования он отбросил эти мысли. Его ждала работа, требующая предельной концентрации.

Дотянувшись правой рукой до панели, он щелчком включил тумблер автопилота, выжидая пока все приборы установятся, и можно будет перейти к следующему этапу.

Во-первых, необходимо скорректировать положение элеронов и перевести их полностью под контроль автоматики; затем киль и рули высоты необходимо установить так, чтобы все четыре сигнальные лампочки на верхней панели прекратили мигать и перешли бы в режим постоянного свечения. Удовлетворенный, Дан окинул взглядом все приборы, убрал руки со штурвала. Откинувшись в кресле, он внимательно оглядел кабину, не мешая машине самой управлять полетом. Для неопытного наблюдателя вид кабины показался бы сверхъестественным. Как будто два невидимых пилота управляли самолетом – оба штурвала тихо двигались взад-вперед, взад-вперед, компенсируя воздушные потоки, раскачивающие самолет: рычаг управления килем плавно двигался, как будто по собственному желанию. На широкой панели показывающих приборов десятки стрелок регистрировали малейшие изменения.

Закончив осмотр приборов, он потянулся к микрофону, висящему на своем обычном месте за головой. Быстро надев его на себя, Дан закрепил наушники. Энергично выдохнув сквозь усы, он подумал про себя: – Ну что же, вперед!

Переключатель был на передаче, и его голос звучал спокойно и неторопливо:

– Хелло, Ванкувер. Говорит «Мэйпл Лиф Чартер», рейс 714. Срочное сообщение, срочное сообщение.

В наушниках немедленно затрещало:

– «Мэйпл Лиф Чартер», рейс 714, слушаю вас!

– Ванкувер, говорит рейс 714. Слушайте меня внимательно. У нас на

борту три серьезных случая, предположительно, пищевого отравления, включая второго пилота. Возможны еще случаи отравления. При приземлении нам необходима срочная медицинская помощь. Пожалуйста, подготовьте больницы в районе аэропорта. Мы не совсем уверены, но предполагаем, что отравление вызвано рыбой, подававшейся на обед. Лучше всего наложить запрет на все продукты, полученные из того же источника, пока не будет установлена истинная причина заболевания. Нам известно, что в связи с нашим опозданием в Виннипег продукты были закуплены не у постоянных поставщиков. Пожалуйста, проверьте. Вы меня поняли?

Он выслушал в ответ благодарность и стал пристально вглядываться в замерзшее море облаков, раскинувшееся вокруг. Голос ванкуверского диспетчера звучал как всегда, четко и безлично, но он мог себе представить, какой переполох начался на далеком западном побережье и какой взрыв активности вызвало его сообщение.

В изнеможении он закончил передачу и вытянулся в кресле. Он чувствовал усталость и необыкновенную тяжесть, как будто во все его члены налили свинец. Шкалы приборов, пока он автоматически скользил по ним взглядом, казалось, удаляются далеко-далеко. Он почувствовал, как холодный пот стекает по спине, и внезапно его заколотил сильный озноб. Однако, рассердившись на измену собственного тела в такой кризисный момент, он, усилием воли, взял себя в руки и сосредоточился на проверке графика полета, расчетного времени прибытия, анализе боковых ветров над горами; особого внимания требовал план взлетно-посадочной полосы в Ванкувере. Он достал бортовой журнал, открыл его и посмотрел на наручные часы. С тупой и болезненной медлительностью его мозг, как будто совершая один из подвигов Геракла, пытался зафиксировать хронологию событий этой ночи.

А сзади, в пассажирском салоне, доктор Бэйрд укутывал сухими одеялами безвольное тело миссис Чилдер и метался по проходу между больными пассажирами. Женщина лежала, беспомощно откинувшись, с закрытыми глазами; пересохшие губы дрожали, она тихо постанывала. Верх ее платья был весь мокрый от пота. Пока Бэйрд осматривал ее, она скорчилась от нового приступа боли. Доктор инструктировал ее мужа.

– Постоянно вытирайте ее, и как можно суше. И тепло. Ей должно быть тепло!

Чилдер схватил доктора за руку.

– Ради бога, доктор, что случилось? – Голос его дрожал. – Ей очень плохо?

Бэйрд снова посмотрел на женщину – она дышала быстро, часто и неглубоко.

– Да, – ответил он, – ей очень плохо.

– Доктор, сделайте же что-нибудь, дайте ей лекарство!

Бэйрд отрицательно покачал головой.

– Ей нужны антибиотики, а у нас их нет. Мы ничего не сможем сделать, кроме как постоянно держать ее в тепле.

– Но, может быть, немного воды...

– Нет. Ваша жена без сознания, Чилдер! Поддерживайте это состояние – это природная анестезия. Не беспокойтесь, все будет хорошо. Ваша задача – смотреть за ней и согревать ее. Даже когда она без сознания, она пытается бороться с болезнью. Я скоро вернусь.

Бэйрд подошел к следующему ряду кресел. Мужчина средних лет – воротник поднят и руками схватился за живот – почти сполз с кресла, голова откинулась назад и раскачивалась из стороны в сторону, лицо блестело от пота. Он посмотрел на доктора, лицо перекосилось от боли.

– Ужасно, – пробормотал он, – я никогда не чувствовал себя так плохо.

Бэйрд вытащил из кармана карандаш и поднес его к лицу больного.

– Послушайте, – произнес он, – попробуйте взять карандаш.

Пассажир поднял руку, пытаясь это сделать. Он шевелил пальцами, хватал карандаш, но он постоянно выскальзывал у него из рук. Бэйрд прищурился. Он приподнял больного, устроил его поудобнее и заботливо укутал пледом.

– У меня совершенно нет сил, – произнес мужчина, – и голова как-будто зажата в тиски.

– Доктор! – позвал кто-то, – подойдите, пожалуйста, сюда!

– Минуточку, – бросил Бэйрд, не оборачиваясь. – Я посмотрю каждого, кто нуждается в этом.

Навстречу ему торопливо шла стюардесса, неся в руках его саквояж.

– Bravo, девочка, – поблагодарил он ее, – начало положено. Нельзя сказать, чтобы я смог много сделать... – казалось он размышляет вслух. – Где у вас трансляция на салон? – внезапно спросил он Джанет.

– Я провожу.

Джанет провела его в свою кабинку и показала маленький микрофон.

– Как там миссис Чилдер? – поинтересовалась она. Доктор поджал губы.

– Не знаю, как остальные – а она очень плоха. И, если я не ошибаюсь, очень скоро будут еще серьезные случаи.

– Вы уверены, что это пищевое отравление? – бледность постепенно

покрывала лицо девушки.

– Почти уверен! Я бы сказал, что это стафилококковая инфекция, хотя, по некоторым симптомам, можно предположить и нечто худшее. Кроме того, отравление могло быть вызвано бациллами сальмонеллы – точнее можно говорить только после анализов.

– Вы будете давать всем рвотное?

– Да, всем, кроме тех, кому очень плохо. Это все, что я могу сделать. Нам очень нужны антибиотики, типа хлорамфеникола, но – увы! – их нет!

Подняв микрофон, Бэйрд продолжил:

– Как только вы освободитесь, я бы советовал вам организовать здесь уборку. Полейте все кругом как следует дезинфектантом, если у вас есть. Да, попросите больных не обращать внимание на условности и не запирайте изнутри двери в туалете – не хватало еще нам извлекать кого-нибудь оттуда.

Доктор собрался с мыслями, потом нажал кнопку микрофона и поднес его к губам.

– Леди и джентльмены, прошу внимания, пожалуйста! Прошу внимания!

Он услышал, как стих шум голосов, только ровный гул двигателей доносился снаружи.

– Прежде всего, разрешите представиться. Я – доктор Бэйрд. Многих из вас интересует, что за болезнь поразила ваших соседей, и я думаю, что пора рассказать, что же произошло и что мы предпринимаем. Насколько позволяют мои ограниченные возможности, установлено, что у нас на борту несколько серьезных случаев пищевого отравления и дедуктивно – а на дедукцию можно положиться – я пришел к выводу, что причиной является рыба, которую некоторые из вас ели на обед.

После этих слов последовал взрыв – до него донесся шум и гам.

– Еще раз прошу внимания! У вас нет причин для тревоги. Еще раз повторяю, причин для тревоги нет. Больным пассажирам помогает стюардесса и я сам, а командир радировал на землю, и по прибытии нас будет ожидать «Скорая помощь». Даже если вы ели рыбу, то это совсем не значит, что вы заболите. В этом деле нет никаких правил и логики, и есть большая доля вероятности за то, что вы не отравились. Тем не менее, мы принимаем некоторые меры предосторожности, и стюардесса обойдет и опросит каждого из вас. Если вы ели на обед рыбу – я повторяю, только рыбу – то мы постараемся помочь вам избежать неприятностей. А сейчас, если вы все успокоились, то мы начнем.

Бэйрд выключил микрофон и повернулся к Джанет.

– Немедленно оказать первую помощь – вот все, что в наших силах.

Джанет кивнула:

– Вы имеете в виду эти таблетки, доктор?

– Мы можем сделать две вещи. Мы не знаем точно, в чем причина отравления, но мы полагаем, что источник заражения попал внутрь. Поэтому начать нужно с того, что каждый, кто ел рыбу, должен выпить несколько стаканов воды – я имею в виду тех, кому не очень плохо, конечно. Это, во-первых, разбавит яд и уменьшит токсический эффект. А затем мы дадим им рвотное. Если не хватит моего запаса таблеток, то будем использовать простую соль. Соль у вас есть?

– У меня несколько маленьких пакетиков, полагающихся к ланчу, но мы их откроем.

– Хорошо. Посмотрим. Я начну отсюда, сзади, раздавать таблетки, а вы подавайте воду тем, кому плохо, идет? Да, не забудьте второго пилота! Но вам нужна помощь.

Выйдя из кухни, Бэйрд почти столкнулся с худощавым мрачным англичанином по прозвищу «Тушенка».

– Чем могу помочь, доктор? – спросил он серьезно.

Бэйрд позволил себе улыбнуться.

– Благодарю. Во-первых, что вы ели на обед?

– Слава богу, мясо, – с облегчением вздохнул «Тушенка».

– Хорошо. За вас мы спокойны. Вы могли бы помочь стюардессе разносить воду тем, кому нехорошо? Им необходимо выпить, по крайней мере, по три стакана – а, если смогут, то и больше.

«Тушенка» отправился на кухню, слегка улыбаясь Джанет. При обычных обстоятельствах ее улыбка заставила бы забиться сердце всего летного состава, но сейчас он увидел на ее лице печать страха. И подмигнул ей:

– Не беспокойтесь, мисс! Все будет хорошо.

Джанет взглянула на него с благодарностью.

– Спасибо, сэр, я тоже так думаю. Вот кран, вот чашки, мистер...

– Ребята зовут меня «Тушенка», мисс.

– «Тушенка»?! – изумилась Джанет.

– Да, «Ланкаширская Тушенка»!

– О-о-о!! – расхохоталась девушка.

– Вот так-то лучше! Где, вы говорите, ваши чашки? Вперед, девочка, начнем. Хорошенькая авиалиния, нечего сказать! Сначала предлагают тебе обед, а потом требуют его назад.

Необходимо, чтобы произошло нечто неординарное, чтобы сбить работу современного аэропорта. Паника в таких местах недопустима и жестоко подавляется в случае возникновения, потому что это может привести к трагическому исходу.

Комната диспетчеров в Ванкувере, когда туда стало поступать сообщение Дана, заполнилась плохо сдерживаемой тревогой. Перед радиопанелью оператор в наушниках сразу печатал на машинке сообщение Дана, прерываясь, чтобы нажать сигнал тревоги на приборной доске. Он печатал, а сзади стоял еще один и читал через его плечо срочное сообщение. Это был руководитель полетов аэропорта Ванкувер, высокий, худощавый, прошедший жизнь в воздухе и знавший условия полетов в северном полушарии как свои пять пальцев. Дочитав сообщение до середины, он быстро повернулся и приказал оператору, сидевшему у противоположной стены комнаты:

– Соедини меня быстренько со службой Контроля за воздушными сообщениями. Потом освободите телетайпную линию с Виннипегом – внеочередное сообщение.

Руководитель полетов поднял микрофон, на секунду задумался и начал говорить:

– Говорит руководитель полетов аэропорта Ванкувер. На борту рейса 714 «Мэйпл Лиф Чартер» – ЧП. Серьезное пищевое отравление пассажиров, второй пилот тоже отравлен. Предлагаю очистить все горизонты под ними для экстренного снижения и посадки. Сможете? Хорошо. Расчетное время прибытия 05.05 по местному времени.

Он взглянул на часы – 02.15.

– Хорошо. Мы будем держать с вами связь.

Он прикрыл микрофон рукой и крикнул оператору телетайпа:

– Ну что там Виннипег? Готово? Хорошо. Передавайте – «Диспетчеру Виннипега. Срочно. „Мэйпл Лиф Чартер“, рейс 714, сообщил о серьезном пищевом отравлении среди пассажиров и экипажа, вызванном, предположительно рыбой, поданной на обед. Срочно проверьте все продукты, поступившие из того же источника. Это был не постоянный, повторяю, не постоянный поставщик продовольствия для авиалиний. Конец связи.

Потом он повернулся к оператору.

– Соедините меня с местным представителем «Мэйпл Лиф Чартер». Его зовут Бардик. А потом соедините меня с городской полицией – со старшим дежурным офицером.

Перегнувшись через плечо оператора, руководитель полетов дочитал до конца сообщение и начал читать его сначала.

– Спасибо, Грэгг. Сообщите им, что все горизонты под ними свободны, и позже они получат инструкции по посадке. Пусть сообщат, как там пострадавшие пассажиры.

Этажом ниже оператор Правительственного Контроля за Западными авиалиниями повернулся в кресле и крикнул через всю комнату:

– Что там есть в Грин Уан между нами и Калгари?

– Все летят на Запад. Самолет ВВС «Нордс Стар» на восемнадцать тысячах. Только что докладывал от Пентинктона. «Мэйпл Лиф» 714... У них – ЧП. Они просят освободить все горизонты под ними.

– «Нордс Стар» значительно дальше, а рядом никого нет. Готов к вылету на Восток «Констеллэйшн».

– Выпускай его, но придержи пока все рейсы на Восток. Принимай «Нордс Стар» сразу по прибытии.

А этажом выше руководитель полетов опять схватился за телефон, одновременно ослабляя узел галстука. В конце концов, он совсем сорвал его и швырнул на стол.

– Хелло, Бардик? Говорит руководитель полетов. Послушай, мы получили с одного из ваших рейсов – 714 из Торонто через Виннипег – тревожное сообщение. А?... Нет, с машиной все в порядке. Второй пилот и несколько пассажиров отравились. Да, пищевое отравление. Я только что разговаривал с Виннипегом. Сказал, чтобы они определили поставщика продуктов. Скорее всего, это не постоянный поставщик... Нет, это точно. Лучше всего, если бы ты подошел сюда, как только освободишься.

Он опять отключил телефон и кивнул оператору:

– Ну, как там полиция?... Хорошо, соединяй... Хелло, это руководитель полетов аэропорта Ванкувер. С кем я говорю?... Послушайте, инспектор, мы получили срочное сообщение от прибывающего рейса. Несколько пассажиров и член экипажа серьезно больны – пищевое отравление – и мы нуждаемся в помощи сразу же по прибытии самолета. Что?... Три серьезных случая, но, возможно, и больше – надо готовиться к худшему. Время прибытия пять часов утра по местному времени, следовательно, у нас около двух с половиной часов на подготовку. Вы предупредите больницы, «Скорую помощь» и автоинспекцию?... Хорошо. Мы свяжемся с вами, как только получим дополнительную информацию.

Через пять минут, отдуваясь, в комнату влетел Гарри Бардик. Местный представитель «Мэйпл Лиф» был невысоким представительным мужчиной, неутомимым, с большим запасом жизненной энергии. Он остановился

посреди комнаты, перекинув пиджак через руку, отдуваясь после быстрой ходьбы и вытирая свое лунообразное лицо большим носовым платком в синюю клетку.

– Где радиограмма? – спросил он. Пробежав текст, он тут же поинтересовался:

– Как погода в Калгари? – и повернулся к руководителю полетов. – Быстрее было бы лететь туда, верно?

– Я боюсь, что нет. Сильный туман, почти до самой земли, восточнее гор, до самой Манитобы. Они вынуждены лететь сюда.

Раздался голос оператора:

– Управляющий перевозками спрашивает, когда мы возобновим движение на Восток. Может ли он отпустить пассажиров в город или они должны ждать здесь?

Бардик озабоченно покачал головой.

– Где последнее сообщение о местонахождении? – потребовал он. Ему передали последние данные, и он принялся их внимательно изучать.

Руководитель полетов сказал оператору:

– Передай ему, пусть отпускает в город. Нам здесь толпа ни к чему. Мы ему сообщим, когда будем готовы.

– Вы сказали, что уже организовали медицинскую помощь? – спросил Бардик.

– Да. Этим занимается городская полиция. Они предупредят больницы и проследят за порядком, когда придет рейс.

Бардик прищелкнул толстыми пальцами.

– Эй! Это сообщение. Они передают, что второй пилот болен, значит, можно предположить, что передавал командир. С ним все в порядке? Лучше запросить еще раз. А я пока выясню, есть ли на борту доктор. Вам этого не узнать. Передайте им, что мы организуем по прибытии медицинскую помощь, если они в ней нуждаются.

Руководитель полетов кивнул и включил микрофон. Пока он не начал говорить, Бардик продолжал:

– Спросите, если командир тоже отключится, то кто...

Он не закончил фразу, его остановил пристальный взгляд руководителя полетов.

– Я ничего не буду предполагать, – твердо сказал он. – Я молю Бога, чтобы больше ничего не случилось. И будем надеяться, что эти бедняги тоже молят об этом.

Шумно вздохнув, Бардик поискал по карманам сигареты.

– Джо, – обратился он к оператору, – соедини-ка меня с доктором

Дэвидсоном, а? Его номер есть в перечне срочных телефонов.

4. 02.20 – 02.45

На высоте около четырех миль над землей самолет продолжал свой путь.

Во все стороны, насколько хватало глаз, простирался волнистый ковер облаков и поэтому казалось, что большая машина движется очень медленно, почти стоит на месте. Это был холодный, пустой, совершенно безжизненный мир, мир, в котором только ревели двигатели – сердце машины, отбрасывая назад струи выхлопных газов серебристого цвета.

Далеко внизу, в ясную погоду, этот грохот двигателей отдавался бы среди необитаемых равнин Скалистых Гор. Но в эту ночь редкие фермы, укутанные густым низким туманом, спали спокойно, не слыша ни звука. Если кто-нибудь и слышал шум летевшего самолета, то совершенно не обращал на него никакого внимания. А у кого-то вообще могло возникнуть желание очутиться там, в самолете, и лететь далеко-далеко, ощущая заботливое внимание экипажа, чья основная обязанность – безопасность и комфорт пассажиров. И уж конечно ни у кого не могло возникнуть даже мысли о том, что каждый из сидящих сейчас в самолете с радостью и благодарностью поменялся бы с ним местами. Страх, как гигантский сорняк, прочно укоренился в мыслях большинства пассажиров. Некоторые, вероятно, так до конца и не представляли себе, что же все таки происходит. Но большинство из них, особенно те, кто слышал стоны и звуки, издаваемые своими несчастными соседями, испытывали ужасные чувства. Слова доктора, обращенные к пассажирам, после их осознания давали повод к размышлениям. Шум в салоне быстро стих и сменился шепотом и обрывками беспокойных разговоров.

Бэйрд дал Джанет пилюльки.

– Отнесите командиру, – тихо сказал он. – Скажите ему, чтобы он выпил как можно больше воды. Если он все таки отравился, то вода разбавит яд. Его будет тошнить – так и должно быть – это рвотное.

Когда Джанет вошла в кабину, Дан заканчивал радиосеанс. Он объявил конец связи и послал Джанет вымученную улыбку, которая не могла никого обмануть.

– Хелло, Джан. – Приветствовал он девушку. Руки его дрожали. – Рейс продолжается. Ванкувер интересуется подробностями. Я думаю, это их несколько потрясет. Как там дела, в салоне?

– Неплохо, – ответила девушка как можно непринужденнее и

протянула ему пилюльки. – Доктор велел вам выпить как можно больше воды, а потом принять вот это. Это вам поможет.

– Ничего себе перспективочка. – Он залез рукой в глубокий карман на спинке сиденья и достал бутылку воды. – Ну что же, рискнем. – Сделав большой глоток, он проглотил пилюльки и скорчил ужасную гримасу. – Никогда не ешьте эти штуки – вкус у них премерзостный.

Джанет озабоченно смотрела на этого человека, сидящего перед мерцающей панелью со шкалами и циферблатами; оба штурвала двигались рывками взад-вперед сверхъестественной силой автопилота. Она тронула его за плечо.

– Как вы себя чувствуете? – спросила она. От нее не укрылась его бледность и капли пота на шее. Но она старалась убедить себя, что виной всему огромное напряжение, которое он испытывал.

– Я? – его тон был ненатурально искренен. – Я в порядке. А как ты? Ты уже пила эти пилюльки?

– Мне ни к чему. Я ела мясо.

– Ты оказалась умнее. Что до меня, то после этого я, пожалуй, стану вегетарианцем – это безопаснее.

Он повернулся в кресле и посмотрел на второго пилота, распростертого на полу, голова его лежала на подушке.

– Бедный старина Пит, – пробормотал он. – Но я уверен, с ним будет все о'кэй.

– Все в ваших руках, командир, – быстро ответила Джанет. – Чем быстрее вы посадите эту штуку в Ванкувере, тем быстрее мы отправим его в больницу.

Она подошла к Питу, опустилась на колени и поправила на нем плед, пряча внезапно подступившие слезы, готовые вот-вот прорваться несмотря на все ее усилия. Дан расстроился, потому что относился к девушке по-отечески.

– Ты часто о нем думаешь, Джан?

Она едва кивнула золотой копной волос.

– Я – мне кажется да, – ответила она. – Он мне нравится, уже несколько месяцев, с тех пор, как он пришел к нам в экипаж и этоэто ужасное происшествие так меня...

Она окинула себя взглядом и вскочила.

– У меня очень много дел. Я должна идти зажимать кое-кому носы, пока доктор будет вливать в них воду. Что делать, по другому с этими труднопьющими типами нельзя.

Она быстро ему улыбнулась и открыла дверь в пассажирский салон.

Доктор стоял посреди прохода и разговаривал сидящей справа парой средних лет, смотревших на него с подозрением.

– Доктор, – допрашивала его решительно настроенная дама, – эта девушка, стюардесса – я видела, она шла в пилотскую кабину. Там все в порядке? Я имею в виду, предположим, что они тоже заболеют, что же будет с нами? – она вцепилась в своего мужа. – Гектор, я боюсь. Мне кажется, мы никогда не доберемся...

– Ну, ну, дорогая. Не придавай значения, – сказал он с уверенностью, которую в действительности не испытывал. – Я уверен, что ничего страшного не случится.

Он посмотрел на доктора сквозь очки в роговой оправе.

– Пилоты ТОЖЕ ели рыбу?

– Совсем не обязательно, что все, кто ел рыбу, отравились, – уклончиво ответил доктор. – Во всяком случае, мы не знаем наверняка, что причиной болезни является рыба. Вам совершенно не о чем беспокоиться – мы примем все меры предосторожности к экипажу. А что вы ели, сэр?

Его вытаращенные глаза, казалось, сейчас выскочат из орбит.

– Рыбу!!! – воскликнул он. – Мы оба ели рыбу! – Негодование било из него ключом. – Это позор, что подобное могло произойти! Это должно быть расследовано до конца!

– Я вас уверяю, что все так и будет сделано, истина будет установлена.

Бэйрд вручил им по пилюльке, которые они взяли так, будто они могут взорваться.

– А сейчас, пожалуйста, вы должны выпить много воды – стакана три, если сможете, четыре. Вас будет тошнить, но так и должно быть, не волнуйтесь. Гигиенические пакеты в карманах ваших кресел.

Доктор оставил пару, смотревшую на свои пилюли, как загипнотизированные, и, пройдя вдоль прохода, добрался до своего места и посмотрел на Спенсера.

– Мясо, – быстро ответил тот, опережая вопрос доктора.

– Уже легче, – ответил тот, – на одного меньше.

– Вам приходится не легко, док, так ведь? Может вам помочь?

– Я могу принять всю помощь мира, – прорычал тот в ответ, – но беда в том, что вы не так уж много можете, разве что помочь мисс Бенсон и тому парню разносить воду.

– Конечно, – Спенсер понизил голос. – Там, сзади, дела, кажется, очень плохи?

– Да, им очень плохо. Черт возьми, – с горечью ответил Бэйрд. – У меня нет ничего, в чем они так нуждаются. Вы летите на футбольный матч

– и совсем не думаете, что дюжина ваших соседей отравится рыбой. У меня есть подкожное и морфий – я никогда без этого не путешествую – но сейчас они скорее навредят, чем помогут. Бог знает, зачем я бросил в саквояж упаковку рвотных пилюль, но это лучшее, что я сделал. Немного драмамина было бы сейчас очень кстати.

– А что он делает?

– В таких случаях самое серьезное – обезвоживание организма. Введение драмамина позволяет предотвратить это.

– Вы имеете в виду, что рвота постепенно обезвоживает организм человека?

– Совершенно верно.

Спенсер в задумчивости потер подбородок.

– Ну что же. Восхвалим Господа за телячью отбивную. Я еще чувствую себя не готовым к обезвоживанию.

Бэйрд неодобрительно посмотрел на него.

– Вы, очевидно, видите что-то смешное в этой ситуации, – сказал он мрачно. – Я – нет. Я совершенно беспомощно смотрю на этих страдающих людей, которым становится все хуже и хуже.

– Не сердитесь на меня, док, – начал оправдываться Спенсер. – Я ничего не имел в виду. Просто я очень рад, что мы не ели рыбу и не отравились, как другие.

– Да, да, может быть вы и правы, – доктор прикрыл глаза рукой. – Я просто становлюсь стар для подобных ситуаций, – пробормотал он больше для себя.

– Что вы хотите этим сказать?

– Ничего, ничего.

Спенсер поднялся.

– А вы немного отдохните, док. Вы и так сделали слишком много. Самая большая удача для всех них – это то, что вы оказались на борту.

– Отлично, юноша, – ответил он саркастически, – прекратим пререкания. Я не собираюсь с вами спорить.

Молодой человек вспыхнул.

– Да, прекратим. Скажите, что мне делать. Я просиживаю здесь штаны, а вы работаете в поте лица и ужасно устали.

– Ничего, ерунда. – Бэйрд похлопал Спенсера по руке. – Не обращайтесь на меня внимания. Я выпустил на вас немного пара и чувствую себя лучше. Известно, что нужно сделать, и нет никакой возможности сделать это. Это меня угнетает больше всего.

– Отлично, – усмехнулся Спенсер, – рад, что хоть чем-то был вам

полезен.

– Я скажу мисс Бенсон, что вы готовы помочь, если ей понадобится помощь. Но, воду уже всю разнесли, и, я думаю, вам лучше оставаться здесь. В проходе и так толкотни больше чем достаточно.

– Как скажите. Ладно, если я понадобится, ищите меня здесь. – Спенсер снова уселся в кресло. – Но скажите, док, насколько все это серьезно?

Бэйрд посмотрел ему прямо в глаза.

– Вы даже не представляете себе насколько, – бросил он, уходя по проходу.

Он подошел к четверке болельщиков, которые накануне вечером с такой лихостью накачивались водкой. Теперь квартет уменьшился на одного. Он сидел, его трясло, плед лежал поперек груди. Сам он был серого цвета.

– Не давайте ему мерзнуть, – приказал Бэйрд. – Он много выпил?

– Смешной вопрос, – ответил его сосед, тасующий колоду карт. – Он, должно быть, опрокинул пару пинт водки, насколько я могу припомнить.

– До или после обеда?

– И до и после, я полагаю.

– Точно так, – подтвердил другой из этой же четверки. – И я думаю, Гарри сохранил все это в себе.

– В данном случае это ему не повредит, – сказал доктор, – это, несомненно, разбавит яд. У кого из вас осталось бренди?

– У меня пусто, – ответил мужчина с картами.

– Минуту, – сказал другой и порылся в кармане. – У меня должно что-то остаться во фляжке. Мы крепко выпили, ожидая вылета в Торонто.

– Дайте ему несколько глотков, – посоветовал Бэйрд. – Только аккуратно, ваш друг серьезно болен.

– Скажите, доктор, – спросил пассажир с картами. – Мы летим по расписанию?

– Насколько я знаю, да.

– А Энди на игру не попадет, да, док?

– Конечно. Сразу же по прибытии мы отправим его в больницу.

– Бедняга, старина Энди, – соболезнующим тоном произнес болельщик с фляжкой, снимая шляпу, – ему всегда не везло. Эй, – его внезапно осенила мысль, – но ведь он поправится, правда?!

– Я надеюсь, что да. Вы лучше делайте все, что я сказал и следите, чтобы он не раскрывался.

– Энди попал просто в фантастическую ситуацию. А как там

«Тушенка», этот английский сумасброд? Вы его привлекли?

– Да, он нам очень помогает.

Когда Бэйрд отходил, он услышал, как болельщик, нервно тасующий колоду карт, обратился к своим товарищам:

– Как вам нравится такой двухдневный отдых?

Двигаясь по проходу, Бэйрд увидел Джанет, суетившуюся около миссис Чилдер. Он приподнял ее веко – она была без сознания. Ее муж ухватился за доктора, как за соломинку.

– Как она, доктор? – умоляюще спросил он.

– Ей так лучше, чем если бы она была в сознании и мучилась бы от боли, – ответил Бэйрд, надеясь что говорит убедительно. – Когда человек не может больше терпеть, природа отключает сознание.

– Доктор, мне страшно. Я никогда не видел, чтобы ей было так плохо. Чем отравлена эта рыба? В чем дело? Почему?

Бэйрд колебался.

– Ну хорошо, – медленно сказал он. – В конце концов, вы имеете право знать правду. Это очень серьезное заболевание – одно из тех, которые требуют активного лечения как можно раньше. Мы делаем все, что в наших силах.

– Я все это знаю, доктор, и сердечно вам благодарен. Но, она ведь поправится, да? Я имею в виду...

– Конечно, конечно, – как можно мягче сказал Бэйрд. – Не надо волноваться. На земле нас будет ждать «Скорая помощь» и тут же всех доставят в больницу. Поэтому ее выздоровление – это только вопрос времени и ухода.

– Господи, – вздохнул Чилдер, – как приятно это слышать.

Да, подумал про себя Бэйрд, интересно, хватило бы у меня мужества сказать ему что-нибудь другое.

– Послушайте, – окликнул его Чилдер. – А мы не могли бы сесть в ближайшем аэропорту?

– Мы думали об этом, – ответил доктор, – но на земле сильный туман и садиться очень опасно. Сейчас мы находимся над горами. Нет, быстрее всего доставить вашу жену в больницу можно, только в Ванкувере, что мы и делаем.

– Послушайте... вы все таки думаете, что – это была рыба, доктор?

– Сейчас мне трудно утверждать определенно, но я так думаю. Пищевое отравление как едой, которая была инфицирована – медики называют это стафилококковой инфекцией – или, возможно, что токсическое вещество внесено в пищу при приготовлении.

– А в нашем случае что произошло, доктор? – спросил пассажир, сидящий в следующем ряду и внимательно прислушивающийся к словам Бэйрда.

– Мне трудно быть уверенным, но, судя по эффекту, я склонен подозревать последний случай – токсическое вещество.

– И вы знаете какое?

– Я не думал об этом. Мы не можем это узнать без лабораторных анализов. При современных способах приготовления пищи – и особенно при тех предосторожностях, к которым прибегают авиакомпании – возможность отравления не более, чем один к миллиону. Нам просто не повезло. Но я вам должен сказать, что наш обед поступил не от традиционных поставщиков авиакомпаний. Что-то не связалось в Виннипеге из-за нашего опоздания и пришлось воспользоваться услугами другой фирмы. Это может иметь, а может и не иметь отношения к нашему несчастью.

Чилдер кивнул, обдумывая слова, сказанные доктором. Забавно, подумал про себя Бэйрд, как все таки люди стараются найти успокоение в словах врача. Даже тогда, когда врач должен сообщать плохие вести, факт того, что он вынужден это сделать, кажется, их успокаивает. Он доктор – он не допустит этого. Может быть, мы не так далеко ушли от колдовства, думал он с горечью, но – всегда доктор со своим волшебным саквояжем, вытаскивающий что-то из своей шляпы. Большую часть своей жизни Бэйрд лечил, уговаривал, льстил или обманывал, запугивал и успокаивал испуганных и доверчивых людей тем, что он лучше знает и все время надеялся, что его не подведет годами выработанное искусство и, иногда такой необходимый, блеф. Но это был момент истины, финал, неизбежность, с которой – он постоянно предчувствовал это – ему когда-нибудь придется столкнуться лицом к лицу.

Доктор почувствовал, что рядом остановилась Джанет. Подняв на нее вопросительный взгляд, он понял, что она на грани истерики.

– Доктор, еще два пассажира почувствовали себя плохо. Там, сзади.

– Вы уверены, что это не действие пилуль?

– Да, абсолютно уверена.

– Хорошо, иду. Вы не проведаете второго пилота, мисс Бенсон? Похоже, у него начинается обезвоживание организма.

Но едва он дошел до вновь заболевших пассажиров, как вернулась перепуганная Джанет.

– Доктор, мне страшно. Я подумала, вы должны...

Зуммер внутреннего телефона, донесшийся из кухни, оборвал ее на

полуслове, как удар ножа. Она стояла, как пригвожденная, пока зуммер жужжал без перерыва. Первым пришел в себя доктор.

– Быстрее! За мной!

Двигаясь с ловкостью вообще-то ему не присущей, Бэйрд пробежал по проходу и ворвался в кабину пилотов. Здесь он остановился, охватывая моментально глазами и умом картину случившегося, и, в то же время, его внутренний голос, словно насмехаясь над ним, но с угрозой, сказал: «Ты был прав – это случилось».

Командир сидел неподвижно в кресле, пот заливал его лицо и стекал за воротник. Одной рукой он схватился за живот, другой нажимал кнопку внутреннего телефона на стене за креслом.

Доктор в два прыжка преодолел расстояние до кресла, помог Дану откинуться на спинку и расслабиться, поддерживая его под мышки. Дан ругался сквозь зубы злобно и почти неслышно.

– Полегче, – сказал ему Бэйрд. – Лучше бы вам выбраться отсюда.

– Я сделал... что вы велели... – Дан задышался, закрывая глаза и с трудом выдавливая из себя слова. – Но... было уже поздно... Дайте мне что-нибудь, Док... Дайте что-нибудь быстрее... Мне надо продержаться... чтобы посадить ее... Включен автопилот, но... продержаться до посадки... Нужно сообщить диспетчеру... должен сообщить... – Он говорил все тише. Он делал отчаянные попытки произнести хоть слово, но глаза у него закатились и он потерял сознание.

– Быстрее, мисс Бенсон! – закричал доктор. – Помогите мне вытащить его отсюда!

Задыхаясь от напряжения, они извлекли грузное тело командира из кресла и положили на пол рядом со вторым пилотом. Доктор тут же вытащил свой стетоскоп и принялся за обследование. А Джанет подготовила пальто и плед и, как только доктор закончил осмотр, она быстро соорудила командиру подушку и укутала его. Поднимаясь, она вся дрожала.

– Вы сможете что-нибудь, доктор? Вы сможете помочь ему продержаться до посадки?

Бэйрд опять рассовал по карманам свои инструменты. Взглянул на множество приборов и переключателей, на штурвалы,двигающиеся сами по себе. В тусклом свете приборной панели он вдруг показался ей значительно старше своих лет и очень уставшим.

– Вы член этого экипажа, мисс Бенсон, поэтому я буду говорить откровенно. – Его голос звучал так жестко, что Джанет вздрогнула. – Вы можете выслушать несколько неприятных фактов?

– Я-я думаю, что да, – ее голос непроизвольно дрогнул.
– Очень хорошо. Пока я не доставлю всех этих людей в больницу – быстро, очень быстро – я не могу быть уверен, что они выживут.
– Но...
– Им необходимы стимуляторы, противошоковые внутривенные инъекции. Командиру тоже. Он и так продержался очень долго.
– Ему очень плохо?
– Его состояние скоро станет критическим – как, впрочем, и всех остальных тоже.

Внятно, слово за словом, Джанет прошептала:

– Что же нам делать?
– Позвольте задать вам этот же вопрос. Сколько пассажиров на борту?
– Пятьдесят шесть.
– А сколько порций рыбы вы выдали в обед?

Джанет с напряжением вспоминала:

– Около пятнадцати, я думаю. Большинство предпочли мясо, а несколько пассажиров вообще отказались обедать из-за позднего времени.
– Понятно.

Бэйрд смотрел на нее и молчал. Когда он снова заговорил, голос его был резким, воинственным.

– Мисс Бенсон, вы когда-нибудь слышали о теории вероятности?
– О теории вероятности? Я полагаю, да. Но я не знаю, что это такое.
– Я вам объясню. Это значит вот что. Из общего количества в пятьдесят шесть человек наш единственный шанс выжить зависит от того, есть ли на борту человек, который не только способен посадить эту штуковину, но и который бы НЕ ЕЛ рыбу на обед.

Его слова повисли в воздухе, а они стояли и смотрели друг на друга.

5. 02.45 – 03.00

Тишина, подобно болеутоляющему, снимающему шок, обволакивала Джанет по мере того, как слова доктора доходили до ее сознания. Она выдержала его взгляд, правильно понимая все несказанное доктором, как совет готовиться к смерти.

До сих пор что-то в ней не давало ей до конца воспринять всего, что произошло. Пока она обслуживала пассажиров и ухаживала за больными, что-то подсказывало ей, что это был ужасный кошмар, род бреда, в котором обычный ход событий внезапно изменился вследствие абсолютно неожиданного, но вполне возможного случая (события). В любой момент, как говорил ей внутренний голос, ее мог разбудить будильник, стоящий на холодильнике и возвещающий начало обычной утренней суматохи и подготовки к подъему пассажиров.

Сейчас же чувство нереальности пропало. Она знала, что это случилось с ней, Джанет Бенсон, прелестной блондинкой двадцати одного года от роду, которую сопровождали взгляды работников аэропорта, когда она проходила по пахнущим сосной коридорам. Страх у нее пропал, по крайней мере, в этот миг. Ей было интересно, чем занимается дома ее семья, как это ее жизнь оборвется в куче скрежещущего железа за несколько секунд без тех, кто родил ее. Эти чувства вызвали в ней дрожь, а они мирно спали в своих постелях за тысячу миль отсюда.

– Я поняла, доктор, – спокойно ответила девушка.

– Вы знаете кого-нибудь на борту, кто может управлять самолетом?

Джанет мысленно пробежала список пассажиров, вспоминая имена.

– У нас нет никого с авиалиний. Я не знаю... кто еще. Я думаю, лучше пойти спросить.

– Да, пожалуй, – медленно ответил Бэйрд. – Постарайтесь не растревожить их. Иначе может начаться паника. Некоторые знают, что второй пилот отключился, поэтому вы скажите, что командир ищет кого-нибудь, кто может помочь ему в переговорах с землей.

– Хорошо, доктор! Я так и сделаю.

Она медлила, понимая, что доктор хочет сказать что-то еще.

– Мисс Бенсон, как вас зовут? – спросил он.

– Джанет.

Он кивнул.

– Джанет! Я сделал замечание по поводу вашей подготовки. Это было

несправедливо и непростительно – замечание старого осла, имеющего большой опыт. Я бы хотел взять свои слова обратно.

Румянец покрыл ее щеки, она улыбнулась.

– Я уже все забыла.

Она двинулась к двери, желая поскорее начать опрос и узнать самое худшее как можно раньше.

Бэйрд наморщил лоб, стараясь сконцентрироваться на чем-то, что постоянно ускользало от него. Нахмурившись, он смотрел на аварийные инструкции на двери кабины и не видел их.

– Подождите, – неожиданно остановил он девушку.

– Да? – она задержалась на пороге, держась за ручку двери.

Доктор хрустнул пальцами и повернулся к ней.

– Я вспомнил!!! Я знаю того, кто говорил со мной о самолетах! Этот молодой человек, сидящий рядом со мной – тот, что вошел последним в Виннипеге.

– Мистер Спенсер?

– Да, это он. Джордж Спенсер. Я не помню точно, но мне кажется, он знает кое-что об этом. Приведите его сюда, хорошо? Только не говорите ему ничего лишнего – не надо, чтобы остальные пассажиры узнали правду. Но порасспрашивайте их тоже, на случай, если есть кто-нибудь еще.

– Он предлагал мне свою помощь, – вспомнила Джанет, – значит он не отравился.

– Да, да, вы правы! – воскликнул Бэйрд. – Мы оба ели мясо. Ведите его, Джанет!

Он нервно мерил шагами узкую кабину, затем опустился на колени, проверил у командира пульс – тот лежал ничком без сознания рядом со вторым пилотом. При первых же звуках открывающейся двери он вскочил и закрыл собой вход в кабину. Спенсер остановился и изумленно взглянул на доктора.

– Хелло, док, – поприветствовал он Бэйрда. – Что там с радио?

– Вы пилот? – Бэйрд выпалил вопрос, не двигаясь с места.

– Был им давным-давно. Во время войны. Я не знаком с радио, но если командир думает, что я смогу...

– Входите, – приказал Бэйрд.

Он отступил в сторону, быстро закрывая дверь за вошедшими. Спенсер уставился на пустые кресла пилотов идвигающиеся сами по себе рулевые колонки. Потом он перевел взгляд на пилотов, лежавших на полу и укутанных одеялами.

– Нет! – воскликнул он. – Неужели оба?!

– Да, – бросил Бэйрд, – оба.

Спенсер едва верил своим глазам.

– Но, Боже мой! – он даже закашлялся. – Когда это случилось?!

– Командир свалился несколько минут назад. Они оба ели рыбу.

Спенсер для устойчивости оперся на соединительную коробку с проводами на стене.

– Послушайте, – быстро спросил Бэйрд. – Вы можете управлять этим самолетом и посадить его?

– Нет! – В его голосе слышалось потрясение. – Однозначно – нет! Никаких шансов!!!

– Но вы говорили, что летали во время войны, – настаивал доктор.

– Это было тринадцать лет назад! С тех пор я не садился в самолет. И я летал на боевых машинах – крошечных «Спитфайерах» в одну восьмую длины этого лайнера, только с одним мотором. У этого – четыре! И полетные характеристики совершенно другие!

Дрожащими руками Спенсер искал в пиджаке сигареты, нашел пачку и вытащил одну. Доктор наблюдал за ним, пока он прикуривал.

– Вы могли бы это сделать, – упорствовал он.

Спенсер сердито затряс головой.

– Я говорю вам, что это безумная идея! Вы не понимаете, что это значит! Я бы не смог сейчас управлять и «Спитфайером», не говоря уж про все это, – он ткнул сигаретой в панели управления.

– Мне кажется, что навыки такого рода не забываются, – сказал Бэйрд, вглядываясь в него.

– Это совершенно другой вид управления. Это – это как вы бы взялись управлять шестнадцатиколесным трейлером с прицепом на насыщенной трассе, а до того водили бы только скоростные спортивные машины на пустынных шоссе.

– Но – управляли бы! – настаивал Бэйрд.

Спенсер не ответил, глубоко затягиваясь сигаретой. Доктор пожал плечами и повернулся к двери.

– Ну хорошо! Будем надеяться, что найдется еще кто-нибудь, кто сможет управлять этой штукой – ни один из них не сможет это сделать. – Бэйрд посмотрел на пилотов.

Дверь открылась и вошла Джанет. Она вопросительно посмотрела на Спенсера, затем на доктора.

– Больше никого нет, – сказала она уныло.

– Тогда так, – сказал доктор. Он сделал паузу, предоставляя Спенсеру возможность высказаться, но молодой человек впился взглядом в ряды

светящихся приборов и переключателей.

– Мистер Спенсер, – доктор говорил, медленно подбирая слова, – я не знаком с управлением самолетом. Но я знаю, что у нас на борту есть несколько человек, которые умрут через несколько часов, если их не доставить в больницу. Среди здоровых пассажиров вы – единственный, кто имеет хоть какую-то практику в этом вопросе.

Доктор сделал паузу и закончил:

– Я готов выслушать ваши предложения.

Спенсер перевел взгляд с девушки на доктора.

– Вы абсолютно уверены, что нет никаких шансов за то, что кто-нибудь из пилотов может поправиться?

– Я боюсь что никаких. Я даже не гарантирую им жизнь, если не доставить их быстрее в больницу.

Спенсер глубоко затянулся, выпустил длинную струйку дыма и бросил окурочек на пол, предусмотрительно придавив его каблуком.

– Сдается, что у нас не очень большой выбор, а? – бросил он.

– Совершенно верно. И если вы не поторопитесь, то мы улетим очень далеко, пока не кончится горючее – возможно, до излучины Тихого океана.

– Это не самый худший вариант, уверяю вас!

Спенсер подошел к приборам и взглянул на белое море облаков под ними, сверкающее в лунном свете.

– Ну хорошо, – сказал он. – Выбор сделан. И сделали его вы, доктор.

Он уселся в левое кресло и через плечо взглянул на стоящих сзади Джанет и Бэйрда.

– Если вы знаете какие-нибудь хорошие молитвы, то пора бы их вспомнить.

Доктор подошел к нему и ободряюще похлопал по плечу.

– Отлично, юноша, – бросил он с одобрением.

– Что вы скажете пассажирам в салоне? – спросил Спенсер, пробегая глазами по приборам на панелях и стараясь вызвать в памяти те знания, которые он приобрел в прошлом, сейчас казавшимся таким далеким.

– В данный момент – ничего, – ответил доктор.

– Очень мудрое решение, – бросил Спенсер, переключаясь на приборы. – Начнем разбираться в этом беспорядке. Навигационные инструменты должны быть прямо перед пилотом. Это значит, что на центральной панели расположено управление двигателями. И что же мы имеем: высота 20.000. Горизонтальный полет. Курс 290. Включен автомат – слава Богу, это нас спасло. Скорость – 210 узлов. Сектор газа, крен, дифферент, смесеобразование, шасси, закрылки?.. Где-то должен быть

индикатор... Да, вот он. Хорошо, определили самое главное, я надеюсь. Нам нужен контрольный график посадки, но мы можем запросить его по радио.

– А вы сможете?

– Я не знаю, док – действительно не знаю! Я ни разу в жизни не имел дела с подобной штукой. Где мы сейчас и куда мы летим?

– Насколько я понял из разговора с командиром, мы находимся над Скалами, – ответил Бэйрд. – Он не мог повернуть назад из-за тумана, и мы летим в Ванкувер.

– Нам необходимо это выяснить. Где у нас радио?

Джанет показала ему блок с переключателями над головой.

– Я знаю, что они при помощи этой штуки разговаривали с землей, но я не знаю, как ей пользоваться.

– А, хорошо, посмотрим, – он пристально разглядывал блок.

– Это настройка частоты – его нужно оставить там, где он есть. Это что? Передача.

Он щелкнул переключателем, и вспыхнула маленькая красная лампочка.

– Ага, это то, что нужно! Теперь мы готовы. Пора начинать.

Джанет подала ему наушники с микрофоном.

– Я знаю, что нужно нажать кнопку на микрофоне, чтобы говорить.

Надев наушники, Спенсер повернулся к доктору.

– Кто знает, что случится, поэтому мне необходима еще пара рук рядышком. Я понимаю, вы не можете оставить больных, поэтому лучшим выбором будет мисс Канада. Что вы на это скажете?

Бэйрд кивнул.

– Я согласен. О'кэй, Джанет?

– Пожалуй, но я ничего в этом не понимаю, – Джанет беспомощно обвела глазами множество приборов.

– Отлично, – весело бросил Спенсер, – двоих уже пристроили. Садитесь, устраивайтесь поудобнее, а лучше пристегнитесь. Вы это видели, наверное, много раз. За то время, что я не летал, прибавилось много всего нового.

Джанет устроилась в кресле второго пилота, стараясь не задеть рулевую колонку, которая двигалась перед ней взад-вперед. В это время раздался стук в дверь.

– Это за мной, – сказал Бэйрд, – мне пора идти. Счастливого!

И быстро вышел. Оставшись наедине с девушкой, Спенсер ухмыльнулся:

– О'кэй?

Джанет молча кивнула и приготовилась надеть наушники.

– Тебя зовут Джанет? Меня – Джордж. – Спенсер посерьезнел. – Я не хочу тебя обманывать, Джанет, будет трудно.

– Я знаю.

– Ну чтож, посмотрим, смогу ли я послать сигнал бедствия. Номер нашего рейса?

– 714.

– Хорошо, тогда поехали.

Он нажал кнопку микрофона и начал спокойным голосом:

– Мэйдэй! Мэйдэй! Мэйдэй!

Этот позывной он не смог забыть. Он вызывал его однажды, в пасмурный октябрьский полдень, над французским побережьем, с отстреленным «хвостом», и два «Харрикейна» сопровождали его как две заботливые старые тетушки, пока он тянул через пролив.

– Мэйдэй! Мэйдэй! Мэйдэй! – продолжал он. – Я, рейс 714, «Мэйл Лиф Эйр Чартер», терплю бедствие! Ответьте все, кто меня слышит!

У него даже перехватило дыхание, когда тут же он услышал ответ:

– Алло, 714! Говорит Ванкувер. Мы ждем ваше сообщение. Ванкувер всем бортам: эта частота закрыта для всех. Продолжайте, 714!

– Спасибо, Ванкувер, я – 714. У нас беда. Оба пилота и несколько пассажиров... Сколько пассажиров, Джанет?

– Несколько минут назад было пять. Хотя, сейчас может быть уже больше.

– Даю поправку. По крайней мере пять пассажиров серьезно пострадали от пищевого отравления. Оба пилота без сознания, в тяжелом состоянии. У нас на борту доктор, он говорит, что они не в состоянии управлять самолетом. Если пострадавших быстро не доставить в больницу, то не исключен смертельный исход. Как поняли меня, Ванкувер?

Немедленно последовал ответ:

– Продолжайте, 714! Я вас слышу.

Спенсер перевел дух.

– Сейчас мы подходим к самому интересному. Меня зовут Спенсер, Джордж Спенсер. Пассажир этого рейса. Вношу поправку. Я был пассажиром, а сейчас я пилот. Информация для вас: у меня около тысячи часов общего налета, но на одномоторных боевых самолетах. С тех пор я не управлял около тринадцати лет. Поэтому вам лучше пригласить к микрофону кого-нибудь, кто смог бы мне давать указания, как управлять этой штукой. Наша высота 20.000, курс – 290 по магнитному компасу,

скорость – 210 узлов. Вот такая история. Теперь дело за вами, Ванкувер.

– Ванкувер – рейсу 714. Не отключайтесь.

Спенсер вытер вспотевший лоб и улыбнулся Джанет.

– Держу пари, что мы переполошили всех, там, внизу!

Девушка не успела ответить, как в наушниках опять затрещало и раздался голос, безличный и размеренный, как и раньше.

– Ванкувер – рейсу 714. Пожалуйста, уточните еще раз у доктора, нет ли возможности привести в чувство хотя бы одного из пилотов. Это очень важно. Повторяю, это очень важно! Попросите его сделать все возможное для этого, даже если ему придется бросить без присмотра остальных пострадавших.

Спенсер переключился на передачу.

– Ванкувер, я – рейс 714. Вас понял. Доктор говорит, что нет никакой возможности привести пилотов в чувство. Он говорит, они – в критическом состоянии и могут умереть, если им быстро не оказать квалифицированную помощь.

В наушниках установилось молчание, затем опять раздался голос диспетчера.

– Ванкувер 714. Вас понял. Прошу вас, не отключайтесь, пожалуйста.

– Вас понял, Ванкувер, – поблагодарил Спенсер, отключил микрофон и повернулся к Джанет.

– Нам остается только ждать, пока они там решат, что делать.

Слегка дрожащими руками Спенсер поигрывал рулевой колонкой, повторяя ее движения и пытаясь оценить ее чувствительность, как бы пытаясь вызвать в памяти старые навыки, летное мастерство, которым он прославился в эскадрилье; три раза его награждали отпуском домой. Он улыбнулся, вспоминая военные выражения. Но уже в следующее мгновение беспомощно оглядывал множество дрожащих стрелок, группы незнакомых рычагов и переключателей. Его охватило холодное отчаяние. Что он вообще может сделать? Это все равно, что сидеть в подводной лодке, окруженному бессмысленными приборами и инструментами из научно-фантастического романа. Одно неправильное или неловкое движение может в считанные секунды изменить характер полета; и если он это сделает, кто может дать гарантию, что ему удастся вернуть самолет под свой контроль? Все шансы за то, что ему не удастся это сделать. На этот раз не будет ободряющего присутствия «Харрикейнов», сопровождавших его домой. В тот же момент в его голове возникли проклятья руководству фирмы, выпихнувшему его в эту несчастную поездку в Ванкувер. Перспективы стать начальником отдела и приобрести дом в Паркуэй Гейте

показались незначительными и даже абсурдными. Было бы ужасно вот так окончить жизнь, никогда больше не увидеть Мэри, не сказать ей всего, что осталось несказанным. Что же до Бобси и Кит, то страховка принесет им не очень много. Ему следовало бы больше сделать для этих бедных детей, лучших в мире.

Какое-то движение рядом с ним прервало его мысли. Джанет встала коленями на кресло и посмотрела на неподвижные тела командира и второго пилота, лежащих на полу.

– Один из них – твой приятель? – спросил Спенсер.

– Нет, – ответила она нерешительно. – Право же, нет.

– Не обращай внимания, – Спенсер говорил как можно мягче. – Я понял. Простите меня, Джанет, – он вытащил сигарету и поискал спички. – Я не уверен, что это разрешено, но думаю, что авиакомпания поймет!

В свете вспыхнувшей спички девушка ясно увидела его глаза, горящие неистовым гневом.

6. 03.00 – 03.25

С оглушающим ревом разогнался по блестящей от дождя полосе и скрылся в ночном небе последний в эту ночь самолет на Восток, вылетевший из Ванкувера. Пока он делал необходимый разворот над аэропортом, его навигационные огни слегка пробивались сквозь густую низкую мглу. Несколько самолетов, которые буксировались с разных концов поля на стоянки вдоль секций отправления, были покрыты каплями дождя. Ночь была холодной.

Рабочие на поле копошились в желтом свете дуговых ламп и, время от времени, похлопывали замерзшими руками, чтобы согреться. Никто из них не проронил лишнего слова. Медленно двигавшийся самолет остановился на стоянке и выключил двигатели, подчиняясь командам стоящего перед ним человека с флажками. Во внезапно наступившей тишине слышался только свист вращающихся пропеллеров. Функционирующий, как обычно аэропорт, Ванкувера готовился к предстоящей опасности без внешней суеты и паники.

В ярко освещенной комнате диспетчера чувствовалось, что напряжение нарастает. Отодвинув телефон и закулив, диспетчер изучал карту на стене, скрывшись в клубах голубого дыма. Помолчав, он повернулся к Бардику. Сидевший на краю стола пухлый представитель компании «Мэйпл Лиф» только что закончил читать поступившую радиограмму и держал ее в руках.

– Правильно, Гарри – начал диспетчер.

Говорил он тоном человека, описывающего свои действия, в основном, для собственного удовлетворения от всего сделанного, а не для информации кому-то.

– Я задерживаю все рейсы на Восток. У нас есть примерно час, чтобы расчистить движение на других направлениях. После этого, все рейсы по расписанию должны ждать, пока... Ждать, одним словом.

Зазвонил телефон. Он схватил трубку.

– Да?... Понял! Предупредите все службы и самолеты, что мы сможем принимать рейсы только в течение сорока шести минут. Заворачивайте всех, кто прибывает позже. Вся западно-восточная трасса от Калгари к нам должна быть свободна... Сделали? Хорошо!

Он швырнул трубку на рычаг и повернулся к помощнику, тоже державшему телефонную трубку.

– Вы уже связались с начальником пожарной охраны?

– Сейчас звоню ему домой.

– Передайте, что ему лучше было бы быть здесь. И попросите дежурного известить городское пожарное управление. Я думаю, они подгонят свое оборудование.

– Это я уже сделал. Слушаю, диспетчер Ванкувера, – ответил он в трубку. – Подождите, пожалуйста!

Он зажал трубку рукой.

– Оповестить Военно-Воздушные Силы?

– Да. Пусть они уберут из этой зоны свои самолеты!

Бардик спрыгнул со стола.

– Это мысль, – сказал он. Под мышкой у него торчал большой мокрый платок.

– У вас здесь, в аэропорту, есть пилоты? – уточнил у него диспетчер.

Бардик отрицательно покачал головой.

– Ни одного. Нам придется просить помощь.

Диспетчер на мгновение задумался.

– Попробуйте в «Кросс-Кэнада»! Большинство их людей базируется здесь. Объясните ситуацию. Нам необходим человек, высококвалифицированный в этом типе самолетов, который способен давать инструкции им туда.

– Вы считаете, у нас есть шанс?

– Я не знаю, но мы должны попробовать. Или вы можете предложить что-нибудь еще?

– Нет, – ответил Бардик, – я не могу. Но я уверен, такой работе не позавидуешь!

Диспетчера окликнул помощник:

– На связи опять городская полиция! Будете говорить?

– Попроси их не отключаться.

Бардик двинулся к двери.

– Пойду поищу людей «Кросс-Кэнада». И я должен позвонить в Монреаль, поставить в известность руководство.

– Я бы советовал вам звонить из кабинета управляющего. Здесь – видите – какая суматоха. – Бардик выскочил из комнаты, а диспетчер поднял трубку.

– Говорит диспетчер... А, инспектор, рад вас слышать. Да... да... чудесно! Послушайте, инспектор, у нас ЧП значительно серьезнее чем мы предполагали. Во-первых, необходимо, чтобы один из ваших патрулей отыскал в городе нашего пилота и доставил его сюда как можно быстрее...

Да, я позже сообщу вам. Во-вторых, мы ожидаем, что кроме «Скорой помощи» нам понадобятся пожарные. Я не могу сейчас объяснить, но самолет плохо управляется.

Он сделал паузу и выслушал собеседника на другом конце провода.

– Да, мы объявляем общую тревогу. Все упирается в то, что могут пострадать дома рядом с аэропортом.

Он опять замолчал на мгновение.

– Да, я рад, что вы это предложили. Я знаю: чертовски трудно поднимать людей среди ночи, – но у нас нет выбора. Я не могу гарантировать, что самолет опустится на поле. Скорее всего, он либо не долетит, либо проскочит поле – есть и такая опасность. Хорошо еще, что необходимо эвакуировать только дома по направлению к мосту «Си-Айленд». Мы постараемся направить его мимо города... А?... Нет, еще ничего не могу сказать. Мы постараемся принять его с восточного конца главной ВПП.

Еще одна пауза, но этот раз длиннее.

– Спасибо, инспектор! Я очень хорошо это понимаю, и не буду просить вашей помощи без крайней необходимости. Я буду держать вас в курсе.

Диспетчер швырнул трубку на рычаг, в глазах появилась тревога. Он повернулся к оператору.

– Есть связь с 714?

Оператор кивнул.

– Они прибудут еще совсем ночью, – как бы про себя отметил диспетчер.

Он вытащил носовой платок и вытер пот с лица.

– Начальник пожарной команды уже выехал, – доложил помощник.

– Сейчас на связи Военно-Воздушные Силы, спрашивают, чем могут помочь.

– Мы свяжемся с ними если понадобится, но вряд ли. Поблагодари их.

Он продолжал внимательно изучать карту на стене, пряча платок в карман. Достал пачку сигарет; увидев, что она пустая, смял и бросил на пол.

– Кто-нибудь даст закурить?!

– Да, сэр!

Он прикурил, глубоко затянулся.

– Надо бы послать кого-то вниз за чем-нибудь пожевать – да, и всем кофе! Нам это необходимо.

Вернулся запыхавшийся Бардик.

– «Кросс-Кэнада» утверждает, что их лучший пилот – капитан Трэливен. Сейчас они ему звонят. Я полагаю, он уже давно спит дома.

– Может, вызвать полицейскую машину?

– Они об этом сами позаботятся. Я им сказал, что он нам нужен как можно быстрее. А вы его знаете?

– Встречались. Он – отличный парень! Нам повезло, что он нам поможет.

– Будем надеяться, что он сможет. Мы, во всяком случае, попытаемся.

– Как там твое начальство?

Бардик ухмыльнулся:

– Я послал весточку своему президенту.

Радиооператор повернулся к ним.

– Сиэтл и Калгари ждут, сэр! Они интересуются хорошо ли мы слышим 714.

– Отвечай. Слышим 714 хорошо, но просим их не отключаться на случай непредвиденных помех на приеме.

– Хорошо, сэр.

Диспетчер перегнулся через радиопанель, взял стоящий микрофон и кивнул оператору, который переключился на передачу.

– Диспетчер Ванкувера – рейсу 714, – вызвал он.

Голос Спенсера, тутже ответившего на вызов, с шипением вырвался из динамика громкой связи. С момента получения сигнала бедствия все передачи рейса 714 транслировались по громкой связи.

– 714 – Ванкуверу. Я уже думал, что мы потеряли частоту.

– Ванкувер – 714. Говорит диспетчер. Мы организуем помощь. Очень скоро мы вас опять вызовем. Пока же не вмешивайтесь в работу автомата. Как поняли? Прием.

Несмотря на помехи, в голосе Спенсера явно чувствовалась злость:

– 714 – Ванкуверу. Я думал, что я вам говорил. Я никогда не занимался ничем подобным. И, разумеется, не собираюсь выкидывать дурацкие шутки с автопилотом. Прием.

Диспетчер открыл было рот, чтобы ответить, но передумал. Он вздохнул и повернулся к помощнику.

– Передай там, чтобы доставили сюда Трэливена как можно быстрее.

– Хорошо, сэр! Только что доложил дежурный офицер пожарной охраны. Он занимается укрытием железнодорожных вагонов и цистерн. Городская пожарная часть уже доставила все необходимое оборудование.

– Хорошо. Когда появится шеф пожарной команды, я бы хотел с ним

поговорить. Если 714 доберется до нас, то не хотелось бы, чтобы наши машины мчались к ним через все поле. Если они разобьются, то, вероятно, покроют большую площадь.

Бардик внезапно вскочил.

– Эй, вместе с городскими частями сюда в любой момент может пожаловать пресса!

Он постучал толстым пальцем по зубам, страшась такой возможности.

– Это будет самое худшее, что могло бы случиться с «Мэйпл Лиф». Представляете это будет на первой полосе всех газет! Набитый пассажирами самолет, многие из них отравлены. Пилоты тоже. Возможна эвакуация жителей из домов, стоящих по направлению к мосту. Не говоря уже...

Диспетчер его перебил.

– Лучше бы подключить прессу самим с самого начала. побыстрее пригласите сюда Говарда. Связисты узнают его домашний телефон.

Бардик кивнул оператору, тот пробежал пальцем по телефонному списку с надписью «В случае ЧП» и начал набирать номер.

– Мы не сможем скрыть от прессы такое ЧП, Гарри! Будет большой шум. Пусть Клифф подумает, как это все представить. Да, пусть передаст газетчикам, чтобы держались от нас подальше. Нам надо работать.

– Ужасная ночь, – простонал Бардик, с отвращением хватая телефонную трубку.

– Что там с доктором Дэвидсоном? – строго спросил он оператора.

– Он выехал на ночной вызов, и мы не можем с ним связаться. Но он уже скоро должен вернуться. Я оставил ему записку.

– Неужели вы этого не знали? Все обязательно случается по ночам. Если вы не найдете его через десять минут, то обратитесь в больницу. Тот доктор, с рейса 714, может быть, нуждается в совете. Алло, алло, – Бардик тяжело дышал в трубку. – Вставайте, вставайте, Клифф, ради Бога! Сейчас совсем не время спать!

В маленьком домике на окраине города беспрерывно звонил телефон, нарушая тишину и покой своей пронзительной трелью. Нежная белая рука высунулась из-под одеяла, застыла на мгновение на подушке, затем медленно пошарила в темноте в поисках выключателя настольной лампы. Зажегся свет. Привлекательная рыжеволосая женщина в белой вышитой ночной рубашке, почти не открывая глаз, с трудом дотянулась до телефона, поднесла трубку к уху и повернулась на бок. Пытаясь разглядеть стрелки

маленьких часов, она промямлила:

– Да?

– Это миссис Трэливен? – услышала она твердый голос.

– Да, – ответила она почти шепотом. – А кто это?

– Миссис Трэливен, могу я поговорить с вашим мужем?

– А его нет!

– Нет? Пожалуйста, где я могу его найти? Это очень срочно!

Она оперлась на подушку и попыталась разлепить сонные глаза. Ей казалось, что она все еще спит.

– Где вы? – услышала она голос в трубке. – Миссис Трэливен, мы дозванивались до вас несколько минут.

– Я приняла снотворное, – прошептала женщина. – Послушайте, кто это звонит так поздно ночью?

– Я прошу прощения, что разбудил вас, но у нас приказ безотлагательно связаться с командиром Трэливеном. Это из аэропорта, из компании «Кросс – Кэнада».

– О! – она попыталась собраться с мыслями. – Он у своих родителей. Его отец очень болен, и муж дежурит около него.

– Это в городе?

– Да, это недалеко отсюда, – Она дала номер телефона.

– Благодарю вас, миссис. Мы сейчас же позвоним туда.

– А что случилось?

– Я прошу прощения – нам некогда объяснять. Еще раз благодарю.

Телефон замолчал. Она положила трубку и спустила ноги с кровати. Как жена старшего пилота авиакомпании, она привыкла к неожиданным вызовам своего мужа, считала их неизбежным злом его жизни, но постоянно возмущалась этим. Неужели Поль был единственным пилотом, к которому они всегда обращались, попадая в затруднительное положение? Если он срочно вызывается в полет, то он сначала позвонит домой, чтобы она подготовила форму и принадлежности. Тогда у нее есть время приготовить термос и несколько сэндвичей. Она накинула халат, спотыкаясь спросонья, вышла из спальни и спустилась в кухню.

А за две мили отсюда Поль Трэливен глубоко спал. Его большое сильное тело раскинулось на диванчике в гостиной в доме его матери. Эта решительная энергичная пожилая женщина настояла, чтобы он отдохнул пару часов, пока отцу стало легче, и есть возможность.

Накануне вечером семейный доктор их обнадежил: кризис миновал, и сейчас все зависело от хорошего ухода и внимания. Трэливен был рад возможности отдохнуть.

Тридцать шесть часов назад он вернулся из рейса в Токио, привез обратно парламентскую делегацию и, с тех пор, пока было обострение болезни у отца, он едва успел немного вздремнуть.

Он проснулся от того, что его трясли за руку. Быстро вскочив, он увидел мать, стоящую на коленях рядом с ним.

– Да, мама, – сказал он тяжело, – сейчас я тебя сменю.

– Нет, сынок, дело не в этом. Отец спит, как ребенок. Звонят из аэропорта. Я сказала им, что ты только что прилег отдохнуть, но они настаивают. Я думаю, им должно быть стыдно – не могут подождать до утра.

– О'кэй, мама! Я иду.

Поднимаясь на ноги, он подумал, что хорошо было бы еще поспать. Он был почти одет, снял только пиджак и галстук для удобства. Он шел, бесшумно ступая ногами в носках, к телефону в холле; мать, обеспокоенная, шла за ним следом.

– Трэливен, – сказал он в трубку.

– Поль, это Джим Брайнт, – слова падали отрывисто, тревожно. – Я крайне обеспокоен. Ты нам очень нужен, Поль! Ты можешь сейчас же приехать?

– Зачем? Что случилось?

– У нас – ЧП. Чартерный рейс «Мэйпл Лиф» – это «Импресс Сб», один из тех, что после ремонта – летит из Виннипега, много пассажиров и оба пилота серьезно отравлены – пищевое отравление.

– Что!!! Оба пилота?!

– Да, да! Опаснейшая ситуация. Какой-то парень сел за приборы, но он уже много лет не летал. Счастье, что был включен автопилот. «Мэйпл Лиф» не имеет здесь своих людей, и мы хотим, чтобы ты приехал и помог посадить машину. Как ты думаешь, получится?

– Черт возьми, я не знаю! Это невероятно трудно, – Трэливен взглянул на часы. – Когда ожидается прибытие?

– 05.05.

– Но осталось меньше двух часов! Пора действовать! Я – в южной части города.

– Твой адрес? – Трэливен продиктовал. – Патрульная машина будет у тебя через несколько минут. Как приедешь, поднимайся сразу в комнату диспетчера.

– Хорошо. Я уже выхожу.

– Счастливо, Поль!

Трэливен швырнул трубку, вернулся в гостиную и надел ботинки, не

завязывая шнурки. Мать подала ему пиджак.

– Что случилось, сынок? – спросила она с опаской.

– В аэропорту серьезное ЧП, мама. Я боюсь, очень серьезное. Сейчас приедет полицейская машина и заберет меня.

– Полиция!

– Ну – ну, – он обнял ее на секунду. – Тебе не стоит так беспокоиться! Они там нуждаются в моей помощи. Я вынужден покинуть тебя до утра.

Он поискал табак и трубку и положил их в карман.

– Минутку, – сказал он остановившись. – А как они узнали, что я здесь?

– Не могу сказать. Очевидно, сначала позвонили Далси.

– Да, может быть. Ты позвони ей и скажи, что все в порядке, да?

– Конечно, конечно! Но в чем там дело, Поль?

– Тяжело заболел пилот самолета. Они хотят, чтобы я помог посадить самолет, если у меня получится.

Мать глядела на него изумленно.

– Что значит помочь посадить? Если пилот болен, кто же будет управлять самолетом?

– Я, мама, с земли по радио. Во всяком случае, я попытаюсь.

– Я ничего не понимаю!

«Возможно, я тоже», – думал Трэливен про себя пятью минутами позже на заднем сиденье патрульной машины, которая увозила его от тротуара. Мимо них быстро мелькали унылые фонари; стрелка спидометра быстро достигла цифры семьдесят пять, в ночной тишине ревела сирена.

– Как темной ночью в поле, – заметил сержант, сидевший рядом с водителем, говоря через плечо.

– Вы можете мне точно сказать, что случилось?

– Почему я знаю! – Сержант сплюнул в окно. – Все, что я знаю – это, что каждая свободная машина направляется в аэропорт, чтобы, в случае необходимости, очистить районы моста. Мы тоже туда направлялись, но тут получили приказ ехать за вами. Мне сказали, что ожидается сильный взрыв.

– А вы знаете, что? – вставил молодой водитель. – Я думаю, что это – падающий стратосферный бомбардировщик с грузом ядерных бомб.

– Я тебя умоляю, – сказал сержант с мрачным презрением. – Твоя беда в том, что ты читаешь слишком много комиксов.

Никогда, отметил Трэливен про себя, он не добирался до аэропорта так быстро. Он не заметил, как они добрались до Марполя, пересекли Оак-Бридж и выехали на Лули-Айленд. Затем взяли вправо, снова пересекли

устье реки по Си Айленд, миновали полицейские крейсера, чьи команды разговаривали в дверях с домовладельцами, выехали на шоссе в аэропорт, и их встретили огни длинных низких зданий наземных служб. Они резко затормозили, с противным скрежетом покрышек, чтобы избежать столкновения с пожарной машиной, медленно заканчивающей U-образный разворот впереди них. Сержант выругался; коротко, но с чувством. Перед главным корпусом Трэливен выскочил из машины, проскочил в двери и промчался через толпу, слыша, как замирает вой сирены. Отмахнувшись от посыльного, встречавшего его, он направился напрямик в административный блок, в комнату диспетчера. Для человека своего роста он двигался очень быстро. Очевидно, эта раскованная манера двигаться в сочетании с крепким телосложением, красивыми прямыми волосами и мужественными чертами лица привлекали к нему внимание многих женщин. Угловатые, неправильные черты лица, казалось, были вырублены из куска дерева неопытной рукой. Трэливен имел прочную репутацию приверженца дисциплины, и почти каждый член летного состава испытал на себе холодный взгляд его светлых водянистых глаз.

Он вошел в диспетчерскую в тот момент, когда Бардик озабоченно, но с почтением говорил по телефону.

– ...Нет, сэр, он не специалист. Он летал во время войны на одномоторных самолетах – и все... Я спрашивал их об этом. Этот доктор на борту говорит...

Диспетчер быстро вскочил и тепло приветствовал Трэливена.

– Я очень рад видеть вас, капитан!

Трэливен кивнул в сторону Бардика.

– Это он о том парне, с «Импресс»?

– Да. Он только что поднял с постели своего президента в Монреале. Старик не в восторге от всего этого – скажу честно, я тоже. Черт, телефон звонит! Заканчивай побыстрее, Гарри!

– Что еще мы можем сделать? – оправдывался в телефон Бардик, обливаясь потом. – Мы попытаемся помочь ему инструкциями с земли. Я обратился к шеф-пилоту «Кросс-Кэнада» капитану Трэливену – он только что вошел. Мы будем наводить их по радио... Мы сделаем все, что в наших силах. Конечно, это огромный риск, а вы можете предложить что-нибудь получше?

Трэливен внимательно прочел все радиogramмы от 714. Затем коротко бросил: «Погода», и ознакомился с последними метеорологическими

сводками. Покончив с этим, он отложил бумаги, мрачно взглянул на диспетчера, достал свою трубку и, молча, стал набивать ее табаком.

Бардик все еще говорил по телефону:

– ...Я думал об этом, сэр! Говард будет заниматься прессой – они еще ничего не знают об этом... Да, да, мы наложили запрет на снабжение продовольствием всех рейсов из Виннипега. Это все, что мы знаем. Я позвонил вам сразу же...

– Что вы об этом думаете? – диспетчер обратился к Трэлиvenu. Пилот, молча, пожал плечами и снова взял радиogramмы. Пока он читал, потягивая трубку, лицо его покрылось глубокими морщинами. Вернулся посыльный, распахнув дверь ногой, так как руки его были заняты подносом, уставленным бумажными стаканчиками с кофе. Один он протянул диспетчеру, другой поставил перед Трэлиvenом, который не обратил на него никакого внимания.

– ...Расчетная время прибытия 05.05. по местному времени, – Бардик говорил с плохо скрываемым раздражением. – У меня дел по горло, сэр... Я займусь этим... Я позвоню вам. Я позвоню вам, как только узнаю что-нибудь новое... Да, да... До свидания!.

Швырнув трубку на рычаг, он вздохнул с облегчением. Затем повернулся к Трэлиvenu.

– Очень благодарен вам, капитан, за помощь! Как вам вся эта история? Трэливен потряс радиogramмами.

– Это все?

– Это все, что мы знаем. А сейчас пора садиться за пульт и сажать этого парня. Вы должны дать почувствовать ему машину в полете, навести его и – Боже помоги нам! – помочь ему посадить машину. Вы слышите?

– Я не могу делать чудеса, – беспристрастно ответил Трэливен. – Вы знаете, что шансы человека, летавшего только на боевых самолетах, посадить четырехмоторный пассажирский самолет очень ничтожны, если не сказать хуже?

– Конечно, я знаю это! – взорвался Бардик. – Вы же слышали, что я говорил Барнерду! Но у вас есть другие предложения?

– Нет, – медленно ответил Трэливен. – Пожалуй, нет. Я просто хочу быть уверенным, что вы понимаете, во что мы влезает.

– Послушайте! – заорал Бардик. – В воздухе самолет, набитый людьми, часть из них, включая пилотов, умирает! Крупнейшая за последние годы катастрофа в воздухе, вот во что мы влезает!

– Успокойтесь, пожалуйста, – охладил его Трэливен. – Криком делу не поможешь.

Он еще раз взглянул на радиোগраммы, потом на карту на стене.

– Это будет очень трудная и очень долгая работа, – сказал он, – и я хочу, чтобы все все до конца поняли.

– Ну, что же, джентельмены, – заключил диспетчер. – Вы совершенно правы, командир, что обращаете наше внимание на риск предстоящей операции. Мы все это понимаем.

– Так что же вы выбрали? – настаивал Бардик.

– Тогда очень хорошо, – Трэливен подошел к радиооператору. – Пора начинать. Вы можете напрямую говорить с 714?

– Да, командир, слышимость хорошая. Можем вызвать их в любое время.

– Вызывайте.

Оператор включил «передачу».

– Рейс 714! Вызывает Ванкувер. Как слышите? Прием.

– Да, Ванкувер, – донесся из динамиков громкой связи голос Спенсера. – Слышу вас хорошо. Продолжайте.

Оператор протянул стоящий микрофон Трэливену.

– О'кэй, командир!

– Он меня слышит?

– Да, можете продолжать.

Держа в руках микрофон и волоча его шнур по полу, Трэливен повернулся спиной ко всем, находящимся в комнате. Расставив ноги, он уставился невидящим взглядом в точку на карте, сконцентрировавшись на своих мыслях. Голос его звучал ровно и неторопливо, с уверенностью, которой он не чувствовал.

– Хэлло, рейс 714! Говорит Ванкувер. Меня зовут Поль Трэливен, я – шеф-пилот авиакомпании «Кросс-Кэнада». Моя задача – научить вас управлять этим самолетом. Я не думаю, чтоб у нас было много проблем. Если не ошибаюсь, я говорю с Джорджем Спенсером. Я хотел бы услышать подробнее о вашей летной подготовке, Джордж.

На Бардика, стоявшего сзади, напал приступ нервной лихорадки. Отвислые щеки его честного лица тряслись без остановки.

7. 03.25 – 04.20

Спенсер напрягся, бросив непроизвольный взгляд на девушку, сидевшую в соседнем кресле. Она не сводила с него глаз, блестящих в зеленоватом свете приборных панелей. Спенсер отвел взгляд, внимательно вслушиваясь в сообщение с земли.

Трэливен продолжал:

– Например, сколько у вас часов налета? В радиограмме говорится, что вы летали на одномоторных боевых самолетах. Летали ли вы когда-нибудь на многомоторных машинах? Хотелось бы это услышать от вас, Джордж.

У Спенсера настолько пересохло во рту, что он едва мог говорить. Откашлившись, Спенсер ответил:

– Хэлло, Ванкувер! Я – 714. Рад слышать вас, капитан. Но, пожалуйста, давайте не будем обманывать друг друга. Я думаю, мы оба сознаем ситуацию. Летал я только на одномоторных самолетах, «Спитфайрах» и «Мустангах» – всего у меня около тысячи часов налета. Но это было тринадцать лет тому назад. Как поняли меня? Прием.

– Пусть это вас не волнует, Джордж. Это как умение кататься на велосипеде – никогда не забывается. Подождите минуту.

В диспетчерской, на земле, Трэливен отключил микрофон и взглянул на лист бумаги, протянутый ему диспетчером.

– Постарайся вывести его на этот курс. ВВС увидят его на радаре.

Помолчав, диспетчер сказал:

– Судя по голосу он сильно взвинчен, да?

– Да, но как бы ты чувствовал себя в его шкуре?

Сдержав усмешку, Трэливен продолжил:

– Мы должны вселить в него уверенность. Без этого у него нет никаких шансов. Чтобы ни случилось, он не должен потерять присутствия духа. Давай потише, хорошо? – обратился он к говорившему по телефону помощнику диспетчера. – Если этот парень не будет четко меня слышать, то моментально разразится катастрофа, и мы уже ничего не сможем сделать.

Он повернулся к радиооператору.

– Все что угодно, но мы не должны его потерять!

И Трэливен опять включил микрофон:

– 714! Говорит Трэливен. Вы ведь сейчас на автомате?

– Да, капитан, – последовал ответ.

– Хорошо, Джордж. Ты можешь на минуту отключить автопилот, почувствовать машину и попробовать управление. А после небольшой практики мы немного изменим ваш курс. Но сначала внимательно выслушайте меня. Когда ты возьмешь управление на себя, тебе может показаться, что машина реагирует тяжелее и медленнее, чем боевые самолеты. Пусть это тебя не беспокоит, так и должно быть. У вас там вокруг полно самолетов, так что все делайте аккуратно и осторожно. Все время контролируйте свою скорость и не давайте ей упасть ниже 120 узлов, пока не выпущены шасси и закрылки, иначе вы потеряете управление. Я повторяю! Не давайте скорости упасть ниже 120 узлов! Так, еще один момент. У вас там есть кто-нибудь, чтобы вести переговоры по радио и не отвлекать вас от управления?

– Да, Ванкувер. Рядом сидит стюардесса, и она будет вести переговоры по радио. Начинайте, Джанет!

– Хэлло, Ванкувер. Говорит стюардесса, Джанет Бенсон. Прием.

– О, это вы, Джанет, – сказал Трэливен. – Я мог бы узнать ваш голос из тысячи! И так, вы будете помогать Джорджу общаться со мной. Хорошо. Джанет, я бы хотел, чтобы вы не спускали глаз с указателя скорости. Запомните, самолет держится в воздухе только за счет своей скорости. Если скорость сильно уменьшится, то он зависнет – и упадет. Поэтому всегда индикатор скорости должен показывать около 120, постоянно сообщайте об этом Джорджу. Это ясно, Джанет?

– Да, капитан, я все поняла.

– Теперь вы, Джордж! Делайте все спокойно и не торопясь. Отключите автопилот – это прямо на рулевой колонке – и возьмите управление на себя, удерживая дифферент и горизонт. Вы должны наблюдать за указателем горизонта и индикатором скорости. Указатель дифферента должен стоять на нуле. Так, хорошо. Начинайте.

Спенсер положил руки на тумблер автопилота на рулевой колонке. Лицо его окаменело. Ноги его находились на педалях рулей высоты, руки напряжены, весь он приготовился к предстоящему.

– Скажи им, что я отключаю, – прохрипел он Джанет. Она повторила его слова Трэливену. На мгновение его рука застыла на тумблере, затем он решительно его повернул. Машина слегка подпрыгнула влево, но он спокойно выправил курс, и самолет достаточно хорошо отреагировал на движения рулей высоты. Легкая вибрация рулевой колонки, казалось, пронизывала его насквозь, как электрический ток.

– Скажи им, все о'кэй, – сказал он, задыхаясь. Нервы его, казалось, звенели от напряжения.

– Говорит рейс 714. Мы летим, выдерживая дифферент и горизонт.

Голос Джанет звучал для него удивительно умиротворяюще.

– Отлично сделано, Джордж! Как только вы научитесь чувствовать машину, попробуйте сделать несколько небольших поворотов, не более двух-трех градусов. Вы видите указатель угла поворотов? Это прямо у вас перед глазами, чуть справа, прямо рядом с осветительным плафоном. Прием.

Трэливен закрыл глаза, пытаясь представить себе расположение приборов в кабине. Открыв глаза, он обратился к оператору:

– Послушайте, я не могу отойти от микрофона, а мы должны уже начинать составлять схему их приема и посадки, пока еще есть время. Поэтому, пригласите, пожалуйста, сюда старшего группы радиолокации, мне нужно с ним поговорить.

Очень осторожно Спенсер подал вперед левую педаль и ослабил руку на рулевой колонке. Казалось, прошла целая вечность прежде чем, самолет отреагировал на его движение, и он увидел, как отклонился индикатор горизонта. Довольный, он попытался повернуть в другую сторону, но сейчас уже движения самолета встревожили его. Он взглянул на индикатор скорости и остолбенел: скорость упала до 180 узлов. Быстрым движением он подал вперед рулевую колонку и вздохнул с облегчением, увидев, что скорость медленно возрастает до 210. Было очевидно, что пока он не почувствует окончательно временное запаздывание, ему придется крайне внимательно следить за приборами. Он еще раз попробовал сделать небольшой поворот, и ему пришлось приложить усилие, чтобы удержать руль высоты в том же положении. Постепенно машина начинала слушаться управления. Затем он вернул самолет примерно на тот курс, которым они летели ранее. Джанет, на мгновение оторвав взгляд от приборной панели, тихо спросила его:

– Ну как?

Спенсер попытался состроить гримасу, заменяющую улыбку, правда, без большого успеха. Ему пришла в голову мысль, что все это очень напоминает работу на шарнирном тренажере, только тогда не было на чаше весов почти шестидесяти жизней, да инструктор находился в нескольких футах от него, в соседней комнате.

– Скажи им, что я управляю машиной вручную, все время делаю небольшие повороты и ложусь обратно на наш курс.

Джанет передала сообщение.

– Я должен был бы спросить вас об этом раньше, – донесся до них голос Трэливена. – Как у вас там погода?

– Там, где мы сейчас находимся, ясно, – ответила Джанет, – чего нельзя, конечно, сказать о том, что под нами.

– Ага. Будет лучше, если вы будете меня держать в курсе относительно погоды. А сейчас, Джордж, нам надо торопиться. В любое время вы можете попасть в слой облачности, возникнет легкая тряска. Я бы хотел, чтобы вы были готовы к этому. Как машина слушается управления?

Спенсер взглянул на Джанет.

– Скажи им – чертовски медленно, как мокрая губка, – выдавил он сквозь лязгающие зубы.

– Хэлло, Ванкувер! Медленно, как мокрая губка, – повторила Джанет.

На мгновение спало напряжение на КДП Ванкувера; стоящие вокруг микрофона обменивались улыбками.

– Так и должно быть, Джордж, – сказал Трэливен, опять посерьезнев, – потому что вы управляли только маленькими машинами. И вам придется еще хуже, когда вы будете сажать ее.

Его прервал оператор:

– Пришел старший группы радиолокации.

– Пусть подождет, – отрезал Трэливен, – поговорю с ним, как только освобожусь.

– Да, сэр.

– Хэлло, Джордж, – Трэливен опять включился в разговор. – Вы должны избегать резких движений рычагами управления, как вы это делали на боевых машинах. Если вы будете резко двигать педали управления, то скоро попадете в беду. Это понятно? Прием.

– Да, Ванкувер, мы поняли. Прием.

– Хорошо, Джордж. Я хочу, чтобы вы поняли как влияет дифферент машины на ее скорость. Прежде чем начать, передвиньте задвижку дросселя так, чтобы скорость упала до 160 узлов, выдерживая направление и крен машины. Но постоянно контролируйте скорость. Держите ее не ниже 120. Рычаг рулей высоты находится справа от вас на основании рулевой колонки, рычаг элеронов располагается ниже регулятора задвижки дросселя, у пола. Нашли? Прием.

Спенсер одной рукой нащупывал все указанные рычаги, другой удерживая машину на прежнем курсе.

– О'кэй! Скажи им, я уменьшаю скорость.

– О'кэй, Ванкувер, мы делаем, как вы сказали.

Прошло время, пока медленно падала скорость. На 160 узлах Спенсер остановился и показал большой палец Джанет.

– Ванкувер, говорит 714. На индикаторе 160 узлов.

Прежде, чем продолжить, Трэливен с трудом стянул с себя пиджак.

– Хорошо, Джордж. Попробуйте слегка покачать машину вверх-вниз. Двигайте рулевую колонку так осторожно, как будто это корзина, полная яиц, и обязательно следите за скоростью. Держите ее на 160. Старайтесь почувствовать машину, как раньше. Прием.

Трэливен поставил микрофон.

– Где руководитель группы радиолокации?

– Я здесь.

– На каком расстоянии вы увидите этот самолет на ваших экранах? – спросил Трэливен.

– Миль шестьдесят или около того, капитан.

– Да, это не очень хорошо. Ну, ладно, – сказал Трэливен, частью обращаясь к Бардику, – нельзя объять необъятное. Я должен сказать, что они летят в заданном направлении. При следующем вызове мы уточним их курс.

Бардик вздохнул и вытащил сигареты, но пилот отказался.

– Если он останется на прежнем курсе, – продолжил Трэливен, внимательно изучая карту на стене, – то скоро мы увидим его на экране.

– А нельзя повести его по радиопеленгу? – предположил Бардик.

– Сейчас ему не до того. Если я попытаюсь вести его по радиопеленгу, он должен будет полностью заняться радио, меняя частоты и много других вещей. Я позже попробую, Гарри, и дам ему пройти несколько миль по радиопеленгу.

– Разумно, – допустил Бардик.

– А теперь о том, как мы это сделаем, – сказал пилот и повернулся к старшему группы радиолокации.

– Я должен продолжить разговор. Он очень нуждается в моей помощи.

– Хорошо, сэр.

– Как только он появится на ваших экранах, вы мне сообщите, я ему передам. Вы сможете обеспечить надежную связь между мной и комнатой радиолокации?

– Обеспечим, – ответил диспетчер.

– А как в самый последний момент? – поинтересовался старший группы.

– Сделаем так! – сказал Трэливен. – Как только он будет на экране и выйдет на правильный курс, мы перейдем в башню. Вы передадите туда информацию, мы сорентируемся по взлетно-посадочной полосе и спланируем посадку.

– Хорошо, сэр.

Трэливен включил микрофон, но задержался, увидев руководителя полетов, который повесил трубку на рычаг.

– Внизу доктор Дэвидсон, – сказал он.

– Что он хочет сказать?

– Судя по информации, которая у нас есть, он согласен с диагнозом того доктора, в самолете. Судя по первым признакам, это может быть ботулизм.

– А что это? Бога ради, скажите!

– По-видимому, это очень серьезное пищевое отравление. А не пригласить ли нам доктора снова и посадить у микрофона?

– Нет, мистер Гримселл. Гораздо важнее сейчас привести самолет сюда. Мы позовем его, как только им понадобятся медицинские советы. Не хотелось бы отвлекать Спенсера на посторонние вещи. Пусть Дэвидсон не отключается, вдруг понадобится.

Трэливен поднес к губам микрофон.

– Хэлло, Джордж Спенсер! Не забывайте о запаздывании при управлении. Имейте ввиду. Вам ясно это?

Сначала пауза. Потом:

– Он понял, Ванкувер. Прием.

Спенсеру казалось, что капитан читает его мысли. Он медленно двинул штурвал вперед и тут же вернул его назад, но машина не отреагировала на это. Он попробовал еще раз, подавая вперед штурвал. Вначале незаметно, нос машины начал опускаться. Затем так внезапно, что Спенсер на мгновение застыл, парализованный страхом, машина нырнула вниз. Джанет сильно прикусила губы, чтобы не закричать. Индикатор скорости начал вращаться... 180... 190... 200... 220. Налегая на штурвал всем своим весом, Спенсер старался вернуть машину в прежнее положение. На панелях перед ним, казалось, ожили все приборы. Стрелка указателя дифферента подрагивала у нижней отметки. Маленькая копия самолета в указателе горизонта завалилась на левое крыло и, словно испугавшись, застыла в этом положении. На альтиметре 100-футовая стрелка с жужжанием раскручивалась в обратную сторону, 1000-футовая стрелка вращалась не так быстро, но тоже с ужасающей скоростью, 10000-футовая стрелка практически не двигалась, упершись в крайнее нижнее положение.

– Поднимайся, чертова железяка, поднимайся же! – орал он и нос машины, наконец, начал медленно ему повиноваться. Он видел, как три стрелки альтиметра, мучительно медленно, начали вращаться в обратную сторону, отмечая набор высоты.

– Сделано! – сказал он с облегчением Джанет, ослабив контроль.

– Смотрите! Смотрите – скорость! – воскликнула девушка.

Бросив взгляд на указатель скорости, Спенсер увидел, что скорость быстро падает. 160... 150... 140. Но тут он опять взялся за штурвал и вывел машину в горизонтальный полет.

– Да-а-а, положение было скверным, – пробормотал он.

Джанет проверила скорость.

– 160. Теперь все в порядке.

Сзади открылась дверь, и они услышали голос доктора Бэйрда:

– Что случилось?

Не отводя глаз от приборов, Спенсер крикнул:

– Простите, док! Я стараюсь ее почувствовать.

– Надеюсь, впредь вы будете делать это аккуратнее, да? У нас там дела плохи. Как вы тут управляетесь?

– Замечательно, док, очень замечательно, – ответил Спенсер, облизнув пересохшие губы.

Дверь закрылась и они снова услышали голос Трэливена:

– Хелло, Джордж Спенсер! Как дела?

– Все о'кэй, Ванкувер, – ответила Джанет.

– Хорошо. Какой ваш курс, Джордж?

Спенсер взглянул на приборы.

– Отвечай: магнитный компас показывает 290, и я стараюсь так держать.

Джанет передала.

– Очень хорошо, Джордж! Старайся держать этот курс. Можете слегка отклониться, я подскажу, когда выправиться. Сейчас я хочу, чтобы ты почувствовал, как машина слушается управления на низких скоростях, при выпущенных закрылках и шасси. Но пока ничего не делайте, сначала выслушайте меня. Как поняли? Прием.

Спенсер кивнул, и Джанет попросила Трэливена продолжать.

– Хелло, 714. Прежде всего, держите скорость 160 узлов. Выровняйте машину по горизонту. Когда будете готовы, скажите. Прием.

Спенсер выпрямился в кресле и бросил:

– Следи за скоростью, Джанет. Тебе придется делать это, пока мы не сядем, так что начинай.

– Сейчас 190, – начала диктовать она. – 200... 190... Он сказал 160, мистер Спенсер!

– Я знаю, знаю! Я потихоньку уменьшаю газ.

Положив руку на рукоять сектора газа, он начал двигать ее назад.

- Как, Джан? Скорость?
- 190, 180, 175, 170, 165, 155, 150... Это очень мало!
- Я знаю. Следи! Диктуй!

Он тихо, почти ласково, двигал рукоять строго по делениям, стараясь установить нужную скорость.

- 150, 150, 155, 160... Стоит на 160.

Спенсер перевел дух.

- Фу-у-у! Сделано. Скажи им, Джан!
- Хелло, Ванкувер. Скорость ровно 160. Прием.

Голос Трэливена звучал нетерпеливо.

– О'кэй, 714! Дальше, Джордж. Я хочу, чтобы вы выпустили закрылки на 15 градусов, но будьте осторожны, не больше. Рычаг находится на основании штурвала и четко маркирован: 15 градусов означает передвинуть его на одно деление, во второе положение. Указатель угла выхода закрылков находится в центре панели – главной панели. Нашли его? Видите?

Спенсер кивнул.

- Передай им, но тебе это будет делать удобнее. Хорошо?

Она передала все на землю и положила руку на рычаг, ожидая дальнейших указаний.

– Хелло, 714, по моей команде выпускайте закрылки и следите за стрелкой. Когда она достигнет 15 градусов, останавливайтесь и оставьте ручку в этом положении. Внимательно следите, закрылки выходят очень быстро. Все ясно?

- Мы готовы, Ванкувер.
- Хорошо. Тогда начали.

Она хотела уже двинуть рычаг, но вдруг в испуге отдернула руку.

- Скорость! Она упала до 125!

Спенсер скользнул глазами по приборам, затем в отчаянии двинул вперед штурвал.

- Вызывай! – взревел он. – Вызывай их!

От резкого крена самолета все внутри, казалось, подкатило к горлу. Джанет почти лежала на приборной панели, диктуя цифры без остановки.

- 135, 140, 150, 160, 170, 175... Вы можете установить 160 узлов?

– Я пытаюсь, пытаюсь! – Не отрываясь, он смотрел на стрелку указателя скорости, пока она не достигла требуемого значения. Он торопливо вытер пот со лба рукавом, боясь убрать руку со штурвала, чтобы достать носовой платок.

- Ну, кажется, все! Скорость 160, да?

– Да, да!

– Так, это сделали. – Он откинулся на спинку кресла. – Послушай, давай минуту передохнем. – Он изобразил на лице некое подобие улыбки. – Теперь ты видишь, какой из меня пилот? Я знал, что так и будет.

– Нет, это я виновата, я должна была следить за скоростью! – Она сделала глубокий вдох, чтобы успокоить колотящееся в груди сердце. – Я вижу, что вы все делаете прекрасно. – Голос ее слегка дрожал.

Это не ускользнуло от Спенсера.

– Ты не можешь сказать, что я вас не предупреждал, – бросил он резко, в сердцах. – Давай работать дальше, Джан!

– Хелло, Джордж, – протрещал в наушниках голос Трэливена. – Вы уже выпустили закрылки?

– Только что, капитан, – ответила девушка.

– Так и держите. Я забыл вас предупредить, что после выхода закрылков должна упасть скорость. Установите ее на 140.

– И только-то! – воскликнул Спенсер. – Очень мило с его стороны – забыл предупредить!

– Очевидно, они там, внизу, тоже нервничают, – сказала Джанет, точно угадав состояние всех находящихся в комнате руководителя полетов в аэропорту. – Спасибо, капитан, – ответила она, – мы начинаем. – И по кивку Спенсера, она двинула ручку вниз до упора; Спенсер, не отрываясь, смотрел на указатель.

– Стоп! Теперь обратно во второе положение.

С опаской он смотрел на указатель скорости, пока стрелка не установилась на 140.

– Джанет, передавай.

– Хелло, Ванкувер. Закрылки выпущены на 15 градусов, скорость 140.

– Хелло, 714. Вы держите высоту?

Спенсер кивнул ей:

– Скажи им, да. Во всяком случае, более или менее.

– Хелло, Ванкувер. Более или менее.

– О'кэй, 714. Тогда следующий шаг – выпуск шасси. Тогда вы сможете представить и почувствовать, как будет вести себя машина во время посадки. Постарайтесь точно держать высоту и скорость 140. Когда будете готовы – и будете уверены, что готовы – выпускайте шасси и снижайте скорость до 120. Вам, очевидно, придется поработать сектором газа, чтобы поддерживать постоянную скорость, а также триммером. Вам понятно? Если есть вопросы, какие-то сомнения, спрашивайте.

– Спроси их, – сказал Спенсер, – что с оборотами двигателя и

контролем смесеобразования?

Услышав вопрос Джанет, Трэливен бросил через плечо Бардику:

– А этот парень кое-что соображает! На это пока, – сказал он в микрофон, – не обращайтесь внимания. Полностью сосредоточьтесь на поддержании постоянной скорости с выпущенными шасси и закрылками. Позже я расскажу вам обо всех показаниях приборов для посадки.

– Скажи им, что все ясно. Начинаем выпускать шасси.

Он озабоченно взглянул на педаль под ногой. Ему казалось, что будет намного лучше, если он будет держать штурвал обеими руками.

– Послушай, Джанет, я думаю, что лучше тебе выпускать шасси и одновременно следить за скоростью.

Джанет кивнула. Машина дернулась, как будто резко нажали на тормоз, и их откинуло на спинки кресел.

– 130, 125, 120, 115... Очень мало!

– Следи, следи!

– 115, 120, 120... Стоит на 120.

– Да-а, – бросил Спенсер, тяжело дыша, – это как управлять «Куин Мэри».

До него донесся голос Трэливена, в нем чувствовалось беспокойство:

– Все в порядке, Джордж? Вы уже выпустили шасси?

– Все о'кэй, Ванкувер.

– Посмотрите, должны гореть три зеленые лампочки. Они говорят о том, что стойки шасси встали на замки. Слева, на центральной панели, есть манометр. Его стрелка должна находиться в зеленом секторе. Проверьте.

– Ты видишь? – спросил Спенсер.

Джанет поискала глазами и кивнула.

– Ну, тогда скажи им!

– Да, Ванкувер, все в порядке.

– Да, еще скажи им, что машина выскальзывает из рук, как мокрая губка, даже еще хуже.

Джанет передала его замечание.

– Не обращайтесь внимания, – ответили с земли. – Сейчас мы выпустим закрылки полностью, и вы почувствуете, как поведет себя машина при посадке. Вы ощутите ее вес. Слушайте меня внимательно. Выпускайте полностью закрылки, снижайте скорость до 110 узлов и постарайтесь удержать машину в этом положении. Старайтесь не потерять высоту. Чуть позже я скажу вам, как держать высоту и скорость при выпущенных шасси и закрылках.

– Вы сказали 110, капитан? – беспокойно переспросила Джанет.

– Да, 110, все правильно, Джанет. Точно выполняйте все, что я говорю, и вам не о чем будет беспокоиться. Вам все ясно, Джордж?

– Скажи им, что да. Мы выпускаем закрылки полностью.

Она опять двинула вперед рычаг выпуска закрылков, и скорость стала падать.

– 120, 115, 115, 110, 110...

Голос Спенсера дрожал от напряжения.

– Отлично, девочка. Дай им знать. Боже, как-будто двигаешь тонну!

– Хелло, Ванкувер, закрылки вышли полностью, скорость 110. Мистер Спенсер говорит, что машина стала тяжелее, чем раньше.

– Все идет хорошо, Джордж. Мы еще сделаем из вас пилота! Сейчас мы вернем все в исходное положение и повторим еще раз со всеми подробностями. Я имею в виду шасси, смесеобразование, бустеры и тому подобное. О'кэй?

– Еще раз, – простонал Спенсер. – Я не знаю, вынесу ли я все это еще раз. Ну хорошо, Джанет.

– О'кэй, Ванкувер. Мы готовы.

– Отлично, 714! Давайте все в обратном порядке: верните закрылки до 15 градусов и скорость увеличьте до 120 узлов. Аккуратнее со скоростью. Поехали.

Наклонившись, Джанет схватила рычаг закрылков и потянула его. Он не стронулся с места. Она нагнулась ниже и попыталась еще раз.

– Ну, что там? – спросил Спенсер.

– Не идет. Мне кажется, что я не смогу сдвинуть его с места.

– Не может быть! Попробуй еще раз, посильнее!

– Бесполезно. Мне не сдвинуть его.

– Дай-ка, я! – Он снял руку со штурвала и попытался сдвинуть с места рычаг, но безуспешно.

– Давай-ка поменяемся местами. Если...

– Смотри! – вдруг закричала Джанет. – Скорость!

Указатель показывал 90 и сдвигался к 75.

Согнувшись немыслимым углом над приборной панелью, Спенсер понимал, что они попали в неустойчивый режим, грозящий перейти в штопор. Если машина начнет вращаться, тогда гибель. «Сосредоточься, – приказывал он себе, – думай! В какую сторону мы вращаемся? Тянет влево. Вспоминай, чему тебя учили в летной школе. Ручку вперед, и тут же педаль противоположного руля. Ручку вперед. Вперед! Мы набираем скорость. Руль поворота в противоположную сторону. Да! Следи за приборами. Они показывают неверно – я же чувствую, что мы поворачиваем! Нет, все

правильно! Ты должен им верить! Приготовься выправить машину. Сделали. Давай, давай, мадам, давай!».

– Горы! – воскликнула Джанет. – Я вижу землю!

«Спокойнее, спокойнее. Не так быстро. Старайся держать скорость. Мы выправляемся... выправляемся! Сделал! Готово! Выкрутились!».

– 105, 110, 115... – сдавленным голосом диктовала Джанет показания прибора. – Совсем темно. Должно быть, попали в туман или что-то подобное.

– Убирай шасси!

– Горы! Мы должны...

– Я сказал, убирай шасси!

С грохотом открылась дверь кабины. Из салона неслись крики и проклятья.

– Что они там делают? – донесся пронзительный женский крик.

– Здесь что-то не так! Я сейчас выясню, в чем там дело!

– Сядьте на место, – это был голос Бэйрда.

– Пустите меня!

Дверной проем заполнила мужская фигура. Пассажир вглядывался в полумрак пилотской кабины, потом рванулся вперед, цепляясь за все, что попадалось ему под руки, и замер в оцепенении, переводя пристальный взгляд то на два распростертых на полу тела, то на затылок Спенсера. Мгновенье он стоял молча, с открытым ртом. Потом попятился назад к открытой двери и, проходя, ухватился за косяк обеими руками.

Голос его сорвался на высокой ноте.

– Он – не пилот! Мы все погибнем! Мы все разобьемся!!!

8. 04.20 – 04.35

Обрамленные сверкающими ореолами, неоновые лампы над входом в зал прибытия аэропорта Ванкувер отражались в мокром асфальте. Обычно пустынная в этот предрассветный час – изредка проезжали прибывающие или улетающие экипажи – дорога сейчас была совершенно другой. На повороте от основной трассы к аэропорту стояла полицейская патрульная машина, почти перегородив дорогу, «мигалка» на крыше работала. Остальные машины стояли вдоль дороги к аэропорту с таким расчетом, чтобы быстро освободить подъезд к залу прибытия. Рядом с ними прохаживались полицейские, тихо переговариваясь друг с другом, пританцовывая, чтобы согреться, и провожая взглядом пожарные машины и «Скорую помощь», которые притормаживали рядом с ними, чтобы уточнить дорогу к той или иной сборной точке. Прогрохотал блестящий от дождя красный грузовик спасательной службы, и в тишине тут же возник голос из динамика в машине, хорошо слышный в радиусе нескольких ярдов.

– Леди и джентльмены, прослушайте пожалуйста последнюю информацию из аэропорта города Ванкувер. Руководство аэропорта еще раз предупреждает, что хотя самолет компании «Мэйпл Лиф» и пилотируется неопытным пилотом, нет абсолютно никаких причин для беспокойства и паники в городе. Приняты все меры предосторожности, и проживающим в районе аэропорта не стоит беспокоиться. Дополнительное подкрепление направлено в район Си-Айленда. Оставайтесь на своих местах до следующих объявлений.

Забрызганный грязью «Шевроле» резко затормозил у зала прибытия, скрипнув шинами по асфальту стоянки, и тут же замер. На лобовом стекле, с левой стороны, была наклеена красная карточка с надписью «Пресса». Из машины выскочил крупный коренастый мужчина с копной седеющих волос, в расстегнутом ворсистом пальто, и сильно толкнул входную дверь. Он быстро направился к стойкам прибытия, кивнул полицейскому и прошел дальше. Ловко увернувшись от парочки в белых халатах, он поискал глазами стойку «Мэйпл Лиф» и заторопился туда. Там уже стояли двое мужчин и беседовали со служащим в форме авиакомпании. Один из них, заметив подходящего к ним, повернулся и слегка улыбнулся в знак приветствия.

– Как дела, Терри? – спросил подошедший.

– Все, что я разузнал, я передал в редакцию, мистер Джессап, – ответил другой, помолже. – Это Ральф Джессап – «Кэнадиен Интернэшнел Ньюс», – представил он подошедшего служащему авиакомпанияи.

– Кто здесь заправляет? – спросил Джессап.

– Я думаю, мистер Говард должен сделать сообщение в комнате для прессы, – подсказал служащий авиакомпанияи.

– Пошли, – бросил Джессап и, взяв молодого человека за руку, повел его за собой.

– Нам пришлют телеоператоров? – спросил он на ходу.

– Да, но там будет полно других! Даже кинохроника скоро подъедет.

– Хм! Напомни в редакции, чтобы не упустили возможную эвакуацию домов у моста. Обязательно на поле нужно иметь одного репортера. Если залезть на ограду, то можно сделать пару удачных снимков катастрофы – и быстрее в редакцию, чтобы опередить других. Что известно об этом парне, который управляет самолетом?

– Джордж Спенсер из Торонто. Это все, что нам пока известно.

– Передай в редакцию, пусть свяжутся с нашими людьми в Торонто и разузнают о нем поподробнее. Так. Теперь заберись в кабину телефона и не вылезай оттуда, что бы ни случилось. Держи постоянную связь с редакцией.

– Да, мистер Джессап, но...

– Я знаю, знаю, – грустно сказал Джессап, – но это вариант. Если что-нибудь случится с телефоном в пресс-комнате, то нам нужна будет оперативная связь с редакцией.

И, широко шагая, он направился в комнату прессы, низко опустив голову, как свирепый бык; полы пальто развевались в разные стороны. Там уже собрались несколько газетчиков; трое переговаривались между собой, кто-то стрекотал на машинках, стоящих на большом столе в центре комнаты, еще парочка заняла кабинки телефонов, расположенных по обеим сторонам комнаты. На полу кучей были свалены кожаные кейсы с киносъемочной аппаратурой.

– Ну, – бросил Джессап язвительно, – по какому поводу собрались, парни?

– Ха, Джесс! – приветствовал его один из них. – Где Говард? Ты его видел?

– Мне сказали, что он идет сюда. – Он вытряхнул сигарету из пачки. – Кто что знает?

– Мы только что подошли, – ответил Стивенс из «Монитор». – Я

звонил руководителю полетов и получил в ответ кучу проклятий.

– Вы, парни, поменьше их тревожьте, – заметил Джессап, прикуривая и сплевывая табачную крошку. – Уже не успеть в утренний выпуск, а до вечернего долго ждать, так что придется выпускать специальный дневной выпуск. Видите, они уже работают! – И он указал на двух репортеров в телефонных кабинках: – Один из них из «КП», другой – из «ЮПА».

– Не обращай внимания, Джесс, – бросил Стивенс, – если послушать телеграфное агентство, то подумаешь...

– Не задавайтесь, ребята, – перебил его Абрахамс из «Пост-телеграмм». – Уж лучше что-нибудь делать. Сейчас сюда набьются все остальные, и нам здесь будет не повернуться.

В комнату вошел моложавый мужчина, в руках у него было несколько листов машинописного текста. Это был Клифф Говард, подтянутый и энергичный, чьи черные, коротко подстриженные волосы, очки и модные английские галстуки были хорошо известны всем в аэропорту. Он никому не улыбнулся, хотя всех знал, а с некоторыми был даже дружен.

– Благодарю за то, что вы ограничились ожиданием здесь, – начал он.

– Мы уже собрались было разузнать все поподробнее, – отпарировал Стивенс. Звонившие по телефонам быстро закончили разговоры и присоединились к остальным.

– Давай не тяни, Клифф, – бросил кто-то. Говард взглянул на Джессапа.

– Я вижу, тебя выдернули прямо из постели, как и меня, Джесс, – заметил он, кивнув на пижаму, выглядывающую у того из-под пиджака.

– Да, – коротко бросил Джессап. – Давай, Клифф, начинай!

Говард посмотрел на пол, потом обвел взглядом окруживших его журналистов. Лоб его был покрыт испариной.

– Ну хорошо, – начал он. – Итак. Самолет «Импресс» авиакомпании «Мэйпл Лиф» совершал чартерный рейс из Торонто с болельщиками на сегодняшнюю игру. На пути от Виннипега к нам оба пилота вышли из строя. За штурвал сел пассажир, но у него нет опыта управления такими машинами. Мы по радио передаем ему инструкции – это делает капитан Поль Трэливен, шеф-пилот компании «Кросс-Кэнада» – но руководство аэропорта решило принять дополнительные меры предосторожности, чтобы освободить район аэропорта, и, в случае необходимости, обеспечить экстренную помощь.

Говард замолчал.

– И что дальше? – проворчал кто-то из журналистов.

– Я вряд ли смогу что-нибудь прибавить к сказанному, – ответил

Говард извиняющимся тоном. – Мы делаем все, что можем, и я уверен, что...

– Но, черт возьми, Клифф, что вы нам подсовываете? – возмутился Стивенс.

– Как могло случиться, что оба пилота вышли из строя?

Говард пожал плечами:

– Мы еще не до конца уверены. Возможно, какой-то желудочный приступ. У нас здесь находится доктор...

Послушайте, – перебил его Джессап, – нечего строить из себя невинность, Клифф! Это все шито белыми нитками. Все, что вы нам рассказали, наши редакции знали еще до того, как мы все здесь собрались. Давайте начнем сначала. Что это за слух о пищевом отравлении? И что это за парень ведет самолет?

Говард вздохнул, затем улыбнулся и сделал вид, что собирает швырнуть листки на пол.

– Послушайте, парни, – сказал он, не сдержавшись, – я никогда не отказываюсь, если могу помочь вам. И если я что-то делаю, я знаю, что вы будете со мной заодно. Не так ли? Но мы хотим рассматривать все происшедшее в комплексе. То, что происходит сегодня ночью, очень серьезно – ведь так? – но все, что в человеческих силах, делается, чтобы уменьшить риск. Организация всей этой операции делает честь руководству аэропорта. Нет, откровенно, я никогда ничего подобного...

– Это все слова, Говард!

– Конечно, конечно! Но я хочу, чтобы вы поняли, что все, что я говорю, нельзя расценивать как официальное заявление руководства аэропорта или авиакомпании «Мэйпл Лиф». Компания полностью сосредоточилась на том, чтобы посадить самолет в целостности и сохранности, а я стараюсь, как могу, чтобы помочь вам, парни.

Зазвонил телефон, но никто и не подумал снять трубку.

– Тогда ладно, – продолжил Говард. – Как я уже сказал, на борту вспышка какой-то болезни, очень возможно, что это пищевое отравление. Конечно, мы разговариваем...

– Вы хотите сказать, что продукты на борту оказались испорченными?

– На этот вопрос сейчас никто не сможет ответить. Все, что я знаю, я сказал, и прошу вас строго этого придерживаться. Туман задержал вылет самолета из Торонто и он с опозданием прибыл в Виннипег – настолько поздно, что постоянные поставщики продуктов не смогли этого сделать. Поэтому продукты пришлось закупать у другой фирмы. Там была рыба и часть ее, джентльмены, может быть, я повторяю, может быть, оказалась

испорченной. Все продукты проверялись соответствующими службами в Виннипеге.

– А что за парень управляет самолетом? – переспросил Абрахамс.

– Пожалуйста, поймите, – продолжал, не замечая вопроса, Говард, – что на самолетах «Мэйпл Лиф» очень высокие требования безопасности. Вероятность подобного случая – один к миллиону и, несмотря на строжайший...

– Этот парень! Кто он?

– Всему свое время, – резко бросил Говард, предупреждая шквал вопросов. – Экипаж самолета – один из самых опытных в «Мэйпл Лиф»: капитан Ли Даннинг, второй пилот Питер Левинсон и стюардесса Джанет Бенсон. У меня с собой подробное...

– Подождите, – сказал Джессап, – мы это посмотрим позже.

В комнату вбежали еще двое журналистов и присоединились к стоявшим.

– Что там о пассажире, управляющим самолетом?

– Я знаю, что сначала второй пилот, а затем и командир были поражены приступом болезни. К счастью, на борту оказался пассажир, который раньше летал, и он сел за штурвал. Зовут его Джордж Спенсер, он из Виннипега, я имею ввиду, что он там сел на самолет.

– Когда ты сказал, что он раньше летал, – уточнил Абрахамс, – ты имел ввиду, что он бывший пилот какой-нибудь авиакомпании?

– Нет, – признал Говард. – Он летал во время войны на небольших машинах...

– Во время войны? Когда это было...

– На каких типах машин? – настойчиво переспросил Джессап.

– «Спитфайры», «Мустанги» и им подобные.

– Но это боевые машины! Так этот парень – бывший военный летчик?

– Чтобы там ни было, летчик есть летчик, – сердито возразил Говард. – Им по радио руководит капитан Пол Трэливен, шеф-пилот «Кросс-Кэнада», он же будет помогать ему при посадке.

– Но, черт возьми, – проронил, все еще не веря, Джессап. – «Импресс» – четырехмоторный самолет. Какая у него мощность двигателей?

– Мне говорили, около восьми тысяч лошадиных сил.

– И ты хочешь нас уверить, что бывший военный летчик, летавший на одномоторных боевых машинах, сможет, спустя столько лет, управлять многомоторным самолетом?

После этих слов образовалась небольшая свалка, так как два-три репортера кинулись к телефонным кабинам.

– Конечно, некоторая доля риска есть, – согласился Говард, – и поэтому принимаются меры предосторожности – эвакуируются близлежащие жилые дома. Ситуация крайне напряженная, я допускаю, но нет никаких причин для...

– Некоторая доля риска! – воскликнул Джессап. – Я сам немного летал, и могу представить, что сейчас испытывает этот парень! Давай-ка о нем поподробнее!

Говард развел руками.

– Все, что я знал, я вам сказал.

– Что!? – воскликнул Стивенс. – И это все, что вы знаете о человеке, пытающемся спасти самолет и – сколько человек на борту?

– Пятьдесят девять, включая экипаж. У меня есть копия списка пассажиров и, если вы желаете...

– Клифф, – сердито перебил его Джессап, – если ты скрываешь от нас...

– Я же сказал, Джесс, что я больше ничего не знаю. Мы все бы желали знать больше, но, увы... Судя по последнему сообщению, у него все идет неплохо.

– Сколько осталось времени до катастрофы? – грубовато спросил Абрахамс.

Говард резко повернулся к нему:

– Не надо так говорить! Они должны приземлиться примерно через час, может, чуть меньше.

– Вы ведете их радаром?

– Я не знаю деталей, но думаю, что капитан Трэливен предусмотрел все средства. Все полностью контролируется. Авиатрассы и поле освобождены. Городская пожарная команда готова, в случае необходимости, оказать экстренную помощь.

– Думаете, они могут промахнуться и попасть в воду?

– Это было бы некстати, но полиция рассматривает все возможные варианты. Я не помню случая, когда бы принимались такие меры предосторожности.

– Невероятная история! – Абрахамс кинулся к ближайшей кабине, оставив дверь открытой, чтобы краем уха слушать Говарда.

– Клифф, на сколько у них осталось горючего?

– Я не могу сказать точно, но у них должен быть аварийный запас, – ответил тот, распуская узел галстука. Голос его звучал не очень убедительно.

Джессап секунду-две смотрел на него, прищурившись. Вдруг его

осенило:

– Минуту! Если это пищевое отравление, то не может быть, чтобы пострадали только пилоты?

– Давайте всех, кого можете прислать, – говорил Абрахамс по телефону в редакцию. – Сообщу сразу же, как только что-нибудь появится. Когда у вас будет достаточно материала для первого выпуска, готовьте его в двух вариантах – как катастрофу и как удивительную посадку – и будьте наготове. О'кэй? Дай-ка мне Берта! Берт, ты готов? Начали. «Сегодня на рассвете все, кто находился в аэропорту Ванкувера, стали свидетелями невиданной доселе...»

– Послушай, Джесс, – Говард встревожился. – Это бомба! Вы можете делать все, что угодно, но, ради Бога, надо быть справедливыми к тем, кто работает там, наверху. Они работают, как сумасшедшие! Нет ничего, чтобы не делалось для спасения людей.

– Ты же нас всех знаешь, Клифф. Мы тебя никогда не подводили. Как там состояние пассажиров?

– Часть из них отравилась, но на борту оказался доктор, который, как может, оказывает первую помощь. Если потребуется медицинская консультация, то у нас под рукой свой доктор. Со стюардессой все в порядке, и она помогает Спенсеру держать связь.

– Пищевое отравление может быть очень серьезным, – неумолимо допытывался Джессап, – я имею ввиду, что часто все решает фактор времени.

– Да, это так.

– И если этих людей как можно быстрее не доставить в больницу, то они умрут?

– Да, вроде того, – согласился Говард еле слышно.

– Но, это же – небывалый случай! Как там ситуация сейчас?

– Ну, десять-пятнадцать минут назад...

– Нет, так не пойдет, – прорычал Джессап. – В такой ситуации все может измениться даже за минуту! Узнай, как там дела, Клифф. Кто сегодня руководитель полетов? Позвони им, или давай, я позвоню, если хочешь!

– Нет, не сейчас, Джесс, пожалуйста! Я говорю вам, они...

Джессап схватил его за плечо.

– Ты же сам был газетчиком, Клифф! В любом случае, это будет крупнейшая катастрофа за последние годы, и ты это знаешь. Через час вас растерзают – здесь все будет забито репортерами, хроникой, телевидением. Ты бы лучше помог нам сейчас, если не хочешь, чтобы мы рыскали по

всему аэропорту. Обрисуй нам обстановку и ты сможешь несколько минут передохнуть, пока мы будем сочинять свои послания.

– О'кэй, о'кэй! Только вы не напирайте, хорошо? – Говард поднял трубку внутреннего телефона. – Это Говард. Диспетчерскую, пожалуйста.

Он взглянул на Джессапа и выпятил нижнюю губу.

– Ты подведешь меня под монастырь. Хелло, диспетчер? Бардик там? Дайте мне его, это срочно. Хелло, Гарри? Это Клифф. Пресса нажимает, Гарри. Мне их не удержать. Они хотят знать обстановку на данный момент. Им нужно сдавать материал.

– Конечно! – фыркнул Бардик. – Непременно! Все бросим и будем заниматься ими! Все для газетчиков!

– Полегче, Гарри, – успокоил его Говард, – это их работа.

Бардик опустил трубку и повернулся к руководителю полетов, который стоял с Трэливером у радиопанели.

– Мистер Гримселл! Говарду приходится туго там, внизу. Мне бы не хотелось уходить. Как вы думаете, Стэн найдет несколько минут, чтобы поговорить с прессой?

– Я думаю, да, – ответил тот и взглянул на помощника. – Как ты думаешь? Нам лучше держать этих парней под контролем. И поторопись!

– Да, сэр! Уже иду.

– Не торопись возвращаться. Расскажи им все, кроме этого – и он кивнул на радиопанель.

– Все сделаю. Положитесь на меня! – И быстро вышел.

– Помощник руководителя полетов пошел к вам вниз, Клифф, – сказал Бардик, поднося к уху трубку. И тут же положил ее на рычаг. Вытирая лицо мятым платком, он подошел к пульту радиооператора.

– Ну, есть что-нибудь? – спросил он устало.

Трэливер отрицательно покачал головой, но не повернулся. Лицо его было серым от усталости.

– Нет, – бросил он уныло, – они ушли с волны.

Руководитель полетов бросил радиооператору:

– Телетайп в Калгари и Сиэтл, срочно! Узнай, слышат ли они 714.

– 714, 714! Диспетчер Ванкувера вызывает рейс 714! Отвечайте, 714! – постоянно твердил в микрофон оператор. Трэливер устало облокотился на радиопанель, трубка его погасла.

– Все, – бросил он устало, – это может быть конец.

– 714, 714! Вы меня слышите? Отвечайте, пожалуйста!

– Я не могу больше, – сказал Бардик. – Эй, Джонни! Принеси-ка мне еще кофе, ради всего святого! Черный и крепкий!

- Поймал! – закричал оператор.
- Ты что-то слышал? – быстро переспросил его руководитель полетов.
- Я не знаю... Мне на минуту показалось..

Низко склонившись над панелью, оператор с минуту настраивал приемник.

– Хелло, 714, 714, говорит Ванкувер! – Он бросил через плечо: – Я что-то слышал... Это, может быть они. Я не уверен. Если это они, то они ушли с частоты.

– Мы должны попробовать, – сказал Трэливен. – Скажи им, чтобы сменили частоту.

– Рейс 714, – вызывал оператор. – Говорит Ванкувер, говорит Ванкувер. Смените частоту на 128, 3. Вы слышите? Частота 128, 3.

Трэливен повернулся к руководителю полетов.

– Лучше попросить ВВС о еще одной радарной поддержке. Они скоро должны появиться на экранах.

– 714, измените частоту на 128, 3 и отвечайте, – постоянно повторял оператор.

Бардик опять уселся на край стола, стоящего в центре комнаты. От его руки на столе остался влажный след.

– Это не может случиться, не может, – повторял он без остановки каменным голосом на всю комнату, не сводя глаз с радиопанели. – Если мы их сейчас потеряем, то все они изжарятся – все до одного.

9. 04.35 – 05.05

Как в кошмарном сне, одержимый неистовым отчаянием, стиснув зубы и обливаясь потом, Спенсер старался заставить машину снова подчиняться ему; одной рукой он вцепился в сектор газа, а другой – в штурвал. Внутри, он чувствовал, разгоралось чувство злобы и отвращения к себе. Он не только потерял высоту, но и скорость, практически, тоже. Его мозг отказывался воспринимать события последних двух минут. Все, что он помнил – это то, что произошло что-то, что приводило его в ярость. Что может его оправдать? Он не мог потерять высоту всего за несколько секунд, они должны были постоянно снижаться для этого. Ведь не так давно он смотрел на указатель вертикальной скорости – или не в нем дело? Может быть – топливо?

Он чувствовал непреодолимое, почти неконтролируемое, желание заорать. Заплакать, как ребенок. Выбраться отсюда и бежать от приборов, издавающихся стрелок, бесчисленных шкал; бросить все и бежать отсюда в теплый салон, бежать и кричать: «Я НЕ СМОГ! Я ГОВОРИЛ ВАМ, ЧТО НЕ СМОГУ, А ВЫ НЕ СЛУШАЛИ МЕНЯ! НИКОГО НЕЛЬЗЯ ЗАСТАВИТЬ СДЕЛАТЬ ЭТО...».

– Мы набираем высоту, – дошел до него голос Джанет, показавшийся ему необычным, и в этот момент до него донеслись крики и женский визг из пассажирского салона – пронзительный, безумный.

Он услышал мужской крик:

– Он не пилот, я говорю вам! Они оба лежат там! Мы погибнем!

– Замолчите и сядьте на место, – четко произнес Бэйрд.

– Вы мне не указ...

– Я сказал, назад! На место!

– Все в порядке, док, – донесся простуженный голос «Тушенки», пассажира с ланкаширским акцентом, – предоставьте это мне.

Спенсер на мгновение закрыл глаза, стараясь успокоить прыгающие перед ним светящиеся шкалы. Он был совершенно не в себе, с горечью констатировал он. Человек может всю свою жизнь прыгать с парашютом, но, что ни говори, он никогда не совершит этого, если не будет отлично подготовлен. В первый раз они попали по-настоящему в критическую ситуацию, в первый раз от него потребовалось приложить все усилия, и он пал духом. Это было хуже всего: знать, что твое тело больше не может служить тебе, как старый автомобиль скатывается обратно, добравшись

почти до самой вершины горы.

– Прошу прощения, – проговорила Джанет.

Все еще вцепившись в штурвал, он бросил на нее полный удивления взгляд.

– Что? – тупо переспросил он.

Девушка повернулась в его сторону. В зеленоватом свете приборной панели ее лицо казалось почти прозрачным.

– Я очень сожалею, – просто сказала она, – вам тяжело, а я не могу вам помочь.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, – грубо оборвал он ее. Он не знал, что еще сказать. Он слышал шум в пассажирском салоне, громкие рыдания. И ему было очень стыдно.

– Постараюсь поднять машину как можно быстрее, – сказал он. – Просто пологий подъем, иначе мы опять начнем падать.

Перекрывая рев двигателей, до них донесся голос Бэйрда:

– Что там у вас происходит? У вас все в порядке?

– Простите, док! Я не смог удержать ее. Сейчас все в порядке, я полагаю, – ответил Спенсер.

– Старайтесь, по крайней мере, не терять высоту, – недовольно бросил тот. – Там люди, им очень-очень плохо.

– Это моя ошибка, – сказала Джанет. Она видела, что доктора шатает от усталости и он держится за косяк двери, чтобы не упасть.

– Нет, нет, – запротестовал Спенсер, – если бы не она, мы бы уже разбились. Я просто не могу управлять этой штукой – вот и все.

– Чепуха, – резко бросил Бэйрд. Они услышали мужской крик: «Включите радио!» и громкий голос доктора, обращающийся к пассажирам:

– Послушайте меня, вы все! Паника – это самое опасное и самое страшное, что может быть в нашем положении.

Но тут дверь с грохотом захлопнулась, и они опять остались одни в полной тишине.

– Отлично придумано, – твердо сказала девушка. – Я должна сообщить это капитану Трэлиvenu.

– Да, – согласился Спенсер. – Расскажи ему все, что у нас случилось, и что мы снова набираем высоту.

Джанет переключилась на передачу и вызвала Ванкувер. Но никто не ответил. Она повторила вызов и опять не получила ответа.

Спенсер почувствовал внутри знакомый холодок страха. Усилием воли он постарался подавить его.

– В чем дело? – спросил он. – Ты уверена, что включила передачу?

– Да, я думаю, да.

– Подуй в микрофон. Если он включен, ты это услышишь.

Джанет так и сделала.

– Да, я слышу, все в порядке. Хелло, Ванкувер! Хелло, Ванкувер!

Говорит рейс 714. Вы меня слышите?

Молчание.

– Хелло, Ванкувер! Говорит 714. Пожалуйста, ответьте!

Опять молчание.

– Дай я попробую, – сказал Спенсер. Он снял правую руку со штурвала и нажал кнопку на своем микрофоне.

– Хелло, Ванкувер! Хелло, Ванкувер! Говорит Спенсер, рейс 714. У нас ЧП. Ответьте, пожалуйста.

Ответом ему было гробовое молчание, плотное и осязаемое, как стена. Казалось, они были одни в целом свете.

– Посмотри на шкалу настройки, – бросил он, – я уверен, что у нас все в порядке.

Они пробовали еще и еще, но все безуспешно.

– Вызываю всех, кто меня слышит. Мэйдэй! Мэйдэй! Мэйдэй! Говорит рейс 714, мы нуждаемся в помощи. Ответьте кто-нибудь!

Лишь молчание было ответом.

– Бесполезно! Мы, наверное, потеряли частоту.

– Как это могло случиться?

– Не знаю, не спрашивай. Все может случиться в нашем положении. Джанет, тебе придется поискать их на всем диапазоне.

– А это не очень рискованно – менять частоту?

– Если я не ошибаюсь, то она уже поменялась. Все, что я знаю, это то, что без радио я могу бросить управление и сложить руки. Я не знаю, где мы находимся, но даже если бы я знал это, я не смогу посадить самолет с первого захода.

Джанет выскользнула из кресла и дотянулась до радиопанели. Медленно вращая ручку настройки, она чутко вслушивалась в шипение и треск, доносившиеся из наушников.

– Я все прокрутила, – сказала она.

– Давай еще раз, – бросил Спенсер. – Делай что-нибудь! Если надо, мы будем вызывать на каждой частоте.

Внезапно донесся далекий голос.

– Подождите, вот они! – Джанет щелкнула ручку настройки обратно. – Добавьте громкость!

– ...128, 3, – сказал голос в наушниках. – Ванкувер – рейсу 714. Измените частоту на 128, 3. Повторите.

– Держи их, – бросил Спенсер девушке. – Мы родились под счастливой звездой. Это та частота? Ответь им быстрее!

Джанет устроилась поудобнее в своем кресле и быстро стала вызывать.

– Хелло, Ванкувер! Отвечает 714. Слышим вас хорошо.

Ванкувер ответил практически сразу, в голосе диспетчера слышалось облегчение.

– 714, говорит Ванкувер. Мы потеряли вас. Что случилось?

– Ванкувер, мы так рады вас слышать! – Джанет от радости схватила за голову. – У нас проблемы. Самолет падал, и радио отключилось. Но сейчас уже все в порядке – все, кроме пассажиров, они не очень хорошо переносят все это. Мы снова набираем высоту.

И тут опять заговорил Трэливен, так же четко и ясно, как и раньше, но в голосе его тоже чувствовалось заметное облегчение.

– Хелло, Джанет! Я рад, что вы поняли, что потеряли частоту. Джордж, я предупреждал тебя об этой опасности. Ты должен постоянно следить за скоростью. И еще одно: если ты падал и выкрутился из этого положения, это значит, что ты не утратил своих навыков, как пилот.

– Ты слышишь? – спросил Спенсер у Джанет, все еще не веря. Они обменялись натянутыми улыбками.

Трэливен продолжал.

– У тебя был неприятный момент, поэтому через минуту-две попробуем еще раз, аккуратнее. Пока ты набираешь высоту, я хочу услышать от тебя показания некоторых приборов. Начнем с наличия топлива...

Пока капитан перечислял, что его интересует, дверь в кабину открылась и опять заглянул Бэйрд, собираясь их о чем-то спросить, но увидев их сосредоточенность, промолчал. Он зашел, закрыл за собой дверь, опустился на колени около неподвижных тел пилотов, рассматривая их лица. Дан наполовину выкатился из-под одеяла и лежал, поджав колени, тихо постанывая. Доктор поправил одеяла, подоткнув их со всех сторон, протер им лица влажной салфеткой и на несколько секунд задумался. Затем он поднялся, опираясь о пол руками. Джанет диктовала в микрофон показания приборов. Не говоря ни слова, доктор вышел, тщательно прикрыв за собой дверь.

Снаружи все напоминало скорее приемный покой больницы скорой помощи, нежели пассажирский салон авиалайнера. Тут и там в битком

набитом салоне в откинутых креслах лежали больные пассажиры, укутанные одеялами. Один-два из них были совсем неподвижны и едва дышали. Другие корчились от боли, а их друзья и близкие со страхом смотрели на них, время от времени вытирая им лица влажными салфетками.

Нагнувшись, чтобы доходчивее объяснить и не беспокоить окружающих, «Тушенка» говорил пассажиру, которого он недавно, буквально, заткнул в кресло:

– Послушайте, я же не обвиняю вас! Случается, что иногда необходимо выпустить пар. Но ведь нельзя же кричать, когда вокруг полно пассажиров, которым очень плохо, особенно женщинам. Старина Док у нас настоящий герой, а также те двое, что управляют самолетом. В любом случае, мы должны им доверять, если хотим приземлиться в целости и сохранности.

На время подчинившись, пассажир, который был вдвое крупнее «Тушенки», с каменным лицом уставился на свое отражение в иллюминаторе. Маленький англичанин подошел к доктору, который с благодарностью пожал ему руку.

– Вы просто чародей, – сказал он.

– Я сам испугался больше него, – горячо убеждал его «Тушенка», – да, в самом деле! Черт, если бы вас с нами не было... – Он выразительно пожал плечами. – Что вы думаете обо всем этом?

– Я не знаю, – ответил Бэйрд. Лицо его осунулось. – У них там, в кабине, неприятности. И это неудивительно. Я думаю, Спенсер сейчас в ужасном напряжении. На них сейчас больше ответственности, чем на всех нас.

– Сколько нам еще лететь?

– Понятия не имею. Я совсем потерял чувство времени. Но если мы не сбились с курса, то уже не очень долго. Кажется, что прошли дни.

«Тушенка», как можно спокойнее, спросил его:

– Как вы думаете, док, у нас есть шанс?

Доктор, в крайнем раздражении, потряс головой.

– Что меня спрашивать? Я полагаю, шанс есть всегда. Но управлять самолетом в воздухе и посадить его, не разбив на мелкие кусочки, совершенно разные вещи. Это понятно даже мне. В любом случае, это не добавляет шансов большинству из них.

Он присел, чтобы взглянуть на миссис Чилдер, нащупал ее запястье, отметил ее сморщенное, неподвижное лицо, сухость кожи и частое, поверхностное дыхание. Ее муж хриплым голосом пытал его:

– Доктор, неужели это все, что мы можем для нее сделать?

Бэйрд взглянул в закрытые, запавшие глаза женщины и медленно произнес:

– Мистер Чилдер, вы имеете право знать правду. Вы человек здравомыслящий – и я скажу вам напрямик. Мы выжимаем все, что можем, но для вашей жены это, в лучшем случае, шанс.

Чилдер открыл было рот, но промолчал.

– Для вас будет лучше, если вы это осознаете, – Бэйрд медленно подбирал слова. – Я сделал для нее все, что в моих силах, и буду продолжать делать и дальше, но этого крайне мало. Пораньше, имея морфий, я мог бы облегчить ее страдания, но сейчас природа сама позаботилась об этом и отключила ее сознание. Если вам от этого будет легче, то...

К Чилдеру, наконец, вернулся голос:

– Я совсем не хотел, чтобы все это говорили, – запротестовал он, – но, чтобы ни случилось, я благодарен вам, доктор!

– Конечно, – с теплотой в голосе перебил его «Тушенка». – И мы все – тоже. Никто бы не смог сделать больше, чем вы, док! Это просто чудо, вот это что!

Держа руку на лбу женщины, Бэйрд слабо улыбнулся.

– Добрые слова не должны подменять добрые дела, – сказал он сурово. – Вы – человек мужественный, мистер Чилдер, и я вас уважаю за это. Но не надо себя обманывать.

«Момент истины, – подумал он с горечью, – так и есть. Я знал, что он наступит сегодня ночью, а также знал, какой будет ответ. Вот какой привкус у настоящей правды: соленый. Никакой романтической героики. Никакого приукрашенного изображения того, что ты думаешь о себе, или того, что бы тебе хотелось, что о тебе думали окружающие. Это – правда. В течение следующего часа мы все, вполне вероятно, погибнем. В крайнем случае, я покажусь таким, какой я есть. Негодный, отвратительный неудачник. Когда подошло время, я стал неадекватен. Законченный некролог!».

– Я вам говорю, – с жаром говорил Чилдер. – Если мы выберемся из этой передраги, я всем расскажу, чем мы вам обязаны.

Бэйрд сосредоточился.

– Да ладно, это все пустяки, – проворчал он. – Лучше бы иметь на борту две-три капельницы с физраствором. – Он поднялся. – Продолжайте все, как и раньше, мистер Чилдер. Не давайте ей мерзнуть, ей всегда должно быть тепло. Смачивайте ей губы водой. Будет лучше, если изредка вы сможете заставить ее выпить немного воды. Помните, она потеряла

много жидкости, это очень опасно.

А в это время в комнате руководителя полетов аэропорта Ванкувер Гарри Бардик восстанавливал свои силы еще одним стаканчиком кофе. Кроме микрофона, который он держал в руках, Трэливен надел еще наушники с микрофоном и периодически спрашивал:

– Радар, вы их видите?

Из другого конца здания старший оператор, сидевший рядом с помощником перед экраном, спокойно отвечал:

– Нет, еще нет.

– Не понимаю, – Трэливен повернулся к руководителю полетов, – они должны уже были давно появиться.

– Не забывайте, – вставил Бардик, – что они потеряли скорость при последних тренировках.

– Да, пожалуй, – согласился Трэливен и опять спросил: – Радар! Сразу же сообщите, как только увидите их. – И, адресуя руководителю полетов: – Я вряд ли смогу провести их сквозь облачность, не зная, где они. Может, запросим ВВС о помощи, мистер Гримселл? – Он кивнул радиооператору. – Включи меня. Хелло, 714! Сейчас слушайте меня внимательно, Джордж. Начинаем опять тренироваться, но перед этим я хочу объяснить некоторые вещи, которые вы могли забыть или которые присущи только большим самолетам. Вы меня слушаете?

Джанет ответила:

– Да, Ванкувер, мы вас слушаем очень внимательно, продолжайте.

– Хорошо, 714. Сейчас, перед посадкой, необходимо кое-что проверить и подправить. Это – в дополнение к тому, что вы уже умеете. Позже я вам скажу, что и когда делать. Сейчас я хочу, чтобы вы были к этому готовы. Во-первых, насос-гидроусилитель должен быть включен. При этом давление в тормозной системе должно быть 900—1000 фунтов на квадратный дюйм. Вы, может быть, что-то помните из своей боевой практики, но напомнить не помешает. Следующее. Когда выпустите шасси, вы должны включить бустер топливной системы и удостовериться, что подача топлива в норме. И последнее. Смесеобразование должно быть хорошим, смесь должна быть обогащенной для хорошей работы двигателей. Нашли все? Мы пройдем все это шаг за шагом так, чтобы Джанет могла бы включать все тумблеры. А сейчас я расскажу вам, где находится каждый из них. Поехали...

Джанет и Спенсер нашли каждый тумблер, как им указывал Трэливен.

- Скажи им, что мы все нашли, Джан.
- Хелло, Ванкувер! У нас все в порядке.
- Хорошо, 714. У вас нет сомнений в расположении каждого из них?

Вы абсолютно уверены?

- Да, Ванкувер. Я нашла их все.
- 714, проверьте еще раз уровень горизонта.
- Хелло, Ванкувер, полет горизонтальный, выше облаков.
- Хорошо, 714. Итак, Джордж. Давайте снова выдвинем закрылки на 15 градусов, скорость 140 и опять начнем выпуск шасси. Внимательно следите за скоростью. Постоянно. Если вы готовы – начнем.

Спенсер угрюмо начал работать, следуя инструкциям, полностью сосредоточившись, а Джанет диктовала показания скорости и оперировала закрылками и шасси. Еще раз они ощутили резкий толчок от падения скорости при выпуске шасси. На востоке блеснули первые робкие лучики рассвета.

На земле Трэливен, воспользовавшись возможностью, глотнул остывшего кофе. Он «стрельнул» у Бардика сигарету, глубоко затянулся и с шумом выпустил струюку дыма. Выглядел он усталым, осунулся, на подбородке пробивалась синеватая щетина.

- Как вы оцениваете ситуацию? – поинтересовался у него Бардик.

– Пока все идет, как мы и ожидали, – ответил капитан, – но время летит катастрофически быстро. Ему бы надо было сделать дюжину пробных выпусков закрылков и шасси. В лучшем случае, мы сделаем три – да и то, если он на правильном курсе.

– Ты хочешь дать ему потренироваться? – вступил в разговор руководитель полетов.

– Я должен. Без, по крайней мере, двух-трех пробных заходов, у него нет шансов и на медный грош, хотя кое-какую практику он уже приобрел. Я посмотрю, как он будет выглядеть. В противном случае... – Трэливен колебался.

Бардик бросил окурок на пол и раздавил его каблуком.

- В противном случае – что? – спросил он.

Трэливен повернулся к нему.

– Давайте лучше подождем, – сказал он. – Этот парень, там наверху, напуган до смерти, и если у него не выдержат нервы, то придется сажать их на воду.

– Но – удар! – воскликнул Бардик. – Пострадавшие пассажиры – и самолет! Тогда мы его потеряем!

- Это был бы рассчитанный риск, – холодно сказал Трэливен, глядя

пухлому управляющему перевозками прямо в глаза. – Если наш друг будет выглядеть неважно при посадке на полосу, ваш самолет все равно можно будет списать.

– Гарри не это имел в виду, – торопливо вставил руководитель полетов.

– Черт, конечно нет!

– И еще, – продолжал Трэливен, – в случае, если он упадет здесь, почти наверняка возникнет пожар и мы, точно, не спасем никого. При этом могут пострадать еще и наземные постройки. В то же время, если он приземлится на воду самолет, конечно, разобьется, но у нас появится шанс спасти пассажиров, хотя, конечно, не всех. При этой дымке и безветрии вода будет спокойной, что уменьшит силу удара. Мы могли бы сажать его радаром без выпуска шасси и постараться спасти самолет.

– Вызови моряков, – приказал помощнику руководитель полетов. – И ВВС – тоже! Военно-морские спасатели уже предупреждены. Пусть встанут неподалеку от берега и ждут указаний.

– Я не хочу этого делать, – сказал Трэливен, опять повернувшись к карте на стене. – Это значит, скорее всего, гибель для пострадавших пассажиров. Мы, почти наверняка, не успеем их спасти до того, как утонет самолет. Но это может быть вынужденной мерой. – Он произнес в висевший перед ним микрофон:

– Радар, вы что-нибудь видите?

– Пока ничего, – последовал, как всегда, безразличный ответ. – Хотя, подождите минуту! Это может быть кто-другой... Да, капитан! Я вижу его. Он уклонился на десять миль к югу от трассы. Пусть повернет вправо на курс 265.

– Хорошенькая работенка, – хмыкнул Трэливен. Он кивнул оператору, чтобы тот включил передачу, но он перебил Поля:

– ВВС сообщают, что видят его. Прибытие через тридцать восемь минут.

– Хорошо. – Трэливен поднял микрофон. – Хелло, 714! Вы убрали закрылки и шасси?

– Да, Ванкувер, – последовал ответ.

– Какие есть проблемы? Как высота и скорость?

– Пилот говорит – так себе, – они услышали нервный смешок Джанет.

– Прекрасно, 714. Мы видим вас на радаре. Вы уклонились от курса на десять миль к югу. Вам нужно осторожно повернуть вправо, не снижая скорость, и вывести машину на курс 265. Я повторяю, курс 265. Вам все ясно?

– Мы поняли, Ванкувер.

Трэливен глянул в окно. Там было совсем темно.

– В крайнем случае, кое-что они смогут увидеть, – сказал он руководителю полетов, – но только в самые последние минуты.

– Мы все приведем в полную готовность, – ответил тот и подозвал помощника. – Предупреди башню, Стэн. Пусть они подготовят пожарных. – Потом кивнул радиооператору: – Соедини-ка меня с городской полицией!

– А потом меня с – Говардом в пресс-комнате, – добавил Бардик и повернулся к Трэливену.

– Лучше мы сами скажем этим парням о возможной посадке на воду, пока они не напридумывали лишнего. Нет, подождите! – он внезапно осекся и уставился на капитана. – Ведь мы не можем этого сделать – нам придется сказать, что пораженных пассажиров нам спасти не удастся. Я лучше перережу себе глотку!

Но Трэливен не слушал. Он тяжело опустился в кресло, прикрыл глаза рукой, не слыша ничего вокруг себя. Но как только динамик ожил, издав первое шипение, он вскочил и схватил микрофон.

– Хелло, Ванкувер, – донесся голос Джанет, – мы на курсе 265.

– 714, прекрасно! – отозвался Трэливен с поразившей всех бодростью. – Все идет великолепно. Давайте все еще раз, идет? Это будет последней репетицией перед посадкой, Джордж, поэтому постарайся.

Руководитель полетов тихо отдавал команды в телефон:

– Да, они будут здесь примерно через полчаса. Давайте начинать!

10. 05.05 – 05.25

Спенсер попытался расслабить затекшие ноги. У него было ощущение, что все тело у него избито, и в синяках. Напряжение и сосредоточенность отняли у него слишком много сил, и, когда он расслабился, то они совсем его покинули. Он сознавал, что у него трясутся руки, но не делал никаких попыток воспрепятствовать этому. От непрерывного всматривания в циферблаты и шкалы в глазах у него мелькали светлые пятна, похожие на хлопковые коробочки. Внутренний голос, настолько реальный и независимый от него, как один из его наушников, постоянно говорил ему:

«Все, что ты делаешь, не должно делаться. Если ты расслабишься, то ты погиб. Запомни, так уже было много раз, во время войны. Ты думал, что уже конец – полное опустошение, и ни капли сил в тебе не осталось. Но всегда что-то остается в запасе – последний резерв, о котором ты даже не догадываешься».

Он взглянул на Джанет, и ему захотелось сказать ей что-нибудь.

– Ну, как мы провели время? – спросил он.

Она, казалось, поняла причину его вопроса.

– Мы все делали очень хорошо, – сказала она живо. – Во всяком случае, я думаю, капитан Трэливен был нами доволен. Как вам показалось?

– А я его едва слышал, – ответил Спенсер, вращая головой из стороны в сторону и разминая мышцы шеи. – Я очень надеюсь, что уже все. Сколько раз мы выпускали шасси и закрылки – три? Если он попросит повторить это еще раз, то я...

«СОБЕРИСЬ, – подумал он про себя. – НЕ НАДО ПОКАЗЫВАТЬ ЕЙ, В КАКОМ ТЫ СОСТОЯНИИ».

Она дотянулась до него и вытерла платком лицо и лоб.

«А СЕЙЧАС ДАВАЙ, СОБЕРИСЬ! ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ НЕРВНАЯ РЕАКЦИЯ, ЕСЛИ ХОЧЕШЬ, ДЕПРЕССИЯ. ПОДУМАЙ ЛУЧШЕ О ТРЭЛИВЕНЕ – В КАКОМ ОН ПОЛОЖЕНИИ. ОН НА ЗЕМЛЕ, В БЕЗОПАСНОСТИ, ДОСТАТОЧНО УВЕРЕН В СЕБЕ, НО, ПРЕДПОЛОЖИМ, ОН ЧТО-НИБУДЬ ЗАБЫЛ...».

– Вы заметили, солнце встает, – сказала ему Джанет.

– Ну конечно, – соврал он, поднимая глаза. Впереди, на западе, шапки облаков слегка окрасились в розовые и золотистые тона, небосвод засветился. На юге, по левому борту, он разглядел две макушки гор, стоящих отдельно, как острова, в слегка волнующемся хлопковом океане.

– Нам осталось не так уж много. – Он помолчал. – Джанет...

– Да?

– Пока мы не начали снижаться, посмотри в последний раз – я имею ввиду, еще раз – пилотов. Вероятно, мы немного стукнемся – ты знаешь – и мне бы не хотелось бросать их в таком состоянии.

Джанет бросила на него взгляд, полный благодарности.

– Вы справитесь сами?

– Не беспокойся, я тебя позову, если будет нужно.

Она сняла наушники и встала с кресла. В это время открылась дверь и в кабину заглянул доктор Бэйрд.

– О, вы бросили радио!

– Я только хотела посмотреть пилотов и убедиться, что они в безопасности.

– Не стоит беспокоиться, – сказал он. – Я смотрел их несколько минут назад, вы были заняты.

– Доктор, – позвал его Спенсер, – как там у вас дела, в салоне?

– Я поэтому и пришел к вам, – ответил тот. – Мы опаздываем?

– Может быть, запросить какую-нибудь помощь?

– Я бы не прочь получить некоторые диагностические консультации, но, полагаю, что сейчас важнее вести самолет. Сколько нам еще осталось?

– Я бы сказал, не более получаса. Как вам это?

– Я не знаю, – с сомнением ответил Бэйрд. Он облокотился на спинку кресла, поза его выдавала крайнюю усталость. Он был в одной рубашке, без галстука. – Двоим совсем плохо, – продолжал он. – И я не могу сказать, сколько они еще продержатся без помощи. Но не очень долго, это точно. И еще несколькими вскоре станет хуже, если я не ошибаюсь.

Спенсер поморщился.

– Вам кто-нибудь помогает?

– Конечно, иначе бы я не справился. Особенно один парень – этот англичанин – он действительно оказался...

В это время в наушниках раздался голос:

– Хелло, 714! Говорит Ванкувер.

Спенсер позвал Джанет, и она торопливо заняла свое место.

– Ну ладно, я ухожу, – сказал Бэйрд. – В любом случае, счастливо вам!

– Минуту, доктор, – остановил его Спенсер и кивнул девушке.

– Говорит 714, – ответила она в микрофон, – мы будем готовы через минуту.

– Доктор, – торопливо начал Спенсер. – Я не хочу вас обманывать. У нас могут быть удары, нас может трясти, всякое может случиться. – Доктор

молча слушал. – Вы знаете, что я имею ввиду. Пассажиры могут нервничать, волноваться. Следите, что бы никто не покидал своего кресла, хорошо?

Доктор, казалось, пропустил его слова мимо ушей. Потом грубовато ответил:

– Делайте как следует все, что можете, и предоставьте мне позаботиться обо всем остальном. – Он похлопал Спенсера по плечу и вышел.

– О'кэй, – бросил Спенсер девушке.

– Мы готовы, Ванкувер, – передала она в микрофон.

– Хелло, 714, – послышался четкий, уверенный голос Трэливена. – А сейчас, после некоторой передышки, перед последним броском, Джордж, давайте быстренько все еще раз. Вы должны меня хорошо слышать.

– Скажи ему, что я должен несколько минут отдохнуть, – бросил Спенсер, – и скажи ему, что бы говорил потише.

«ПОТИШЕ, – подумал он про себя, – ТЫ ЕГО ЭТИМ ОСАДИЛ».

– ...короткую передышку, – говорила Джанет, – и говорите, пожалуйста, потише.

– Что делать, Джордж! Наши тренировки вам уже поднадоели, но это пойдет вам на пользу при посадке. Вы сейчас подготовились, и можете начинать снижаться. Но сначала я бы хотел поговорить с Джанет. Вы меня слышите?

– Да, Ванкувер, я вас слушаю.

– Джанет, перед посадкой мы хотим, чтобы вы проделали все, что положено в случае аварийной посадки для обеспечения безопасности пассажиров. Вы все поняли?

– Да, капитан, я все поняла.

– И еще, Джанет. Перед самым касанием полосы мы попросим пилота включить аварийный сигнал. Джордж, тумблер находится прямо над креслом второго пилота, красного цвета.

– Ты видишь? – спросил Спенсер.

– Да, вот он.

– Отлично, запомни!

– Джанет, – продолжал Трэливен, – ты должна будешь позаботиться обо всех предосторожностях, и мы хотим, чтобы ты была в это время в салоне вместе с пассажирами.

– Нет, – отрезал Спенсер. – Ты нужна мне здесь.

– Хелло, Ванкувер! Я вас поняла, но пилот говорит, что он один здесь не справится.

Последовало долгое молчание. Потом Трэливен ответил:

– Хорошо. Я его понимаю. Но это твои обязанности, Джанет, проследить, чтобы были приняты все меры предосторожности. Там есть кто-нибудь, кого ты можешь проинструктировать и послать вместо себя в салон?

– Может быть, доктора? – предложил Спенсер.

Джанет отрицательно покачала головой.

– Ему и так достается достаточно.

– Значит, достанется немножко больше, – огрызнулся Спенсер. – Ты должна быть здесь, рядом со мной, если мы хотим иметь хоть какой-то шанс сесть целыми.

Джанет поколебалась, затем переключилась на передачу.

– Хелло, Ванкувер! Доктор Бэйрд все равно наблюдает за больными пассажирами и, я думаю, он и проследит за всеми мерами предосторожности. Ему помогает еще один пассажир.

– Хелло, 714. Очень хорошо. А сейчас тщательно все объясни и покажи доктору. Здесь не должно быть даже возможности ошибки. Когда закончишь, дай мне знать. Теперь вы, Джордж. Смотрите, чтобы не уклониться от курса. В случае необходимости я проведу корректировку. При подлете к аэропорту я дам вам описание всех необходимых вам приборов и расскажу, где они находятся в кабине. Я хочу, чтобы вы познакомились с ними. Некоторые из них вам уже знакомы по вашей военной практике. Убедитесь, что вы запомнили их расположение, не стесняйтесь переспрашивать. Мы сделаем столько попыток, сколько вам будет нужно. Мы начнем с приборов, как только Джанет вернется в кабину.

В комнате руководителя полетов аэропорта Ванкувер Трэливен взглянул на часы, выплюнул погасшую сигарету и взглянул на руководителя полетов.

– Сколько у них горючего?

Гримселл поднял со стола один из листков.

– Еще, примерно, на девяносто минут.

– Как ситуация, капитан? – поинтересовался Бардик. – Вы полагаете, хватит времени на пробные заходы на посадку?

– Должно хватить, – ответил Трэливен. – Это у меня первый подобный опыт. Но мы строго все контролируем, так ведь, мистер Гримселл? Мы не должны также исключать и посадку на воду, если я решу, что это необходимо.

– Мистер Бардик, – окликнул его радиооператор, – у телефона ваш президент.

Бардик выругался:

– Нашел время! Скажи ему, что я сейчас не могу с ним говорить. Переключи его на контору «Мэйпл Лиф». Минуту! Сначала я с ними поговорю.

Он поднял трубку, нетерпеливо барабанил по ней пальцами.

– Это ты, Дэйв? Да, Гарри. Я тебя сейчас удивлю – на проводе Старик. Поговори с ним, только поаккуратнее. Скажи ему, что 714 вышел на финишную прямую, и что ему надо молиться вместе с нами, чтобы все обошлось. Я позвоню ему, как только у меня будет что сказать. После этого, я полагаю, он примчится сюда. Давай, малыш!

Помощник руководителя полетов, прикрыв трубку рукой, позвал Гримселла.

– Это Клифф. Он говорит, что пресса...

– Я поговорю с ним, – схватил трубку. – Слушай, Клифф! Мы не можем больше отвлекаться на посторонние звонки. Ситуация предельно критическая... Да, знаю. У них есть глаза, пусть смотрят сами. – И швырнул трубку.

– Я должен сказать, что этот парень отлично справляется с ними, – хмыкнул Бардик.

– Это точно, – согласился Гримселл. – Только репортеры поднимут шум. Но мы не можем больше отвлекаться.

Трэливен стоял перед радиопанелью и, не отрываясь, смотрел на часы, барабанил пальцами по столу. Снаружи, у начала взлетно-посадочной полосы, аварийные службы были в полной готовности. В больнице дежурная медсестра повесила трубку и позвала доктора, работавшего за соседним столом. Подал ему пальто, она оделась сама и оба заторопились к выходу. Через несколько секунд хлопнула входная дверь, выпустив их наружу.

В городской пожарной части один из резервных экипажей, побросав свои карты, устремился к выходу по тревожному сигналу, одеваясь на ходу. Последний метнулся обратно к столу и посмотрел карты партнера. От удивления брови его поползли вверх, и он устремился за своими товарищами.

Из небольшой группки домов около Си-Айленд Бридж, стоявших по направлению к полю аэропорта, полиция выводила жителей и рассаживала в два автобуса; у многих верхняя одежда была накинута прямо поверх ночной. Маленькая девочка, засмотревшись на небо, упала, запутавшись в своей пижамке. Полицейский бережно поднял ее и отнес в автобус, дав знак водителю отъезжать.

– Хелло, Ванкувер! – запыхавшись, передала Джанет. – Я закончила инструктаж.

– Отлично, девочка, – с облегчением ответил Трэливен. – Итак, Джордж, время работает против нас. Во-первых, установите альтиметр на отметку 30, 1. Затем медленно убирайте газ, но держите постоянную скорость; пока вы снижаетесь со скоростью 500 футов в минуту. Внимательно следите за приборами. Вы долго будете находиться в облаках.

Спенсер нащупал пальцами сектор газа и медленно двинул его назад. Указатель вертикальной скорости медленно начал падать, потом скакнул на 600, но тут же перескочил на 500 и остановился.

– Входим в облака, – сказал он, увидев проблески дневного света сквозь них. – Спроси их, какова нижняя граница облачности.

Джанет повторила его вопрос в микрофон.

– Потолок – около 2000 футов, – ответил Трэливен, – и вы должны выйти из облаков, примерно, в пятнадцати милях от аэропорта.

– Скажи им, что мы снижаемся со скоростью 500 футов в минуту.

Джанет передала.

– Хорошо, 714. А сейчас, Джордж, еще пару трюков, и не расслабляться. Постоянно следи за скоростью снижения. Но, в то же время, если ты можешь, я бы хотел, чтобы ты определился с приборами, необходимыми при посадке. Тебе это под силу?

Спенсер молча кивнул, не отрывая глаз от приборной панели.

– Да, Ванкувер, – передала Джанет, – мы постараемся.

– Тогда все о'кэй! Если что-нибудь будет не так, немедленно сообщайте мне. – Трэливен помахал рукой, как бы предупреждая всех не перебивать его, и уставился на светлое пятно на стене, мысленно представляя себе кабину самолета.

– Итак, Джордж, что вы должны делать. Во-первых, включить насос гидроусилителя. Сейчас только запоминайте, отмечайте себе расположение тумблеров, но ничего не делайте. Тумблер слева на панели, ниже и левее гирокомпаса. Нашли?

– Да, Ванкувер, пилот это знает и тумблер нашел.

– Хорошо. Удивляешься, как это все вспоминается, не так ли, Джордж? – Трэливен достал платок и вытер затылок и шею. – Потом ты должен выключить антиобледенитель. Он должен быть включен и находится прямо перед Джанет, на панели справа. Вы следите за скоростью снижения? Дальше, давление в тормозной системе. Там две шкалы, они

находятся правее гидроусилителя, а его вы только что нашли.

После паузы Джанет подтвердила:

– Да, нашли. Они показывают 950 и 1010 фунтов – это что, на квадратный дюйм? – соответственно.

– Сейчас они в норме, но перед посадкой надо будет проверить еще раз. Теперь жалюзи воздухозаборника. Они должны быть закрыты на одну треть. Ручка находится правее левого колена Джанет и маркирована в третях. Вы меня слышите?

– Да, я вижу ее.

– Это можешь сделать ты, Джанет. Далее, в той же группе тумблеров находятся выключатели кондиционеров правого и левого бортов. Они должны быть полностью открыты. Запомнили, Джанет? Полностью открыты. Следующая и наиболее важная вещь – это посадка. Вы тренировались, но делать все нужно тщательно, начиная с закрылков и заканчивая выпуском шасси, проследите, чтобы они встали на замок. Полностью закрылки выпускайте перед самым касанием, но это я вам подскажу. Это должно быть ясно вам обоим.

– Скажи им – да, спасибо, – ответил Спенсер, не отрываясь от приборной панели. У него нестерпимо зачесалось плечо, но он заставил себя не отвлекаться.

– О'кэй, 714. Когда выпустите шасси, вы должны будете включить насос бензоподдачи, в противном случае, у вас в самый критический момент могут быть перебои в подаче топлива. Его тумблер находится на «пять часов» от тумблера автопилота, сразу за индикатором смесеобразования.

Джанет скользила взглядом по панели, не находя его.

– Где? – почти шепотом спросила она Спенсера. Он оглядел панель и ткнул пальцем в маленький тумблер. – Вот!

– Все в порядке, Ванкувер, – тихо передала Джанет.

– Сейчас смесеобразование нужно перевести в режим автообогащения. Я помню, Джордж, ты интересовался этим, поэтому я ничего не буду говорить – ты все сделаешь сам. Потом надо изменить режим работы пропеллеров так, чтобы под тумблерами загорелись зеленые лампочки. Они находятся прямо у вашего колена, Джордж. Нашли?

– Пилот говорит – да.

– И последнее, это нагнетатели. После того, как выпустите шасси, они должны быть переведены во взлетное положение – это, на вашем самолете, верхнее положение. Они находятся слева от ручки жалюзей воздухозаборника, четвертые от него. Ну вот и все. Какие есть вопросы?

Спенсер бросил на Джанет отчаянный взгляд.

– Все это – один большой вопрос, – сказал он. – Мы никогда этого не запомним!

– Хелло, Ванкувер, – передала Джанет, – нам кажется, что мы не в состоянии этого запомнить.

– А вы и не должны этого помнить, я помню все за вас. Есть еще несколько моментов, которых мы коснемся, когда придет время. Я хочу пройти с вами, Джордж, все это еще раз, чтобы, когда я дам команду, вы бы действовали сами. Повторяю, это только демонстрация, ничего включать или выключать не надо. Ты продолжаешь управлять самолетом.

– Спроси его о времени, – подсказал Спенсер, – сколько еще у нас в запасе?

– Джанет передала на землю его вопрос.

– Как я уже говорил, у тебя столько времени в запасе, сколько тебе понадобится – но мы не должны его терять зря. Вы будете над аэропортом примерно через двенадцать минут. Но пусть это тебя не тревожит. Сколько надо будет тебе, столько и будем тренироваться. – Пауза. – С радара докладывают, что тебе нужно изменить курс. Доверни пять градусов, курс 260.

Трэливен отключил свой микрофон и повернулся к руководителю полетов.

– Они выходят на глиссаду, – сказал он. – Как только мы их увидим, я выведу его в горизонтальный полет, и он будет описывать круги над аэропортом и тренироваться. А мы посмотрим, как это будет выглядеть.

– Да, все решается сейчас здесь, – ответил тот и повернулся к помощнику. – Приведи всех на поле в полную готовность.

– Хелло, Ванкувер! – донесся из динамиков голос Джанет. – Мы на курсе 260.

– О'кэй, 714, – ответил Трэливен, – сообщите вашу высоту.

– 2500 футов, – ответила Джанет через несколько секунд.

В наушниках Трэливена послышался голос оператора радарной службы: «Удаление – пятнадцать миль».

– Отлично, Джордж, – сказал он. – Сейчас вы должны выйти из облаков. Как только выйдете, ищите опознавательные огни аэропорта.

– Плохие новости, – сказал им подошедший Бардик. – Портится погода, снова начался дождь.

– Ничем не могу помочь, – оборвал его Трэливен и повернулся к руководителю полетов. – Вызови башню. Скажи им, чтобы включили все, какие есть лампы и лампочки. Через минуту мы к ним подойдем. Да, и пусть настроятся на их частоту, у Спенсера нет времени это делать.

– Хорошо, – ответил тот, поднимая трубку телефона.

– Хелло, 714, – начал передавать Трэливен, – вы в пятнадцати милях от аэропорта. Вы все еще в облаках?

Последовала долгая пауза. Неожиданно в динамике послышался треск и они услышали взволнованный голос Джанет, с середины фразы:

– ...снижаемся очень медленно. Мне кажется, я что-то видела. Я не уверена... Да, вот он! Я его вижу! Вы видите, мистер Спенсер?! Он впереди справа! Мы видим сигнальные огни, Ванкувер!

– Они вышли из облаков! – воскликнул Трэливен. – Отлично, Джордж! Спускайтесь на 2000 футов и ждите указаний. Я перехожу в башню, поэтому мы расстаемся на несколько минут. С ВПП мы определимся в последнюю минуту, а пока можешь еще потренироваться.

В ответ они слышали голос Спенсера:

– Я сам, Джанет! – Потом пауза и опять голос Спенсера:

– Исключено, Ванкувер. Ситуация не позволяет нам делать этого. Мы садимся сразу.

– Что?! Нет, нельзя!!! – заорал Бардик.

– Не глупи, Джордж, – волнуясь, произнес Трэливен, – тебе необходимо еще тренироваться.

– Я продолжаю снижаться, – медленно продолжал Спенсер, голос его дрожал. – Тут, у нас, умирают люди. Умирают! Вы можете это понять?! Сразу у меня будет столько же шансов, сколько и на десятом заходе. Я буду садиться сразу.

– Дайте мне поговорить с ним, – попросил руководитель полетов.

– Нет, – отрезал Трэливен, – на споры у нас нет времени. – Лицо его побелело, вена на виске пульсировала. – Мы должны действовать быстро, и у нас нет выбора. В конце концов, сейчас – он командир корабля, и я поддерживаю его решение.

– Вы не должны этого делать, – протестовал Бардик. – Неужели вы не понимаете...

– Хорошо, Джордж, – ответил Трэливен, – если ты так решил, снижайся. Мы сейчас перейдем в башню. Удачи всем нам! До связи.

Он сорвал наушники и бросил остальным: «Побежали!».

Они выскочили из комнаты и помчались по коридору; Бардик замыкал группу. Не обращая внимания на эскалатор, они побежали по лестнице, чуть не сбив с ног служителя, и ворвались в диспетчерскую в башне. Оператор стоял на смотровой площадке и изучал небо в бинокль ночного видения.

– Вот они!

Трэливен схватил бинокль и, взглянув в небо, положил его на место.

– Хорошо, – сказал он, задыхаясь от бега, – Давайте определяться со взлетно-посадочной полосой.

– Только ноль-восемь, – бросил оператор, – она самая длинная, и с ветром получается все о'кэй.

– Радар! – приказал капитан.

– Да, сэр!

Трэливен подошел к соседнему столу, где под стеклом лежал план аэропорта. Специальным карандашом он отметил предполагаемый курс посадки.

– Вот что мы сделаем. Сейчас они вот здесь. Мы развернем их так, чтобы он сделал широкий левый разворот и, в то же время, опустим его до тысячи футов. Я начну предпосадочную проверку вот здесь, потом проведем его над морем, сделаем небольшой доворот и сажаем, точка. С этим ясно.

Руководитель полетов поднял микрофон:

– Башня всем спасательным службам. Аэропортовские пожарные цистерны занимают позиции один и два. Городские пожарные машины – позиция три. Все машины «Скорой помощи» – позиции четыре и пять. Напоминаю, ни одна машина не должна покидать своего места, пока не проследует самолет. Начинаем!

Наклонившись, капитан включил настольный микрофон, рядом с его локтем начали вращаться катушки магнитофона.

– Хелло, Джордж Спенсер, – начал он, стараясь говорить спокойно, – говорит Поль Трэливен, башня аэропорта Ванкувер. Вы меня слышите?

– Да, капитан, – ответила Джанет, – слышим вас хорошо.

По телефону прошел доклад оператора радарной: «Удаление десять миль. Доверните на курс 253».

– Хорошо, Джордж, вы в десяти милях от аэропорта. Ложитесь на курс 253. Уменьшайте газ и начинайте снижаться до тысячи футов. Джанет распорядитесь, чтобы пассажиры приняли меры предосторожности. И никаких ответов по радио, пока у вас не возникнет вопросов.

Сняв поочередно руки со штурвала, Спенсер размял пальцы. Он попытался улыбнуться сидевшей рядом Джанет.

– О'кэй, Джан, делай свое дело!

Она сняла со стены микрофон и щелкнула тумблером.

– Прошу внимания, пожалуйста, прошу внимания! – Голос ее хрипел. Перехватив поудобнее микрофон, она откашлялась и продолжала. – Прошу всех привести спинки кресел в вертикальное положение и пристегнуть

ремни. Мы приземлимся через несколько минут. Благодарю за внимание!

– Отлично сделано! – похвалил ее Спенсер. – Прямо как обычно, да?

Она попыталась улыбнуться, прикусив губу:

– И совсем не как всегда, – ответила она.

– Тебе лучше знать, как это обычно происходит, – бросил он. – Я хочу, чтобы ты знала, что я не смог бы продержаться здесь так долго без... – Он замолчал, мягко двигая руль поворота и элероны, ощущая реакцию машины. – Джанет, у нас не очень много времени. То, что мы ожидали, должно рано или поздно случиться. Но я хочу убедиться, что ты поняла, почему я стараюсь посадить ее – хоть как-нибудь – с первого захода.

– Да, – спокойно ответила девушка, – я понимаю. – Она застегнула свой ремень и сидела, сложив руки на коленях.

– Поэтому я хочу поблагодарить вас, – продолжал он, запнувшись. – Я ничего не обещал с самого начала, не буду делать этого и сейчас. Лучше, чем кто-либо, ты знаешь, как паршиво я выглядел в этом кресле. Но крутить круги над аэропортом... Это мне не поможет. А людям, там, в салоне, становится хуже и хуже с каждой минутой. Для них лучше... получить свой шанс побыстрее.

– Я уже сказала вам, – ответила девушка, – мне не надо ничего объяснять.

Он бросил на нее полный тревоги взгляд и застыл, не в силах отвести глаза. Она следила за скоростью; он не видел ее лица. Он посмотрел назад, на широко раскинувшиеся крылья, и увидел проблески, слабые серо-голубые проблески сигнального фонаря – он мигал под днищем самолета. С другой стороны были видны сияющие огни аэропорта. Они казались маленькими и очень далекими, будто случайно рассыпанные ребенком красные и желтые бусинки.

Джордж чувствовал стук своего сердца; его тело самостоятельно готовилось к тому, что жить ему оставалось минуты, а, может быть, и секунды. Мысленно он взглянул на себя критически со стороны, как на человека, пытающегося сделать движение, выводящее машину в горизонтальный полет.

И тогда он сказал сам себе:

«Ну, приступаем! Вот так, Джанет. Я начинаю снижаться. НАЧИНАЮ».

11. 05.25 – 05.35

Гарри Бардик опустил свой бинокль и протянул его диспетчеру.

Со смотровой площадки, опоясывающей башню, мужчины бросили последний взгляд на поле, на тщательно укрытые бензовозы, хорошо различимые в предрассветной полутьме, на фигурки людей,двигающихся в районе авиастоянок. Неумолкающий рев автомобильных двигателей, доносившийся с дальнего конца поля, казалось, только усиливал гнетущее, почти невыносимое состояние ожидания, пронизывающее весь аэропорт.

Пытаясь отыскать любые возможные недочеты, Бардик анализировал план, составленный Трэливером. Самолет прибывает на высоте около двух тысяч футов и продолжает полет над проливом Джорджия, постепенно снижаясь на этом длинном отрезке пути, пока не будут сделаны все необходимые операции. Потом следует последний широкий разворот перед посадкой, чтобы у пилота было больше времени отрегулировать скорость снижения и безопасно приземлиться.

Хороший план, и учитывает то, что медленно наступающий рассвет поможет пилоту лучше ориентироваться. И он понимал, что это должно значить для пассажиров. Они увидят Си-Айленд и аэропорт, медленно проплывающий под ними, потом раскинувшуюся панораму бухты, потом опять остров, но уже ближе, и все это пока пилот проводит последнюю подготовку. Бардик почувствовал, как если бы он был там, среди них, давящее напряжение от сознания того, что, может быть, все они смотрят в лицо смерти. Внезапно по телу пробежал озноб. В промокшей от пота рубашке, без пиджака, он почувствовал пронизывающий, как стилет, предрассветный холод.

Было такое ощущение, что весь мир затаил дыхание.

– Мы – на курсе 253, – слышали они голос Джанет. – И быстро теряем высоту.

Потемневшими от волнения глазами Бардик многозначительно взглянул на Трэливера. Молча, ни говоря ни слова, они вошли в большую стеклянную комнату, венчающую башню аэропорта Ванкувер. Трэливер и Гримселл припали к столу с микрофоном, их лица освещались индикаторами взлетно-посадочных полос, расположенных на панели перед ними.

– Как ветер? – спросил капитан.

– Слегка вбок, но это – самый лучший вариант, – ответил Гримселл.

Ноль-восемь была самой длинной полосой из трех, имевшихся на поле, это Трэливен и сам знал очень хорошо.

– Радарная, – вызвал Трэливен, – докладывайте мне постоянно их удаление, независимо от того, отвечаю я вам или нет. У меня не будет времени отвечать вам, поэтому вызывайте и докладывайте сами.

Бардик тронул его за плечо.

– Капитан, как насчет еще одной попытки – по крайней мере, пока окончательно не рассветет и он...

– Решение принято, – отрезал Трэливен. – Парень и так изрядно нервничает, и если мы еще начнем с ним спорить, то он окончательно сломается. – Бардик пожал плечами и отошел, а капитан продолжал в более спокойном тоне: – Я понимаю тебя, Гарри. Но и ты пойми его, окруженного сотней штуквин, которых он никогда не видел раньше. Он и так на грани срыва!

– А что, если он поведет себя неважно? – вставил Гримселл. – Что ты тогда будешь делать?

– Ну что сейчас гадать, посмотрим, – угрюмо огрызнулся Трэливен. – Если будет совсем плохо, я постараюсь увести его еще на один круг. Если же станет ясно, что у него нет никаких шансов, я буду настаивать на посадке на воду.

Минуту он внимательно вслушивался в доклад оператора радарной, потом нажал кнопку микрофона.

– Хелло, Джордж! Установи скорость 160 узлов и постоянно держи ее. Динамик вновь ожил, но прошла мучительная пауза прежде чем они услышали мелодичный голос Джанет:

– Мы продолжаем терять высоту.

Как огромная тяжелая птица, «Импресс» медленно миновал западную оконечность Лэндсдаун-Рэйс-Трак, скрываясь в предрассветной мгле, над притоком Фрэйзер-Ривер. Справа был виден мост с материка на Си-Айлэнд.

– Хорошо, – ответил Трэливен. – Установи уровень смесеобразования во взлетное положение – это в верхнее положение.

Он, не отрываясь, смотрел на часы на руке, следя за движением секундной стрелки.

– Не торопись, Джордж. Когда будешь готов, то отключи обогрев карбюратора. Это перед сектором газа.

– Как насчет горючего? – хрипло спросил Бардик.

– Уже проверили, – ответил Гримселл. – Расходует из основных баков.

А в самолете Спенсер со страхом метался взглядом от одного прибора к другому, лицо его застыло и напоминало белую маску. Он слышал голос Трэливена, продолжавшего свой неумолимый монолог.

– Далее, Джордж. Открой воздушный фильтр и уменьши подачу воздуха. Не спеши. – Спенсер с испугом смотрел на приборы. – Тумблер фильтра находится ниже тумблера смесеобразования. Переведи его в верхнее положение.

– Ты видишь его, Джанет? – спросил он.

– Да, да! Вот он! – И тут же добавила: – Смотрите, под нами огни аэропорта! Вот самая длинная полоса!

– Я надеюсь, очень длинная, – ответил Спенсер, скрипнув зубами и не поднимая головы.

– Тумблеры воздухоподачи, – продолжал Трэливен, – справа от указателя смесеобразования, их там четыре. Их тоже нужно переключить в верхнее положение.

– Нашла? – прошептал Спенсер.

– Да.

– Отлично, девочка! – Он ощущал перед собой линию горизонта, но не рискнул оторвать глаза от приборов. Рев моторов стал неустойчивым, с перебоями.

– Сейчас выпусти закрылки на 15 градусов, – приказал капитан. – Это – второе положение ручки. Шкала находится в центре главной панели. После этого медленно уменьшай скорость до 140 узлов и, устранив дифферент, выйди в горизонтальный полет. После этого включи насос гидроусилителя – с левого края, рядом с гироскопом.

В наушниках Трэливен слышал доклад оператора радарной:

– Доверните до 225! Он сильно болтается по высоте – от девяти сот футов до тысячи трех сот.

– Измени курс на 225, – приказал он в микрофон. – И следи за высотой – ты сильно болтаешься. Старайся держать строго тысячу футов.

– Он слишком быстро снижается, – скороговоркой докладывал оператор радарной, – 1000... 1000... 900... 800... 700...

– Теряешь высоту! – настойчиво повторял Трэливен. – Добавь газ! Поднимай нос!

– 650... 600... 550...

– Набери высоту! – рявкнул Трэливен. – Набирай! Поднимай нос! Должно быть не менее тысячи футов!

– 550... 450... – диктовал оператор радара, стараясь не выдавать своего

волнения. – Это очень скверно, капитан. 400... 400... 450... он поднимается... 500...

На мгновение Трэливен дрогнул. Он сорвал наушники и повернулся к Бардику.

– Он не сможет этого сделать! Конечно, не сможет!

– Скажи ему! – выдохнул Бардик, рванувшись к капитану и схватив его за руку. – Ради всего святого, скажи ему, скажи, что нужно сделать!

Трэливен вцепился в микрофон и поднес его ко рту.

– Спенсер, – начал он, стараясь говорить как можно спокойнее. – Ты не сможешь сесть с первого захода! Послушай меня! Ты должен сделать несколько кругов и потренироваться. Горючего у тебя еще на два часа полета. Поднимайся, тебе говорят! Поднимайся!

Они застыли, слушая ответ Спенсера.

– Лучше давайте продолжим. Я буду садиться сразу. Вы слышите меня? Я сажусь. Тут люди, которые умрут меньше, чем через час. О двух часах не может быть и речи. Машина меня немного слушается – и этот шанс мы должны использовать. Давайте продолжим. Я выпускаю шасси.

И они услышали его команду: «Джанет, выпускай шасси!».

– Хорошо, хорошо, Джордж, – спокойнее произнес Трэливен и надел наушники. Он старался успокоиться, но мышцы свело, и он еле говорил. Он закрыл глаза на секунду, опять открыл и заговорил с прежней четкостью:

– Если шасси вышли, проверьте три зеленые лампочки, помните? Держите курс 225. Добавьте немного газ, чтобы не потерять скорость. Устраните дифферент и держите набранную высоту. Так. Проверьте давление в тормозной системе – должно быть около 1000 фунтов – манометр находится на панели, справа от гидроусилителя. Если давление в норме, то не отвечайте. Вы меня слышите? Теперь откройте жалюзи воздухозаборника на одну треть. Ты помнишь, Джанет? Движок у твоего левого колена и разметка в третях. Отвечайте только в том случае, если что-то непонятно. Теперь охлаждение...

Пока Трэливен говорил и голос его заполнил притихшую комнату на башне, Бардик подошел к стеклянной стене и пристально всматривался в небо. За стеклом было пасмурно, плотная шапка облаков, казалось, придавливала к земле. Он слышал, как Трэливен приказал сделать аккуратный разворот на 180 градусов влево, чтобы вывести машину на финишную прямую, внушая Спенсеру, что делать это надо медленно и четко, не забывая про приборы. Педантичный, монотонный голос капитана навевал на сильно перенервничавшего управляющего перевозками мрачные мысли.

– Это, – обратился он к сидевшему рядом оператору, – по-настоящему катастрофическая ситуация. – Оператор слегка усмехнулся в ответ. – Одно ясно, – продолжил Бардик, – чтобы ни случилось, через две-три минуты здесь будет твориться черт знает что!

Он полез в карман за сигаретами, но передумал и вытер губы ладонью.

– Сейчас займись двигателями, – диктовал Трэливен. – Тахометры должны показывать две тысячи двести пятьдесят оборотов в минуту каждый. Отвечать не надо.

– Две тысячи двести пятьдесят, – повторил Спенсер, внимательно следя за показаниями тахометров и выполняя указания капитана. – Джанет, – обратился он к девушке, – диктуй скорость.

– Сейчас 130... 125... 120... 125... 130...

Трэливен слышал в наушниках доклад с радара.

– Он продолжает болтаться по высоте. Сейчас девятьсот футов.

– Джордж, – передал он, – уменьши скорость до 120 узлов и устрани дифферент. Я повторяю – скорость 120. – Он взглянул на свои часы. – Только спокойно.

– Продолжает терять высоту, – доклад с радара, – 800 футов... 750... 700...

– Ты теряешь высоту! – рявкнул капитан в микрофон. – Теряешь высоту! Поднимай нос! Давай, давай! Ты должен держать около тысячи футов!

Джанет продолжала диктовать.

– 110... 110... 105... 110... 110... 120... 120... 120... Остановилась на 120.

– Поднимайся... поднимайся, – цедил сквозь стиснутые зубы Спенсер, налегая на штурвал. – У-у, старая неповоротливая телега! Она не слушается! Она совсем не слушается руля!

– 125... 130... 130... остановилась на 130...

– Набрал высоту... 900 футов, – доклад с радара, – 950... 1000. Держит 1000 футов.

Трэливен окликнул башенного диспетчера.

– Он вышел на финишную прямую. Выключи все фонари на всех взлетно-посадочных полосах, кроме ноль-восьмой. – И опять в микрофон. – Выходи на прямую между 074 и 080 отметкой. Следи за скоростью и высотой. Держи тысячу футов, пока я скомандую снижаться.

Одна за другой гасли цепочки сигнальных огней, спрятанных в траве вдоль взлетно-посадочных полос. Осталось только две цепочки вдоль главной полосы.

– Заканчивай разворот, Джордж, и, как только будешь готов, ориентируйся по полосе прямо перед тобой. У нас дождь, включи очистители. Тумблер ниже и правее автопилота и четко обозначен.

– Ищи, Джанет, – бросил Спенсер девушке.

– Держи высоту тысячу футов, Джордж. Полоса длинная, у тебя еще уйма времени. Пусть Джанет найдет тумблер включения посадочных огней. Это на верхней панели, чуть левее центра. Строго держи высоту.

– Нашла? – спросил Спенсер.

– Минуту... да, вот он.

Спенсер поднял голову от приборов и посмотрел на землю.

– Боже! – выдохнул он. Огни полосы, ярко сверкающие на темном серо-голубом фоне земли, казалось, находятся совсем рядышком друг с другом, не шире железнодорожной колеи. Рукой он вытер глаза, слезящиеся от напряжения.

– Скорректируй курс, – продолжал Трэливен. – Выровняйся по полосе. И держи высоту, Джордж! Теперь слушай меня внимательно. Постарайся коснуться полосы примерно на одной трети ее длины. Учти, внизу слабый боковой ветер слева, поэтому будь готов поработать правой педалью. – Спенсер медленно развернул машину. – Если ты приземлишься с большой скоростью, то используй аварийное торможение. Для этого потяни на себя красную ручку, она прямо перед тобой. А если и это не поможет, тогда нажми четыре светящиеся кнопки над головой.

– Ты их видишь, Джанет?

– Да, вижу.

– Если понадобится, это нужно будет делать быстро, поэтому, когда я крикну, не теряй времени.

В горле у него пересохло, казалось, оно набито песком.

– Хорошо, – шепотом ответила девушка. Она сжала руки, стараясь унять их дрожь.

– В любом случае, ждать уже недолго. Ты не забыла об аварийном сигнале?

– Нет, я помню. Включу его перед самым касанием.

– Проверь скорость.

– 120... 115... 120...

– Начинайте снижаться, – доложили с радара, – 400 футов в минуту. Пусть проверит закрылки и шасси и держит прежний курс.

– Все идет хорошо, Джордж, – передал Трэливен. – Выпусти полностью закрылки, уменьши скорость до 115 узлов, устрани дифферент и начинай снижаться со скоростью 400 футов в минуту. Я повторяю.

Закрылки полностью, скорость 115, вертикальная скорость 400 футов в минуту. И держи прежний курс. – Повернулся к Гримселлу. – На поле все готово?

Тот в ответ кивнул.

– Да, все в полной готовности.

– Ну, тогда все! Через шестьдесят секунд все будет известно.

Они услышали приближающийся вой двигателей. Трэливен потянулся к биноклю.

– Джанет, выпускай полностью закрылки! – приказал Спенсер.

Девушка опустила движок вниз до упора.

– Высоту и скорость!

– 1000 футов... скорость 130... 800 футов... скорость 120... 700 футов... скорость 105. Мы снижаемся слишком быстро!

– Набирай высоту! – закричал Трэливен. – Поднимайся! Ты снижаешься слишком быстро!

– Я знаю, знаю! – Спенсер двинул вперед сектор газа. – Диктуй! – крикнул он девушке.

– 650 футов, скорость 100... 400 футов, скорость 100...

От лихорадочного возбуждения он был весь мокрый, глаза разъедало от пота. Он пытался сопоставить скорость с потерей высоты, пораженный глубоким, вызывающим тошноту, ужасом от неумолимо приближающейся с каждой секундой полосы. Самолет переваливался с боку на бок, пропеллеры то почти останавливались, то опять начинали вращаться с бешеной скоростью.

Со смотровой площадки донесся крик Бардика:

– Посмотрите! Он же не может с ней справиться!

Глянув в бинокль на приближающийся самолет, Трэливен рывкнул в микрофон:

– Работай! Поднимайся! Ты слишком быстро снижаешься! Следи за скоростью, ради всего святого! Опусти нос, он слишком высоко задран – машина сейчас остановится!

– Потише, – бросил ему руководитель полетов. – Он слышит тебя хорошо и уже исправляется.

– Хотелось бы, чтобы меня он тоже услышал, – вставил Бардик.

Подключился оператор радарной:

– Высота 100 футов, 50 футов...

– Поднимайся, поднимайся, – без остановки повторял Трэливен, – если еще не включили аварийный сигнал, то включайте. Спинки кресел – в вертикальное положение, пассажирам головы пригнуть.

Услышав пронзительный звонок, Бэйрд в салоне, срывая голос, закричал:

– Всем нагнуться, голову прикрыть руками! Упритесь, как только можете!

Сложившись почти пополам в своих креслах, болельщики Джо и Хэйзел Грир обвили друг друга руками.

Чилдер неловко, торопясь, пытался прижать к себе неподвижное тело жены. Откуда-то из середины салона донеслись слова молитвы вперемешку с рыданиями, потом восклицание одного из четверых накануне так лихо накачивающихся водкой болельщиков:

– Боже, помоги нам!

– Заткнись! – оборвал его «Тушенка». – Береги дыхание!

А в это время в башне Гримселл командовал в микрофон:

– Всем пожарным и спасательным машинам оставаться на своих местах, пока не проследует самолет. Его может занести. – Голос руководителя полетов отражался эхом среди зданий на поле.

– Он поднялся до 200 футов, – доложили с радара, – но, все равно, это – очень низко. 150 футов. Капитан, это очень низко! 100 футов!

Трэливен сорвал наушники и вскочил, схватив бинокль в одну руку, а микрофон – в другую.

– Держи эту высоту, – командовал он, – пока не подойдешь ближе к полосе. Будь готов еще немного подняться... Давай снова снижайся... Вроде все правильно...

– Проклятый дождь! – выругался Спенсер. – Я едва что-либо различаю.

Он разглядел, что под ними трава, а впереди увидел неясное очертание полосы.

– Следи за скоростью, – напомнил Трэливен. – Нос задирается! – Снизу, от основания башни, донеслись крики.

– Выровняйся перед самым касанием и будь готов компенсировать снос самолета правой педалью.

На Спенсера набегала полоса, футов двести шириной.

– Не спеши! – крикнул Трэливен. – У тебя большая вертикальная скорость! Поднимись! Держи ее! Сбрось газ! Учти боковой ветер, держи машину! Не так быстро! А сейчас сажай! Сажай ее!!!

До полосы оставалось несколько футов; Спенсер мягко двинул штурвал вперед, пытаясь почувствовать движение машины вниз, и тут горло его перехватил спазм от того, что он только сейчас осознал, насколько эта кабина находится выше, чем у тех машин, на которых ему

приходилось летать раньше. Это настолько усложняло ему задачу, что делало ее практически невыполнимой.

Через мгновение, показавшееся ему вечностью, колеса чиркнули по полосе, и машина опять повисла в воздухе, но тут же, с ударом, опустилась на полосу. Пронзительно взвизгнули шины, и вылетело облачко дыма. От удара самолет опять подпрыгнул. Потом могучие колеса опять опустились, ища опору на бетоне полосы. Последовал еще один удар, потом еще и еще. Сыпя проклятиями сквозь клацающие зубы, Спенсер что было сил тянул штурвал на себя, почти вдавив его себе в живот. Весь кошмар, все страхи прошедших часов выливались теперь в парализующую реальность. Серая полоса под ними, казалось, насккивала на них, отпрыгивала и опять насккивала. Вдруг, как по мановению волшебной палочки, прыжки прекратились. Все. Они приземлились. Он слегка нажал педаль тормоза, потом вдавил ее сильнее, что было сил. Раздался пронзительный визг, но скорость не уменьшилась. Краем глаза он увидел, что они проскочили уже две трети полосы, и он не сможет остановить машину у ее края.

– У тебя высокая скорость! – проревел в микрофон Трэливен. – Используй аварийный тормоз! Тяни красную ручку!

Спенсер лихорадочно рванул ручку. Он что было сил тянул на себя штурвал, упираясь ногами в педали тормозов. Казалось, мышцы рук разорвутся от напряжения; машину начало разворачивать. Колеса прошли юзом, потом опять машина быстро покатила по полосе.

– Кнопки!!! – крикнул он.

Джанет ударом руки отключила их. Шум моторов стих, в кабине были слышны только жужжание гирокомпаса и радио, да снаружи доносился визг шин.

Спенсер уставился вперед, замороженный ужасом. С выключенными двигателями машина продолжала нестись вперед, полоса под ними слилась в сплошную серую массу. Он уже различал указатель поворота в дальнем конце полосы. Сбоку промелькнула пожарная машина, рядом с ней, на земле лежал водитель.

Голос Трэливена в наушниках раздался, как взрыв.

– Поворачивай влево! Влево! Нажми левую педаль!

Автоматически Спенсер нащупал ногой педаль и что было сил подал ее вперед.

Резко свернув с полосы, машина стала описывать широкую дугу. Отброшенный вправо, Спенсер пытался выровнять машину. Послышался скрежет, потом ослепительная вспышка, шасси отлетели, и самолет упал на «брюхо». От сильного удара Спенсера подбросило, и он почувствовал

острую боль – привязной ремень глубоко впился в тело.

– Пригни голову! – крикнул он девушке. – Мы падаем!

Сжавшись в своих креслах, они пытались удержаться. Еще мгновение самолет тащился по траве, как краб, перепачивая поле. С металлическим скрежетом они пересекли другую полосу, давя сигнальные фонари и поднимая в воздух комья земли.

Спенсер молил Бога, чтобы это уже закончилось. Как обреченный, в бешеном, безнадежном отчаянии, с разбитыми в кровь губами, он ожидал неизбежной катастрофы, которая разнесет его на тысячи светящихся в темноте кусочков.

И тут, внезапно, они остановились. Спенсеру казалось, что они все еще продолжают двигаться, но глаза убеждали его в обратном. Несколько секунд стояла полная тишина. Он освободился от ремней и взглянул на Джанет. Она уткнулась головой в ладони и беззвучно рыдала.

Из пассажирского салона доносились бормотание и шепот все еще не верящих в то, что остались в живых, пассажиров. Кто-то истерически смеялся и, казалось, что говорят одновременно все.

Они услышали голос Бэйрда:

– Кто-нибудь ранен?

Голоса в салоне совсем перемешались. Спенсер открыл глаза. Он был оглушен и потрясен.

– Надо бы открыть аварийный выход, – донесся до него простуженный голос «Тушенки». – И всем оставаться на своих местах.

Дверь в кабину с грохотом распахнулась, и он услышал голос доктора:

– Отличная работа!!! Спенсер?! Вы там в порядке?

– Я развернулся!? – бормотал он, все еще не веря. – Мы развернулись на сто восемьдесят градусов! Вот это представление!

– Чепуха – вы все сделали замечательно! – успокаивал его Бэйрд. – Насколько я заметил, пассажиры отделались ушибами и небольшим потрясением. Давайте посмотрим, что там с пилотами – их, должно быть, растрясло.

Спенсер повернулся к нему. Ему было больно двигать головой.

– Доктор. – В горле у него пересохло. – Мы успели?

– Да, и, я бы сказал, как раз вовремя. Во всяком случае, сейчас их увезут в больницу. Вы сделали свое дело.

Спенсер попытался подняться, но в это время он услышал треск. Не понимая, что происходит, он встревожился, но тут же сообразил, что это голос из наушников. Он дотянулся и поднес их к уху.

– Джордж Спенсер! – его вызывал Трэливен. – Джордж Спенсер! Где

вы?

Снаружи донесся вой сирен пожарных машин и «Скорой помощи».

– Да, – ответил он. – Я слушаю.

Голос Трэливена звенел от ликования; был слышен смех и радостные возгласы.

– Джордж! Это, несомненно, была самая паршивая посадка в истории аэропорта! Поэтому пилотом мы вас на работу не возьмем. Но некоторые из нас хотели бы пожать вам руку, ну, и, разумеется, выпивка за нами. А сейчас все, Джордж! Мы выходим.

Джанет подняла голову, она улыбалась и слезы катились у нее по щекам.

– Вы бы посмотрели на себя, – сказала она. – У вас черное лицо.

Он не знал, что говорить. Никаких эмоций, никаких подходящих слов благодарности. Он ощущал только, что невыносимо устал, и что у него болит живот. Поэтому он лишь потрепал ее по руке и улыбнулся.